

ЖОРЖ ЛЕФЕВР
АГРАРНЫЙ ВОПРОС
В ЭПОХУ ТЕРРОРА
(1793—1794)

G.Lefebvre. *Question di agraires autemps de la Terreur*. Strasbourg 1932

Перевод *Ксении Игнатьевны Раткевич*

Редакция и вступительная статья проф. *Павла Павловича Щеголева*

Государственное социально-экономическое издательство
Ленинградское отделение. 1930

Книга является переводом работы известного исследователя социально-экономической истории Франции эпохи французской революции 1789 г. Богатый конкретно исторический материал этой книги дает возможность воссоздать картину социально-экономических отношений в французской деревне конца XVIII века. Книга рассчитана на преподавателей истории и студентов исторических факультетов.

Предисловие

Глава первая. Вантозские декреты

Глава вторая. Крупные фермы и условия их аренды

Глава третья. Половничество и «генеральные фермеры»

Глава четвертая. Регламентация земледелия

Заключение

Документы

Веб-публикация: *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2012

Тематически связанные материалы даны нами после текста книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Комиссия по исследованию и опубликованию документов по экономической истории Революции любезно разрешила мне представить публике в этом издании результаты моих исследований по истории аграрных проблем, которые с самого начала Революции страстно волновали крестьян и вследствие этого должны были привлечь к себе внимание правительства II года; проблемы эти — отчуждение национальных имуществ, раздел крупных ферм, условия половничества, регламентация земледелия. Розыски материалов были мной произведены в Национальном архиве, в подсерии F¹⁰, опись которой опубликована Ж. Буржемом. Среди из найденных мной там документов воспроизведены здесь 1 extenso, другие проанализированы.¹

¹ Как увидит читатель, мной были использованы также и некоторые другие архивы, в частности серии С и D XXIX. При ссылках на документы они указаны под порядковым номером. Было мной также использовано и известное количество сборников наказов. Чтобы не указывать их в дальнейшем в примечаниях, я раз всегда привожу их названия здесь: Archives parlementaires тт. II—VI (в частности указы приходов Парижского превоге тт. IV и V); Cahiers des paroisses du Maine (опубликованы Bellée, Duchemin, Dunooyer de Segonzac et Brinchau, 4 тома 1881—1892); d'Alençon (Duval, 1887); du Tiers Etat des villes et villages vosgiens (бальяжи Эпиналь, Шатель, Нефшато и Ламарш, опубликованные Chevreux, 2 тт. 1889—1891); Pas-de-Calais (Loriquet, 2 тт., 1891); бальяжа d'Autun (Charmasse et Fontarlot, 1895), Saône-et-Loire (Lex 1910); Flandre Maritime (Sagnac et de Saint Léger; 3 тт., 1905—1910), бальяжи Bonlay, Bouzonville et Metz (Dorvaux et Desprand, 2 тт., 1908—1918; тт. IX и X Quellen zur Lotharingischen Geschichte); Grand et Marquis, Les Trois Etats du Baillage d'Etampes aux Etats Généraux тт., 1892—1898; Lorin, Les Trois Etats du Baillage royal de Montfort l'Amaury Mémoires de la société archéologique de Rambouillet, тт. XVI и XVII, 1902—1903) Muséum, Les Cahiers de 1789 dans les circonscriptions qui ont formé le département d'Eure-et-Loir (1931); часть этих наказов была опубликована Лефевром в Annuaire d'Eure-et-Loir de 1848; г. Жюсслен приводит некоторые другие; наконец, сборники, опубликованные комиссией по исследованию и опубликованию документов, относящихся к экономической истории Революции, и ее департаментскими комиссиями, Baillages d'Amont (опубликованы Godart et Abens: тт. 1918—1927); d'Arques (2 тт. 1922) и du Havre (1929), опубликованные Le Marquier; Blois и Romartin (Lesueur et Cauchie; 2 тт. 1907—1908); Bourges, Vierzon et Henrichemont (Gandillon; 1910); Châlons-sur-Marne (1906); Sézanne (2 тт. 1909—1911), и Reims (2 тт., вышедшие в 1930—1931 гг.), опубликованные Laurent Cotentin (Bridrey, 3 тт. 1907—1912); Dieuze, Vic u Vézelize (Etienne, 1912, 1907—1930); Honfleur (Blossier, 1913); Mirecourt (Martin, 1928); Orléans (Bloch, 2 vol 1900—1907); Sens (Porée, 1908), Thionville (Dorveaux et Lesprand, 1922); Troyes et Bar-sur-Aube, (Vernier, 3 тт. 1909—1911); Sénéchaussées d'Angers (Le Moyne, 2 тт. 1915—1916); d'Angoulême et Cognac (Boissonnade, 1907); Bigorre (Balencie

Из пожеланий, высказанных крестьянами, или же теми, кто принимал в них участие, — одни, например, пожелания, относившиеся до крупных ферм, — вовсе не получили удовлетворения; другие, касавшиеся половничества и регламентации земледелия, повели к мероприятиям половинчатым или несогласованным друг с другом; важнейшие усилия одной части монтаньяров, и в особенности робеспьеристов, были направлены на отчуждение национальных имуществ, причем имелось в виду какую-то часть их закрепить за беднейшими крестьянами. Политика эта встретила сильное сопротивление в Конвенте и даже в Комитете общественного спасения, — когда приняла наиболее радикальную свою форму в вантозских декретах, этом детище робеспьеристов, значение которых, отмеченное уже Ж. Паризе, было в последнее время подчеркнуто Матъезом.

В конечном счете социальная политика Конвента и, в частности, социальная политика робеспьеристов и лежит в центре настоящего исследования, служа связующим звеном между отдельными его очерками.

Само собой разумеется, я не претендую на то, чтобы дать здесь ее полное отображение, раз что я рассматриваю ее лишь с аграрной точки зрения. Но читатель согласится, конечно, что пожеланиями крестьян не приходилось пренебрегать. Именно их выступление в июле 1789 г. подорвало основы старого феодального здания; именно их поддержке обязано Учредительное собрание доброй долей своего влияния и силы. После исчезновения десятины и феодальных прав партия монтаньяров могла поддерживать революционный порыв в деревнях и направить его в свою пользу лишь при условии, если она сформулирует новую аграрную программу.

Предлагаемые здесь читателю очерки могут, следовательно, представлять интерес не только для аграрной истории Франции, но, как мне кажется, и для политической истории Революции. Не хуже всякого другого я знаю, что только одни лишь локальные монографии дадут возможность выяснить до конца все, относящееся к положению крестьян. Пусть же это издание вызовет к жизни хоть несколько таких монографий.

2 тт. 1925—1926); Cahors (Fourastié, 1908); Civray (Boissonnade et Cathelineau, 1925); Marseille (Fournier, 1908); Montauban (Malrieu, 1925); Nîmes (Bligny-Bondurand 2 тт., 1908—1909); Niort et St. Maixent (Cathelineau, 1912); Quimper et Concarneau (Savina et Bernard, 2 тт. 1927); Rennes (Sée et Lesort, 4 тт. 1909—1912); Toulouse et Comminges (Pasquier et Galabert, 1928).

Глава первая

ВАНТОЗСКИЕ ДЕКРЕТЫ

Революционное возбуждение, которое после сентября 1793 г., худо ли, хорошо, сдерживалось Комитетом общественного спасения, в начале вантоза, казалось, готово было вновь прорваться. До некоторой степени ответственным за это во всяком случае являлись эбертисты: как и обычно, они требовали «решительных мер» — конфискации имущества подозрительных в пользу санкюлотов, строгого применения максимума, нового закона против спекулянтов; эта программа отвечала нуждам народа, и они могли рассчитывать на его сочувствие. Следовательно, не исключена была возможность нового переворота.¹

Правда, Комитет общественного спасения мог предупредить его, арестовав эбертистов. Но если бы санкюлотам был нанесен удар в лице «Отца Дюшена», это явилось бы Пирровой победой для Комитета, ибо их поддержка и составляла его силу. Поэтому-то он и старался избежать столкновения, пойдя на новые уступки. Помимо предстоявшего в ближайшее время обнародования общего максимума, подготовлявшегося еще начиная с брюмера, Комитет возвестил о новом законе против спекуляции, а 8 вантоза Сен-Жюст в своем знаменитом докладе предложил и обосновал декреты, которые должны были решить участь подозрительных и их имуществ; в тот же день Конвент постановил, что подозрительные останутся в тюрьме вплоть до заключения мира, чтобы тогда подвергнуться изгнанию на веки; на имущество же их будет наложен секвестр.

13-го Комитету общественного спасения было предложено составить список «неимущих» патриотов и затем предложить «способы вознаграждения несчастных с помощью имущества врагов Революции в соответствии с теми списками, которые будут ему представлены Комитетом общей безопасности и затем опубликованы». В докладе Сен-Жюста предлагалась безвозмездная раздача имущества подозрительных неимущим патриотам.²

¹ Относительно падения эбертистов см. А. Матъез — «Борьба с дороговизной и общественное движение во время террора», гл. VII.

² По поводу вантозских декретов, см. А. Mathiez. La Terreur instrument de la politique des Robespieristes. Les décrets de ventôse sur le séquestre des biens des suspects et leur application В „Annales historiques de la Révolution fran-

Надежды правительства не вполне оправдались: эбертисты не сложили оружия; их пришлось отправить на эшафот. Во всяком случае санкюлоты не двинули при этом и пальцем и, несомненно известную роль сыграли в этом вантозские декреты, производившие сенсационное впечатление в народной среде; если верить одному из осведомителей, «санкюлоты теперь были уверены, что у них будет где преклонить голову». Это было преувеличением: доклад Сен-Жюста не обещал так много. Во всяком случае, обоснованные, или нет, упования эти остались тщетными, — декреты так никогда и не применялись, так что можно задать себе вопрос, не имеем ли мы дело с чисто-политическим маневром, не нашли ли нужным Комитеты и Конвент, для того чтобы привлечь на свою сторону санкюлотов и побудить их покинуть своих вождей, дать им обещание, сдержать которого они отнюдь не собирались.

Что тут был маневр — в этом трудно сомневаться. Но мы хотим показать, что по вопросу о реализации вантозских декретов среди революционеров произошел раскол, как это с ними случалось каждый раз, когда заходила речь о том, чтобы обеспечить беднякам часть национальных имуществ; робеспьеристы были искренни; нельзя того же сказать про большинство Конвента и Комитета общественного спасения. К тому же надобно расширить рамки спора, ибо важность вопроса о вантозских декретах заключается не только в той роли, которую они сыграли в подготовке 9 термидора. Следует поставить вопрос, не являлось ли предложение неимущим крестьянам имений подозрительных лиц никчемным жестом со стороны робеспьеристов, до которого не было никакого дела сельскому населению, — нечто подобное говорили о монтаньярах по поводу законов 1793 г. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно встать на точку зрения крестьян, а не Конвента. Как бы там ни было, и вантозские декреты и сопротивление, которое они встретили, можно понять во всем их значении лишь в связи с историей национальных имуществ.

I

Когда в последние годы старого порядка крестьянин спрашивал себя, как ему облегчить свою нужду, он прежде всего начинал помышлять о том, чтобы получить немножко земли.¹

aise", т. V, 1928, стр. 193—229. Доклад Сен-Жюста помещен в *Moniteur* (réimpression), XIX, 565.

¹ По поводу аграрного вопроса в конце старого режима и во время Революции см. G. Lefebvre. „Les recherches relatives à la répartition de la propriété et de l'exploitation foncières à la fin de l'Ancien régime" — *Revue d'histoire moderne* 1928, pp. 103—130; „Les études relatives à la vente des biens nationaux", там же, стр. 180—219; „La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France" — *Annales d'histoire économique et sociale*, 1929, pp. 506—523. См. также G. Bourgin: „L'Agriculture, la classe paysanne et la Révolution Française" — *Revue d'histoire des doctrines économiques et sociales* 1911.

В наказе прихода Ауенкорт-ле-Моншель в окрестностях Мондидье говорится: «Жителям деревни хорошо бы иметь по несколько арпанов земли, тогда легче было бы прожить». ¹ Нет такого округа, где бы указы 1789 г. не требовали продажи домашних земель; в тех случаях, когда некоторые из них предлагают отчуждение части земель духовенства на погашение долга, мы вполне можем быть уверены, что составители рассчитывали воспользоваться представлявшимся случаем; к тому же встречаются люди менее осторожные, прямо выражающие свои вожделения. Что касается раздела общинных земель, то тут встречается больше колебаний, — действуют опасения, что нечем будет прокормить скот. Однако же, нередко желание приобрести клочек земли, чтобы построить домик и взрастить кое-что для своего пропитания, заставляет перешагнуть через эти опасения. «Нам надобно жить, — пишет община Ландовилье в бальяже Метца, — детей у нас прибавляется, нам нужно хлеба; мы не можем оставлять земли невозделанными». ²

Во многих местах общинные земли и леса были захвачены бедняками, строившими там себе хижины. ³

¹ Наказ, опубликованный Beauvillé в „*Histoire de Montdidier*", т. I стр. 570.

² Отношение крестьян к существованию общинных земель заслуживало бы особого исследования. На указы нельзя полагаться; относительно каждого пункта следует знать, кто его составлял или подсказал. Бедняки не всегда благоприятно относятся к разделу, либо потому, что сеньор начинал пользоваться своим правом тиража, либо в силу того, что они извлекали значительные выгоды из разведения скота. В бальяже Метца они его одобряют совершенно определенно, — народу от этого большое подспорье" (Alémont). „Беднякам — наемным рабочим — весьма прискорбно сознавать свою нужду и видеть, как принадлежащие им пастбища только два месяца в году служат выгоном скоту, а остальную часть года используются только в своих интересах нескольких состоятельными лицами, имеющими возможность разводить молодняк". (Marly). См. G. Bourgin, *Le partage des biens communaux; documents sur la préparation de la loi du 10 juin 1793* (1908; издание Комиссии по изучению экономической истории Революции). Для Северного департамента см. G. Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Révolution Française*, стр. 62.

³ G. Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 57—58; наказ дворянства Булоннэ („Часть этих общинных земель утратила свое назначение. На них водворились какие-то бродяги; их прибывает с каждым днем"); в той же провинции Selles и Parenty требуют, чтобы захватчиков выгнали; Parenty добавляет: „за исключением, впрочем, тех, кто уже построился на этих общинных землях, ибо человечность требует оставить их". Musset в книге „*Le Bas Maine*", стр. 276, указывает, что на ландах кишат бедняки, строящие там себе хижины или какие-то логова, в Карелле в 1789 г. они составляют четверть всего населения; в Жювьинье, в IX году, три четверти (350 хижин). В наказе Baffe (бальяж Эпиналь) говорится: „Встречаются жители, сооружающие деревянные бараки вдали от деревень, в лесах, где они что ни день поднимают новь". Наказ Мэна, Авертон: „Здесь находится по крайней мере семьдесят бедных семей, привлеченных соседством леса". Ноё: немедленно вслед за декларацией 1766 г. „Тысячи человек, не заботясь о формальности, предписываемых этим ордонансом, рассеялись по всем без различия невозделанным и поросшим кустарником землям". Нам: „было бы чрезвычайно выгодно предоставить невозделанные земли в распоряжение бедноты". Многие указы бальяжа Аленсона и генеральный наказ содержат протест против того параграфа ордонанса 1669 г., который запрещает строиться в полумиле от лесов. 22 мессидора II г. департамент Аллье изгнал из лесов своего

Все, что нам известно о распределении земельной собственности, показывает, что крестьяне-бедняки, желавшие получить землю, составляли значительное большинство сельского населения. Но среди них следует различать разные категории. Одни из них уже были владельцами собственного дома, огорода при нем и даже нескольких парцелл, всего этого, однако, было недостаточно, чтобы обеспечить им независимость, и они желали увеличения своих владений. Другие обрабатывали землю в качестве фермеров или половников: эти также хотели улучшить свою участь и стать независимыми. Наконец, некоторые области, в частности ближайшие к Парижу, были густо заселены пролетариатом, который не владел ровно ничем.¹

Допустим, что этой крестьянской бедноте можно было бы предоставить землю, — мы сталкиваемся с другим различием: есть среди нее такие, которые могли бы заплатить за землю, и такие, которые не были бы в состоянии этого сделать. Само собой разумеется, разграничение между ними не слишком определенное. «Добейтесь того, — говорит один пикардийский крестьянин Национальному собранию, — чтобы богачи уступили даром или как-нибудь иначе землю тем, у кого ее нет».² С другой сто-

округа водворившихся там рабочих. Gerbaux et Schmidt. Procès-verbaux des Comités d'agriculture et commerce, III, 336).

¹ Наказы бальяжей совершенно не отмечают этого положения вещей, явствующего из исследования распределения собственности. Наказ бальяжа Дижон, приглашающий генеральные штаты «предоставить сельскому населению для обеспечения его существования и для прокорма скота земли, годные для обработки», является, насколько нам известно, единственным исключением. В наказах приходов довольно часто слышатся требования бедняков. В этом отношении заслуживают быть отмеченными многие приходы Парижского прево: Монтрейль, подле Венсенна, жалуются на ежедневные захваты со стороны сеньера; Фосс — на захваты со стороны богатей: «Повидимому, ничто бы не помешало установить на любой территории размеры собственности, хотя бы в одну четверть или в одну пятую для местных сеньеров и в одну шестую или седьмую для всех других единоличных владельцев» (pour tout autre particulier). Вэр, подле Ланьи, высказывается еще определеннее: «В нашем приходе — всего шестнадцать землевладельцев (particuliers) и два фермера и г. де-Жевр, сеньер с правом средней и низшей юрисдикции, у которого около 400 арпанов земли. Состав нашего прихода таков: в нем из восемнадцати жителей-собственников и фермеров — только один, по имени Потэн, депутат от нашего прихода, владеет домом и тремя арпанами земли и платит аренду герцогу Жевр. Что касается остальных жителей, они живут просто в маленьких хижинах, не имея где поместить какой бы то ни было скот, даже птицу».

² Так как у нас нет ни пяди земли (pas une perche), а могло бы быть, раз в нашем приходе имеется около 130 арпанов общинной земли под плохим пастбищем, пользоваться которым мы не можем, будучи стеснены помещением, мы просим разрешения вступить во владение упомянутыми землями, обязуясь платить по четыре ливра аренды с арпана, и позволения строиться на этой земле, что нас избавит от необходимости платить по 40 ливров в год за наем помещения. Это освободит нас от ярма, так давно лежащего на нас, ибо мы все зависим от этих сеньеров... Фермеры нашего прихода не разделяют нашей точки зрения. Простой народ всегда бывает обойден. Никто не поддерживает нашего прихода, и все мы находимся в зависимости от местных сеньеров и фермеров».

³ № 50. (Ссылка на порядковый номер здесь и во всех других местах имеет в виду документы, составляющие вторую часть исследования Лефевра.) Прим. перев.)

роны между этим подразделением и предыдущим нет полного соответствия, — не один собственник просил милостыню, а в податных списках встречаются имена собственников, которых обозначают, как нищих; большинство половников не имело возможности делать сбережения; и наоборот, люди, не владевшие землей, но занимавшиеся торговлей или промышленностью, не нуждались.

Но и те, которые могли платить, не имели возможности, будучи весьма бедны, ни купить много земли зараз, ни купить ее по дорогой цене или за наличные. В Эльзасе евреи основательно наживались, перепродавая поденщикам (aux journaliers) по частям и в рассрочку имения, купленные ими целиком; в большинстве случаев их должники так и не могли расквитаться с ними, освобождаясь от пут и сгонялись с земли.¹ Поэтому крестьяне, вместо того, чтобы покупать землю, предпочитали получать ее по договору за поземельную ренту (contre un bail à rente foncière), либо же арендовать по обычной цене. Больше же всего боялись они сдачи в наем или продажи ее с торгов; лотарингские общины горько жаловались на то, что управляющие доменами и крупные землевладельцы сдавали землю тем, кто предлагал больше. Если к королю обращаются с просьбой продать или сдать в аренду свои земли, то, случается, при этом прибавляют, что надобно предварительно разбить их на участки средней величины; так приходы Версальского бальяжа просят умолить короля выделить из своего домена некоторое количество земли, поделив ее на мелкие участки, и распределить среди бедного сельского населения по той же цене, что и земли, сдаваемые фермерам.² В Калезисе третье сословие выражает пожелание, чтобы земли домена сдавались «мелкими участками», и происходило бы это в присутствии местного судьи, дабы ограничить конкуренцию. В таком же смысле высказываются и Лотарингские приходы.³

В бальяже Шартр третье сословие также ходатайствует о продаже земель духовенства «мелкими участками, поскольку это возможно». С наибольшей ясностью на этот счет высказался приход Сент-Реми-Онорэ, в Иль-де-Франсе: «Пусть все вотчины и домены монастырей будут поделены между земледельцами (cultivateurs) отцами семей, с обязательством для них заплатить сколько следует»; иначе говоря, земля должна быть сохранена для крестьян и распределена непосредственно между ними при

¹ Hoffmann. L'Alsace au XVIIIe Siècle, I, 183.

² То же и в Медоне. Приход Шавильль требует сдачи в аренду (arrentement), Гюянкур сдачи в наем участками от 4 до 5 арпанов.

³ Нимбург (Булэ): Пусть разрешат сеньерам сдавать по умеренной аренде (à modique sens) все земли предпочтительно своим вассалам и чиншевикам, поселившимся в этих местах.

Villing и Gaweistroff (Бузонвилль): «Поделить домиальные земли в небольших общинах между их членами, с условием уплаты денежной аренды, подобно нынешним владельцам». Бетришам (Вик): «Надобно, чтобы эти домены сдавались мелким участкам».

условии, что они внесут плату, каждый в соответствии со своими возможностями.¹

Но прекрасно было известно, что многие не могли ничего внести, тем более что, вступив во владение, они принуждены были бы платить поземельный налог. До революции все те, кто изыскивал способ уничтожить нищету и одновременно обеспечить подъем нови, предлагали бесплатную раздачу невозделанных земель и даже авансирование новых поселенцев. Так, дворянство Булоннэ в своем наказе требовало, чтобы по участку пусто-порожных земель было закреплено «за каждой семьей бедняков» для посадки картофеля, а в Марли-ля-Вилль, в Иль-де-Франсе, филантроп, редактировавший наказ, предлагал в каждой деревне создать домэн, который бы по участкам сдавался в пользование наиболее добродетельным и нуждающимся жителям.² В валлонской Фландрии и в Артуа осушенные болота уже нередко распределялись в пожизненное владение по очереди между отдельными хозяйствами.

Таким образом, как только встал вопрос об отчуждении земель духовенства, перед революционерами, принимавшими участие в бедном крестьянстве, появилась клиентура двоякого рода. С одной стороны, были люди, уже владевшие какой-то собственностью, или же не вовсе лишенные средств; они желали, чтобы непосредственно между ними, помимо всяких торгов, была распределена хотя бы часть земель, под условием выплаты ежегодных взносов, или же, что еще лучше, — простой поземельной ренты. Если же уж хотели непременно продавать с торгов, не устрояя, однако, этих алчущих, следовало предоставить им достаточно времени для расплаты, в особенности же необходимо было предварительно нарезать землю очень мелкими участками. А с другой стороны, были такие, кто не только не мог брать на себя обязательство производить ежегодное погашение стоимости земли и процентов, но не мог даже уплачивать земельной ренты; чтобы удовлетворить их, надобно было наделить их бесплатной parcelлой, выделив ее в крайнем случае из невозделанных земель.

Это не простое умозрение и не отвлеченное рассуждение. Многие крестьяне, едва только прослышав о том, что земли духовенства переданы в распоряжение нации, сделали вывод, что могут их поделить между собой. Если верить одной современной брошюре, в одной деревне, в окрестностях Этампа, они яви-

лись к нотариусу. «В чем дело, друзья мои?» — «Да вот, насчет раздела.» — «Какого раздела?» — «Раздела имущества нации; мы пришли, чтобы вы это поделили между нами».¹ Более достоверным и одновременно и более характерным является свидетельство Делатр-Деламотта, королевского адвоката в бальяже Вермандуа: подле Сент-Кентена крестьяне заставили землемера произвести раздел и распродали то, что не подходило для раздела.² Еще 28 августа 1790 г. Учредительному собранию донесли, что в Ангумуа Мутонский муниципалитет, в нарушение декрета, сохранявшего в силе контракты, заключенные духовенством, во что бы то ни стало хотел согнать фермера, арендовавшего местные земли, обращенные в национальные имущества: он наложил арест на урожай, а крестьяне угрожали поджечь фермера. Видимо, они считали, что эти земли предназначены им.³

В Учредительном собрании у неимущих крестьян, само собой разумеется, не было ни одного представителя; ни один человек не выступил от их имени с конкретным изложением их нужд и пожеланий. Правда, их интересы защищались, но косвенным путем; одних озабочивали вопросы общественного порядка, — они предлагали раздачу земель неимущим для устранения нищенства, других занимал вопрос о привлечении населения на сторону Революции, — они рассчитывали этого достичь, увеличив число землевладельцев за счет духовенства; третьи, наконец, стремились создать условия благоприятные для земледельческой культуры, — они желали увеличить число мелких хозяйств, более, по их мнению, продуктивных, нежели крупные; кое-кто имел также в виду продовольствие городов и цены на хлеб: мелкие земледельцы, утверждали они, более регулярно снабжают рынки и продают продукты дешевле, чем крупные фермеры.⁴ Для всех их в основе лежали интересы государства. Доводы их производили впечатление, но они не являлись неоспоримыми; раздача земли, конечно, не могла уничтожить нищенства; у крупного земледельца были свои защитники, — мелкие производители, может быть, и продают дешевле, но они сами потребляют большую часть своего урожая, так что исчезновение крупных хозяйств могло поставить под угрозу существование населения, не занимающегося сельским хозяйством; конечно, благоразумно было привлекать сторонников дела Революции, но еще благоразумнее было не создавать ей врагов, ведя ее к банкротству, а ведь именно, чтобы избежать его, и наложили руку на земли духовенства.

¹ Приведено у Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution française, стр. 158, на основании брошюры, озаглавленной „Современная библия“ (Bible d'à présent. (Arch. nat. AD, 1, 84).

² Arch. nat. D, XXIX, 72, 23 ноября 1789 г. „Я бы не поверил сам этому, если бы заслуживающие доверия свидетели не поручились мне, что подобное бесчинство действительно произошло в окрестностях Сент-Кентена“. В 1791 г. в Донкирхене рабочие и ремесленники начали самовольно строиться на землях духовенства. Lefebvre. Paysans du Nord., стр. 429.

³ Arch. parlementaires, XVIII, 986.

⁴ По этому вопросу см. рассуждения, заключающиеся в документе № 61.

¹ Приход Вольне (Марна) выражает такие же пожелания; он добавляет, „что для государства может быть даже выгодным издать постановление о том, чтобы одно и то же лицо не могло покупать двух участков“.

² Составитель наказа Пасси требует со своей стороны, чтобы общинные и невозделанные земли были распределены на участки, — лес и пашня от 15 до 200 арпанов и „луга, виноградники и земли, пригодные под огороды“, „по восемь, четыре и даже по два арпана“, при условии, „чтоб у получивших их не было других земельных владений, и что они не будут иметь права ни дробить их, ни передавать другим покупателям иначе, как на тех же условиях“.

Это последнее соображение было неопровержимо, из него следовало, что национальные имущества должны быть распроданы как можно дороже, и вследствие этого наряду с депутатами, расположенными к бедному крестьянству, с первого же дня возникла партия, решившая ими пожертвовать. Большинство колебалось между двумя политическими линиями, но коль скоро решающим моментом являлись интересы государства, не оставалось сомнений относительно возможного решения. Оно должно было соответствовать требованиям казны и ее кредиторов.

Характерно, что все эти помыслы ограничивались «неимущими». Это слово будет нередко встречаться в течение последующих лет, причем так никогда и не будет дано более точного определения этого понятия. Возможно, что имелись в виду не все те, кто прибегал к милостыне и к общественной помощи, а лишь те, пользовавшиеся пособием, лица, которые были лишены всякой собственности, не арендовали нигде земли и не облагались налогами, короче говоря, имелась в виду попытка привязать к земле наиболее непоседливую часть сельского населения, наиболее опасную для общественного порядка. В парижском Обществе земледелия и в Комитете по делам о нищих Бонсерф предлагал распределить между ними часть невозделанных национальных имуществ. Прюдом в своей газете «Парижские революции» защищал то же положение; оно встречается и в петициях, представленных в Собрание, например, в записке маркиза де ля Салль д'Оффемона, который хотел собрать бедняков в благотворительных мастерских: там они бы работали за счет государства и получили бы шестую часть земель, приведенных ими в культурное состояние. Автор исходил из предположения, что один человек в состоянии подымать ежегодно по четыре арпана нови.¹ Комитет по делам о нищих высказался в благоприятном смысле и герцог де ла Рошфуко-Лианкур в своем четвертом докладе по вопросам общественного призрения, официально представил Учредительному собранию соответствующее предложение. Но собрание не вяло ему. Оно нуждалось в деньгах, тот, кто не мог платить, был оставлен за бортом.

Что касается других категорий бедного крестьянства, то, кажется, ни один депутат не предложил сдавать им, как они того желали, земельные наделы на условиях ренты с правом выкупа ее (что было бы равносильно вечной аренде с обещанием про-

¹ По поводу этих предложений см. Sagnac. Les ventes de biens nationaux d'après les recueils des documents et des travaux récents. Revue d'histoire moderne et contemporaine, т. VII 1906—1907; Bloch et Tuetey. Procès verbaux et rapports du comité de mendicité de la Constituante, стр. 56, 68, 92, 388 (4-й доклад Ла-Рошфуко-Лианкура, прочитанный в заседании 1 декабря 1790 г.); Ferdinand Dreyfus, Un philanthrope d'autrefois. La Rochefoucauld-Liancourt, стр. 147; Lichtenberger — цитированная работа, стр. 207—208 (проект Прюдома: помимо раздачи невозделанных земель, он имел в виду и создание в каждом департаменте фонда для покупки и перепродажи земель, с тем чтобы облегчить приобретение ее беднякам и молодоженам. Записка маркиза де ля Салль находится в картоне 320; на ней пометка о передаче ее для доклада, — пометка от 3 мая 1790 г.

дажи участка) или хотя бы продавать им непосредственно эти участки на основе произведенной оценки. Декретом от 14 мая 1790 г. было постановлено, что все национальные имущества будут продаваться с торгов.¹ Этого крестьяне опасались больше всего; как бы низка ни была первоначальная цена земли на торгах, она всегда подымалась до уровня, делавшего землю недоступной огромному большинству из них. В социальной истории революции это постановление имело огромное значение. И тем не менее количество бедных крестьян среди приобретателей национальных имуществ должно было явиться более или менее значительным, — в зависимости от того, насколько благоприятными для них являлись другие обстоятельства продажи. Было решено, что продажа будет производиться в главном пункте дистрикта, а не коммуны, как того хотели бы крестьяне; иначе нельзя было поступить, раз желательно было присутствие богатых соискателей, но для бедняка, при поездке в город терявшего рабочий день, это было чрезвычайно неудобно. Во всяком случае Учредительное собрание считало, что оказывает большое снисхождение мелкому покупателю, разрешая распродачу плантажа на двенадцать лет. Однако, для того, чтобы эта уступка имела для бедноты хоть какое-то значение, необходимо было, чтобы земли, прежде чем поступать в продажу, были разбиты на мелкие, скромно оцененные участки. Поэтому-то, после того как была решена продажа с торгов, прения сосредоточились вокруг этого пункта.

Декрет 25 июня 1790 г. и инструкция от 10 августа свидетельствуют о том, что вначале перевес был на стороне депутатов, благоприятно относившихся к крестьянам, но они же свидетельствуют и об их колебаниях и о сопротивлении, оказанном им теми, кто рассматривал всю операцию исключительно с финансовой ее стороны. Администрации дистриктов вменялось в обязанность произвести оценку имений и, прежде чем пускать их в продажу, разбить на мелкие участки, «насколько позволит природа земель».²

¹ В серии, издаваемой Комиссией по экономической истории революции, печатается в настоящее время сборник декретов и инструкций, относящихся к продаже национальных имуществ, составленный Кароном и Деспре. В тех двух томах, которые уже вышли, материал доведен до 30 июня 1793 г.

² 10 мая Ренью де Сент-Жан-Анжели потребовал, чтобы были созданы небольшие имения (пашня, луга, виноградники, лес) с соответствующей расценкой их, вместо оценки на основании арендного контракта, т. е. оценки земель в целом; Делле д'Ажье возражал, ссылаясь на проволочку и расходы, с этим связанные.

В декрет 25 июня был, наконец, введен параграф относительно предварительного раздела земель. См. ниже № 121, петицию генерала Монвера, и №№ 22 и 23. К сожалению, большинство публикаций, имеющих отношение к продаже национальных имуществ, не дает никаких указаний относительно того, как дистрикты истолковывали и применяли в этом отношении декрет 14 мая, хотя вопрос этот чрезвычайно важен.

Для департамента Севера см. Lefebvre. Les paysans du Nord стр. 427—434, для дистрикта Санс—Сборник Ch. Porée в издании Комиссии по изучению экономической истории; для Кот д'Ор: R. Delaby. Le rôle du Comité d'aliénation dans

К сожалению, эта операция являлась неизбежно длительной и дорогой; сравнительно нетрудно было определить стоимость всей фермы, исходя из арендного договора, между тем как при разделе ее приходилось не только принимать во внимание местные условия, но и устанавливать относительную стоимость отдельных частей. Администрация дистриктов не могла предпринимать этой работы, ибо декрет предписывал ей немедленно же и в таком виде, как они были, пустить в продажу оцененные земли, причем, спешка была так велика, что даже не подумали подготовить официальные торги.

Во всяком случае, можно было бы потребовать, чтобы каждая оценка распространялась только на имения, составлявшие собственность одного и того же владельца и находившиеся в эксплуатации у одного и того же лица; между тем, как раз наоборот, принимались предложения покупки, относившиеся сразу не только к земле, но и к жилым домам, мельницам, феодальным правам, и торги открывались на все вместе. В некоторых местах представители администрации проявляли сомнения и беспокойство, и по поводу одной подобной продажи директория департамента Кот д'Ор запросила Комитет по отчуждению. В своем ответе от 7 ноября 1790 г. Камюс, признав, что она противоречит духу декрета, тем не менее ее утвердил на том основании, что никто не заявил протеста!

Между тем Учредительное собрание постановило, что, собрав предварительные предложения покупки на оцененное имущество в целом, администрация регистрирует также и предложения, относящиеся к отдельным участкам. Имевшее в виду главным образом целую хозяйственную единицу, решение это тем не менее должно было применяться и к отдельным угодьям, из которых в большинстве случаев состояли имения. Если цена, предложенная на отдельные угодья, в совокупности своей равнялась цене на имение в целом, или превышала ее, то таким частичным предложениям отдавалось предпочтение.¹ Но как было это осуществимо при отсутствии предварительной расценки отдельных участков? Комитет между тем заявлял, что в ней не было необходимости. Многие дистрикты Северного департамента, а также и дистрикта Шатильон-сюр-Сен Арнэ ле Дюк в департаменте Кот д'Ор проявили более благоприятное отношение к мелкому покупателю, расценив по отдельности составные части *la vente des biens nationaux d'après la correspondance inédite du constituant Camus avec le directeur du département de la Côte-d'Or*; публикация департаментского комитета.

¹ Процедура, применявшаяся на торгах, вызвала многочисленные споры (G. Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 432). Вопрос был в том, следовало ли по получении частичных надбавок в том случае, когда они равнялись общей, объявлять имение проданным, или же открывать новые торги и т. д. От дистрикта к дистрикту и даже в пределах их толкование бывало различным. В Валансьене и в Камбре был принят первый метод, благоприятный для покупателей отдельных участков. Но это, возможно, делалось в целях упрощения процедуры. Амело, управляющий кассой чрезвычайных поступлений, распорядился применять другую систему.

имения,¹ и допускали даже заявки на одну какую-нибудь часть фермы, даже на часть поля.²

Переписка Комитета по отчуждению с департаментом Кот д'Ор явственно свидетельствует о том, что он неохотно применял декрет 14 мая во всей его строгости, поскольку тот предписывал предварительное дробление предназначенной к продаже земли; главное для него заключалось в том, чтобы закончить дело как можно скорее. Можно было ожидать, что защитники интересов казначейства возобновят борьбу.

Действительно, 3 ноября 1790 г. они заставили сократить срок до четырех лет и постановить, что впредь имения будут продаваться целыми угодьями. Правда, по первому пункту им вскоре пришлось сложить оружие, — такие страстные протесты раздались даже со стороны крупных покупателей. Но по второму они удержали свои позиции. Мало-по-малу упорствующие дистрикты были принуждены отказываться от дробления: исключения, отныне весьма редкие, допускались лишь относительно очень крупных аббатств.³ Зато менее строго запрещались отступающие от нормы оценки, благоприятные для состоятельных претендентов.

Учредительное собрание и его Комитет по отчуждению земель тщетно пытались замаскировать столь определенно выраженный характер продажи национальных имуществ, ссылаясь на то, что крестьянам стоило только притти к взаимному соглашению, чтобы купить сообща имение и затем поделить его между собой, либо же путем частичных надбавок обеспечить за собой первое место. Для крестьянина среднего достатка такие методы не были особенно выгодны. Не следует забывать и того, что в некоторых случаях отчуждение национальных имуществ приносило им ущерб. Учредительное собрание, правда, запретило приобретателям их разрывать арендные договоры, но по мере того, как сроки арен-

¹ См. напр. в сборнике *Porée*, т. I, 275, данные, относящиеся к продаже с торгов, происходившей 31 декабря 1790 г.: имения были проданы по частям отдельным соискателям; крупный претендент протестовал, ссылаясь на то, что не было произведено вторичных торгов на все имение целиком. Дистрикт отвечал на это, что имение было оценено по частям, а соревнование между участниками торгов на целые имения и по участкам допускается только относительно тех земель, которые были включены в одну оценку, что, собственно говоря, даже вовсе не следовало производить первые торги на все целиком. На торги были пущены две фермы, пруды, мельница, 16 лесных участков и ренты.

² Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 429—430. Относительно настроения некоторых представителей администрации см. № 32.

³ Так поступил дистрикт Санс в отношении имений, эксплуатировавшихся аббатствами Волюзан и Сент-Коломб. Одни имения, в Курженэ напр., были проданы по отдельности; другие были раздроблены — в Жуанэ (6 арпанов виноградника на три участка), в Курженэ и Лалли (14½ арпанов на четыре участка); 130 арпанов луга вокруг аббатства Волюзан — на десять участков. В Волюзане были заявки на всю совокупность имений, но 5 марта 1791 г. департамент отклонил их (*Porée*, стр. СХІХ—СХХІІ). Точно так же 10 октября 1792 г. Северный департамент разрешил разбить на четыре участка имение аббатства Воссель, состоявшее больше чем из 300 гектаров; дистрикт Камбрэ проектировал более мелкое дробление (Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 431).

ды истекали, не один фермер оказывался лишенным земли; в других местах крестьяне прогонялись с земель, которые обрабатывали иногда очень уже давно, хотя и без договора.¹ Несомненно, значительная часть проданных земель попала в руки сельского населения, так как имения духовенства сами по себе были раздроблены, но было бы заблуждением утверждать, — как это часто делается и притом всегда без доказательств, как нечто само собой разумеющееся, — будто продажа с торгов целых имений сразу, столь неблагоприятная не только для крестьянской бедноты, но и для среднего крестьянина, была ими принята без протестов. Это могли предположить лишь потому, что голос крестьянства не достигал до Учредительного собрания; да кроме того дела Комитета по отчуждению и Кассы чрезвычайных поступлений погибли в 1871 г. при пожаре министерства финансов, а в числе их и петиции, касавшиеся продажи национальных имуществ. Однако же, некоторые из них нашлись в Национальном архиве; мало-по-малу извлекается кое-что из местных архивов; сопоставляя их с позицией, занятой сельским населением в некоторых областях, приходишь к убеждению, что в действительности дело обстояло так: крестьяне пытались добиться изменения декрета 14 мая или еще чаще обойти его.

Когда им стало известно, что муниципалитеты могут выступать посредниками при продаже имений духовенства, они во многих местах сделали из этого вывод, что, как только все формальности будут выполнены, коммуна становится собственником земель, перечисленных в декрете об отчуждении, и, следовательно, может либо продать их деревенской мэрии, фактически устранив горожан, с тем, чтобы барыш поделить потом между жителями, либо же поделить между ними земли в зависимости от принятого сообща решения.² В одном месте постановляют дробить землю на равные участки; в другом готовы примириться с неравномерностью их, лишь бы все получили хоть по клочку (*un lopin*); иные хотят сделать общинный выгон; в некоторых районах как будто готовы согласиться на то, чтобы приобретенное имение оставалось в коллективной собственности: в Лотарингии, случалось, производили ежегодно, либо через небольшие промежутки времени, раздел общинных угодий по числу душ.³ Во Фландрии

¹ Для Севера см. примеры у Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 421; для департамента Ионны у Schmidt et Gerbaux. *Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention*, III, стр. 685. Для Кальвадоса см. петицию жителей, „составляющих неимущий класс“ коммуны Манвье, округа Каан от 11 вандемьера III г. (№ 16).

² Надобно заметить, что 10 мая Делле д'Ажье, выступая против предложения Реньо о дроблении земель, заметил: „Это будет в той же мере достигнуто, если вы обяжете муниципалитет перепродавать по мелким частям приобретенные целые имения.“ Это давало возможность предположить, что муниципалитеты будут играть активную роль в организации распродажи; в декрете не сохранилось следов этого предположения.

³ Бальяж Дизэ, наказы приходов Маремон, Мартель (с незапамятных времен общинные земли с общего согласия делились подушно, причем сеньеру давалась двойная доля). Ремелинг — (кюре Альбер составитель наказа, пишет: „Мне пред-

и в Артуа осушенные болота были поделены на участки, раздававшиеся в пожизненное владение.¹ В окрестностях Вердена право «*de vière*» все еще попрежнему обязывало некоторых владельцев каждый год занимать новые участки земли, составлявшей их общую собственность.² Во всяком случае для Кэнси (департамент Сены и Уазы), Круа (Эн), Ля Палю (Нижние Альпы), Семмесанж и Грансэ-сюр-Урс (Кот д'Ор) у нас имеются характерные петиции, имеющие в виду коллективную покупку населением земель духовенства, расположенных в пределах округа.³ Многие из Северных коммун пошли дальше и свободно распоряжались землями, включенными в одну заявку.⁴

стается чрезвычайно произвольным обычаем, преобладающим почти повсеместно, производить передел общинных земель каждые шесть либо девять лет, причем каждый раз оставляется несколько участков для лиц вновь вступающих в общину“). Бальяж Тионвилль: Даспеш и Этанж („Существует лишь один способ помочь беднякам при помощи общинных земель, — предоставляя им их лишь в пользование на 9 лет и возобновляя передел, но отнюдь не давая им права располагать землей“). Моннеран, Сент-Маргерит и Сен-Франсуа: (Разрешить каждые 6 лет производить передел равными участками).

¹ G. Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 74—75.

² Этот обычай в следующих выражениях описан Верденским Обществом друзей конституции, осуждавшим его как помеху всякому прогрессу (F¹⁰ 284): вот, например, луг в 10 арпанов принадлежит десяти владельцам, каждый имеет по одному арпану; но покос с каждого арпана собирается по очереди каждым из десяти владельцев, так что ни один из них не пользуется два года подряд одним и тем же арпаном.

³ Заявка муниципалитета в Кэнси „о разделе между всеми жителями“ проанализирована у Minzes. *Die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution mit besonderer Berücksichtigung des Departements Seine-et-Oise*, стр. 71; петиция жителей Круа, почти сплошь виноградарей, требующая, чтобы за ними были оставлены 718 арпанов из земель Сент-Медара, см. Loutchisky (*Quelques remarques sur la vente des biens nationaux*, стр. 25—26); петиции муниципалитетов Семмесанж и Грансэ-сюр-Урс указаны в уже цитированном сборнике Delaby, на стр. 119 и 242. Первый выражал желание приобрести пахотную землю в размере 125 *journaux*, 2½ *soitures* луга, 1 огороженный участок в размере 7½ *journaux*, сад плодовой, огород, 12 *ouvées* земли, составлявшие фьеф Прессиньи, поровну поделив срубленный коммунальный лес между всеми домами или же жителями. 3 февраля 1791 г. департамент отказал в разрешении, потом на другой день дал его. Коммуне пришлось прибегнуть к торгам, и 5 февраля ей удалось приобрести фьеф за 35 000 ливров, при оценке его в 14 127 ливров б.д. 3 мая департамент точно так же разрешил муниципалитету Гранси купить домнальные земли аббатства Моле: 262 *journaux* пашни, 155 арпанов луга, 11½ *mesures* конопляника, мельницу, кузницу, виноградник, сад и хозяйственные постройки, с обязательством поделить их равными участками между всеми жителями и перепродать те части этих имений, сохранения которых не потребует общественного интереса; на торгах муниципалитету не без труда удалось купить имение за 152 900 ливров при оценке в 92 000 ливров. Чтобы расплатиться, он решил продать участок общинного леса. Комитет по продаже национальных имуществ отказался тогда утвердить продажу имения на том основании, что выплата за него была обусловлена продажей коммунального имущества (там же, стр. 246). Петиция 32 активных граждан Ля Палю (дистрикт Дигне) от 25 мая 1791 г. имеет в виду покупку коммуной земли и луга, „кои будут поделены равными участками между всеми жителями: для уплаты за указанные имения каждый внесет по равной доле“. Нац. архив, д. XXIX, 45.

⁴ Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 437—438.

С другой стороны, не прекращались требования непосредственного распределения земель государством под условием уплаты земельной ренты. Уже в 1790 г. мэр коммуны Leauette (Па-де-Кале) требовал, чтобы она была установлена в размере $2\frac{1}{2}\%$.¹ В окрестностях Парижа крестьяне, огромная часть которых была, действительно, лишена всякой собственности и чрезвычайно бедна, выразили намерение поделить между собой земли домэна, обещая выплатить небольшую сумму наличными. В окрестностях Версаля мэры обсуждали этот вопрос, а мэр-кюре в Вирофлэ был одним из самых пылких защитников бедноты.² Но усилия эти остались тщетными.

Наконец, когда крестьянам пришлось примириться с необходимостью пробовать счастье на торгах, они стали во многих местах объединяться, для покупки сообща при посредстве комиссаров, получивших нотариально заверенные полномочия, церковных земель, лежащих в пределах их деревни. Лучицкий отмечает подобные приобретения в департаменте Кот д'Ор, в дистриктах Тараскона и Сен-Годанса; особенно многочисленны они были в Камбрезисе и в Пикардии; там крестьяне прибегли к насильственным действиям; сопровождая комиссаров в главный пункт дистрикта, изгоняя оттуда посторонних участников торгов, они обеспечили за собой большую часть земель, пущенных в продажу, придав таким образом аграрному движению естественное завершение. В дистрикте Камбрэ крестьяне с 1790 по 1793 г. приобрели 16 000 гектаров, в то время как буржуазия скупала приблизительно 1 600 гектаров; в дистрикте Кенуа свыше 6 000, против 640 купленных буржуазией; в дистрикте Валансьенн око-

¹ Lefebvre, Les paysans du Nord, стр. 426. См. также ниже №№ 77, 78, 95, 101.

² См. Minzes, указанная работа, стр. 68—71. См. также в наших Документах № 96. 22 июля 1790 г. начались беспорядки. В Менесси и в Жуи-ан-Жозас они происходили вплоть до октября. Кроме того 14 августа муниципалитеты Саклэ, Сент-Обэна, Виллье-ле-Баля и Туссю затребовали помощь против пассивных граждан, поднявших волнения из-за вопроса об общинных землях. В сентябре в деревнях собрания происходили одно за другим; составлен был ряд петиций; Миңдес, читавший их, находит их весьма поучительными в качестве дополнения к наказам. Однако, он не публикует их. Он упоминает петиции Буа д'Арси, Рокенкура, Вирофлэ, муниципалитет которого требует земли для сдачи в наем небольшими участками, Сен-Сира, который высказался за сдачу земли в аренду, Люзарши и тринадцать других коммун дистриктов Монфор-Л'Амори, Сент-Жермена, Корбейля и Гонесса. В августе, по инициативе мэра-кюре из Вирофлэ, мэры Рокенкура, Шене, Клэ, Фонтенэ, Буа-д'Арси собрались для обсуждения способов помочь положению вещей. Кюре из Вирофлэ потребовал земли для всех: „Вам не удастся уничтожить нищету, если вы не вернете население к занятию первоначальным искусством людей — к земледелию. Таким путем вы привяжете их к земле; следовательно из них граждан. Истинная причина нищеты лежит в том, что земля сосредоточена в руках у очень небольшого количества лиц“ (Он имеет в виду крупных фермеров). Ему возражали, что он подстрекает всех неимущих в королевстве предъявлять требования на землю и нападать на право собственности: „Мы увидим, как 44 000 муниципалитетов выразят такое же требование“. Тем не менее, все же сговорились на том, чтобы выразить пожелание о передаче части земли в наем крестьянам, не имеющим собственности или же владеющим слишком маленьким участком земли.

ло 8 000 против 2 800; в дистрикте Авен (Avesnes) свыше 4 000 против 850.¹

Законодательное собрание не видоизменило системы, принятой Учредительным, а Конвент, вначале весьма далекий от того, чтобы делать уступки крестьянам, 24 апреля 1793 г. запретил «ассоциации в составе всего населения коммуны или значительной его части для покупки предназначенных к продаже земель и последующего перераспределения их или раздела между указанным населением». Постановление получило обратную силу, и общинам, произведшим коллективные покупки, угрожали установленные эдиктом кары в случае, если они не объявят сами о своих действиях и не откажутся от приобретенного. Следует отметить, что декрет этот был вотирован по докладу Шарля Делакруа, который немного спустя проявил недоброжелательство по отношению к крестьянам департамента Сены и Уазы, отнюдь не считаясь, как мы увидим ниже, с их желаниями. Законность его является спорной; можно ли было, придав закону обратную силу, объявлять недействительными коллективные приобретения, сделанные крестьянами, если они не были запятнаны ни насилем, ни подлогом, принимая притом во внимание, что Учредительное собрание разрешало делать приобретения вскладчину и через посредника? Справедливо ли было запрещать их на будущее время общинам, между тем, как состоятельные соискатели попрежнему могли объединяться? Этот декрет был исключительной мерой, направленной против бедняков. Однако, не одни они стоваривались с целью покупки по дешевой цене национальных имуществ! Только они не могли этого проводить втайне, в этом и заключалось их преступление. Действия их говорили о настроении сельского населения, пример их мог придать движению непреодолимую силу. Поэтому приходится только удивляться, что монтаньяры не проронили ни слова, в то время как в том же заседании Робеспьер предложил внести в декларацию прав известные всем знаменитые параграфы.² Правда, Мерлэн де Дуэ выступил на

¹ Лучицкий имел возможность привести лишь отдельные примеры; общее исследование вопроса в части, касающейся Северного департамента, см. у Lefebvre, Paysans du Nord, стр. 437—451.

Приходится пожалеть, что область Вермандуа и Сантерр, пылающие очаги аграрных волнений, родина Бабёфа, не были предметом подобного же исследования. Дальше к югу, в кантоне Ласиньи, благодаря плодотворным поискам в нотариальных архивах были установлены многочисленные случаи коллективных покупок, часть которых относится ко II и даже к III годам. 28 вантоза II г. один земледелец покупает в Тискуре одиннадцать с половиной сетье (septiers) земли; поделенные 5 жерминаля III года на 90 равных частей, они составили 36 наделов; 1 брюмера III года в Ласиньи четверо покупателей приобретают 36 сетье 4 кварты 10 верж, составляющих 37 участков, и перепродают их 29-го, поделив на 75 наделов (Hubert, La vente des biens nationaux dans le canton de Lassigny в Bulletin du Comité des travaux historiques, section des sciences économiques et sociales, congrès de 1911 (1914).

² Все, что можно сказать в их защиту, это что параграфы декрета 24 апреля 1793 г., относящиеся к коллективным покупкам, производимым крестьянами, прошли незамеченными, ибо декрет главным образом имел в виду исправить злоупотребления, обнаруженные при продаже движимого имущества эмигрантов.

защиту своих соотечественников из Северного департамента, но сделал он это в III году и не с парламентской трибуны.¹ Во всяком случае декрет имел решающее значение. Коллективные покупки не исчезли окончательно,² но страх перед наказанием приостановил движение, до известной степени приведшее к тому, что продажа с торгов была фактически упразднена. С этих пор и вплоть до закона 2 брюмера II года, а в действительности вплоть до весны 1794 г., если только не позднее, национальные имущества, составленные из конфискованных у духовенства земель, продавались согласно правилам, установленным Учредительным собранием: финансовое значение операции упорно

Однако же, вопрос ставился уже давно, и у монтаньяров было время его обдумать. 11 ноября 1792 г. член Конвента Баллан во время прений по декрету о продаже земель эмигрантов потребовал, чтобы „всякие товарищества и соглашения относительно раздела или сдачи земли в наем“, заключенные в связи с предстоящей продажей национальных и эмигрантских имуществ, были еще до торгов объявлены не имеющими силы, за исключением, однако, тех, которые будут прямо оговорены в заявках, послуживших основанием для продажи. Кроме того он предлагал установить штраф для лиц, принимавших участие в этих сделках, либо же получивших отступное, чтобы не предлагать надбавок, и требовать от участников торгов представления поручительства (Нац. архив С, 238). Предложение Баллана не причинило бы особых неудобств крестьянам; во всяком случае оно не запрещало им составлять товарищества. Притом в той же мере, как против них, оно было направлено и против других категорий покупателей. Если монтаньяры считали необходимым принимать предосторожности для охраны интересов казны, они во всяком случае могли бы противопоставить поправку Баллана предложению Делакура. Баллан (из департамента Vosges) не был монтаньяром, он не вопиывал смерти короля.

¹ И тем не менее замечания Мерлэна весьма важны, ибо в достаточной мере освещают характер декрета с точки зрения юридической. 5 вантоза III года комиссары коммун Бетанкура, Клари, Кодри, Маре, Невильи, Бусьер, Труавильи, Бертри, и Монтиньи, ввиду опасности, что приобретения, сделанные в 1791 и 1792 гг., будут отняты у них и снова поступят, в продажу, подали в Законодательный комитет записку, в которой заверяли, что ими были выполнены все требуемые законом формальности и покупка произведена вполне правильно: „присутствовала огромная толпа соискателей, и продажа произошла по очень высокой для того времени цене“. Авторы записки приобретали для себя, они не имеют ничего общего с теми ассоциациями, о которых говорится в 32 параграфе закона 24 апреля 1793 г. А ведь никогда не возбранялось покупать через доверенное лицо. Изложенное в записке неверно: на самом деле, имела место покупка земли общинами. Требуя, чтобы Комитет предложил дистрикту Камбрэ не приступать к перепродаже впредь до постановления департаментской директории, Мерлэн обратился к анализу самого закона: „в намерения законодателя не входило воспрепятствовать приобретению земель товариществами, он имел в виду лишь не допустить возникновения мошеннических ассоциаций, имевших целью покупку по низкой цене. Да и как можно было запрещать, придав постановлению этому обратную силу, то, что как раз разрешалось законом — инструкцией 3 июля 1790 г.?“ (Нац. архив, Q, 195, Север.). Все это верно и тем не менее таково было значение декрета 24 апреля 1793 г. Что касается фактической стороны дела, записка общин и в этом отношении не была правдивой. Бывали случаи и махинаций и насилий, особенно в Невильи. Тем не менее большинство коммун сохранило за собой свои приобретения.

² С момента издания этого декрета на Севере больше не происходило коллективных покупок. Упоминается о некоторых случаях таковых в кантоне Ласиньи; но неизвестно, предшествовало ли им постановление общины на этот счет и использовалась ли ими какая-нибудь община в целом (по этому вопросу см. выше стр. 41, примеч. 1).

защищалось и, не без оснований, доказывалось, что нельзя изменить способ продажи без риска ослабить ценность ассигнаций.

II

Вот почему конфискация земель эмигрантов представляет с нашей точки зрения такое большое значение. По правде говоря, и тут финансовые заботы не остались в стороне; чтобы оправдать продажу, указывали на необходимость покрытия военных расходов за счет тех, кто был их виновником. Однако же, с самого начала в ней усматривали также и способ вознаграждения патриотов за счет аристократии, и с этих пор террор и прогресс социальной демократии оказались тесно связанными между собой.¹ Итак, между революционерами, прежде всего помышлявшими о нуждах государства, и теми, кто защищал интересы бедноты, споры возобновились, однако же, после 10 августа первым пришлось пойти на уступки; защищая попрежнему продажу с торгов, они стали допускать предварительное дробление земель; теперь оставалось только определить, до каких размеров доводить его. Их противникам и этого показалось недостаточным; они потребовали, чтобы по крайней мере часть нового национального достоинства была поделена непосредственно между крестьянами. Не будучи в состоянии безразлично относиться к судьбе ассигнаций, они не предлагали, чтобы раздача была сделана бесплатно; они соглашались на сдачу в аренду. Но кто должен воспользоваться дроблением? Неимущие (les indigents) или вообще все крестьяне, лишенные собственности? Или даже те, кто владел недостаточным количеством земли? Размер жертвы, которая требовалась от государства, сильно менялся в зависимости от того или иного способа решения вопроса. Защитники интересов казны всемерно стремились свести к строгому минимуму часть, уступаемую государству; найти компромиссное решение было чрезвычайно трудно; борьба тянулась с августа 1792 г. по сентябрь 1793 г., и в конце концов надежды крестьян были снова обмануты.

14 августа Франсуа де Нефшато, несомненно выражавший пожелания сельского населения Лотарингии, одновременно с разделом общинных владений добился декрета о передаче эмигрантских земель участками от двух до четырех арпанов в вечную аренду с правом выкупа ее. К сожалению, у нас нет сведений относительно прений, возникших по этому вопросу, но, конечно, предложение Франсуа должно было вызвать сопротивление, ибо, повидимому, оно было принято с большими поправками. В той

¹ См., напр. адрес дистрикта Домфрэн от 22 августа 1792 г., опубликованный в *Annales Historiques de la Révolution française* т. V 1928 г. стр. 471, где явственно сказывается двойственный характер, который революционеры хотели придать отчуждению имений эмигрантов: они должны предназначаться на покрытие военных издержек, а кроме того — солдатам и родственникам тех, кто погибнет; остальное — гражданам, не имеющим собственности, или же владеющим лишь одной хижинкой, либо участком земли меньше арпана.

редакции, как оно приводится в *Moniteur*, в нем не упоминается о торгах, и относится оно исключительно к имениям эмигрантов; намеченные участки довольно значительны,¹ и нет пункта о том, что они должны предназначаться «неимушим»; такова самая благоприятная для крестьян мера, которая когда-либо была предложена. Зато, напротив, в декрет от 14 августа внесен пункт о том, что для установления размеров ренты каждый участок в отдельности будет пущен с торгов; это, конечно, должно было разрушить солидарность крестьян и повести к тому, что всякое лицо, предложившее заплатить наличными, могло покупать сколько ему вздумается; как раз этот второй пункт носит характер поправки к проекту: фактически поправка эта аннулировала проект, и декрет, производивший впечатление какого-то уродства, поторопился передать в Комитет земледелия и торговли для урегулирования условий его применения. 2 сентября по докладу Гужона, которого у нас тоже нет, появилось новое постановление. Повидимому, было найдено соглашение по вопросу о дроблении на участки: все эмигрантские имения должны были подвергнуться одной и той же процедуре и быть поделены до поступления в продажу; но уже не было речи о том, чтобы нарезать участки от двух до четырех арпанов: имения должны были быть поделены «с наибольшей пользой» — и только. Одно из преимуществ предложения Франсуа де Нефшато состояло в том, что оно связывало руки местной администрации, которая могла неодобрительно отнестись к дроблению, как тому имеется доказательство для П. г.: новый декрет предоставлял ей свободное поле действий. Самым же плохим было то, что восстанавливалась продажа с торгов: должна была начаться борьба за каждый участок между теми, кто желал получить его в аренду, и теми, кто предлагал уплатить наличными; в случае равенства остальных условий предпочтение оказывалось последним. Правда, богатые люди утрачивали возможность косвенным образом направлять ход торгов, предлагая заявки с указанием цены, но это неудобство для них вознаграждалось, и с излишком, отменой уплаты в рассрочку; необходимость уплаты наличными в соединении с сохранением торгов, делавшим почти иллюзорной передачу земли в аренду, ставила бедного крестьянина в еще более невыгодное положение, нежели раньше.

Декрет этот должен был вызвать общее неодобрение; сдача земли в аренду не могла понравиться финансистам вроде Камбона, так как не приносила особых доходов казне; уплата наличными — сторонниками аренды. Неудивительно, что его сдали в переработку. В конце октября Камбон от имени Комитета предложил новый проект; однако, Конвент принял лишь параграфы, относившиеся к секвестру, и отложил прения.

¹ От 2 до 4 арпанов или в парижской мере от 68 аров до 2 гектаров 37 аров в королевских арпанах примерно от 1 до 2 гектаров.

Тем временем Трейяр (Treilhard) добился 11 ноября постановления о том, чтобы продажа эмигрантских имений была приостановлена впредь до голосования декрета. Около того же времени был отложен и вопрос о разделе общинных земель. Таким образом ни одно из августовских обещаний не было выполнено.

В тех областях, где, как в Пикардии, в это время попрежнему производили коллективную покупку, а также в областях, расположенных вдали от столицы, колебания законодательной власти, повидимому, не вызвали возбуждения; иначе обстоит дело подле Парижа. 24 августа 1792 г. Фротье, председатель тринадцатой секции Версаля, представил избирательному собранию петицию, которая была напечатана; выводы ее поистине чрезвычайно смелы: предлагалось применить предложения Франсуа де Нефшато не только к землям эмигрантов, но и к землям конфискованным у духовенства; больше того, участки, уже проданные, предложено было отнять у покупателей, затем все это поделить между крестьянами либо путем продажи, — очевидно без торгов, — либо же сдать в аренду. «Низший класс городов и деревень, подумай о себе! Настал для тебя момент либо благополучия, либо неволи!» Этому классу следует воспользоваться избранием депутатов в Конвент, чтобы потребовать от кандидатов обязательство придать его пожеланиям санкцию закона.¹ Это выступление, — а его вполне можно сблизить с манифестациями, за которые Жиронда столь раздраженно упрекала многих комиссаров Исполнительного совета и Парижской Коммуны, — не могло, конечно, способствовать успокоению окрестных крестьян. Немного спустя знаменательный случай произошел в департаменте Сены и Марны. 18 сентября жители Рео, деревни, расположенной на полпути между Бри-Конт-Робер (Brie-Comte-Robert) и Мелуном, ссылаясь на законы 14 августа и 2 сентября, заявили, что с этого дня вступают во владение сданной в аренду национальной фермой с тем, чтобы поделить ее между собой. Эксперты определили размер ренты по 10 ливров за арпан. 20-го, для проверки сделанной ими оценки, пустили ферму с торгов, назначив по 4 ливра за арпан; как будто случайно, один крестьянин набавил цену как раз до 10 ливров, и тогда было решено поделить ее на этих условиях, вознаградив фермера за произведенные полевые работы. Немедленно же расположенная к востоку от Бри-Конт-Робера коммуна Ливерди (Liverdy) выразила намерение последовать столь прекрасному примеру. Департамент поспешил аннулировать постановление жителей Рео, но они 20-го поклялись «скорее умереть, нежели отказаться от своего проекта». Пришлось вызвать генеральные советы обеих коммун и взять с них обязательство не преступать границ, «не испробовав сначала легальных форм для покупки», что, как их заверили, они могут сделать совершенно свободно, в силу законов, на которые ссылаются. Неизвестно, что бы из всего этого получилось, но посту-

пило известие, что осуществление плана приостановлено.¹ Относительно Версальского округа мы осведомлены лучше; в ноябре петиции там подавались без конца, и управляющий домами указывал на возможность восстания; в начале 1793 г. от слов перешли к делу, и то тут, то там начались разделы земель бывшего королевского домэна, — так обстояло дело в Гианкуре в январе и в Вилль д'Оврэ в феврале.² Между тем Клавьер предложил сдать его в наем по парцеллам, и это среднее решение было рекомендовано Конвенту «жителями Версаля», по всей вероятности администрацией. Встретив поддержку Приера де ла Марн, оно было принято Комитетами земледелия и по отчуждению земель и 28 февраля получило силу закона. Невозделанные земли гражданского листа и, в частности, Версальский парк должны были сдаваться в наем на год участками от двух до четырех арпанов.³ 2 марта мера эта была распространена на невозделанные, несданные в наем земли, конфискованные у эмигрантов.⁴ Крестьянская

¹ A. Hugues. Un partage agraire à Réau. (Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Briec-Comte-Robert. 1 ноября 1899 г.). В декабре в Бри-Конт-Робере потребовали распродажи небольшими участками церковно-приходских земель Gerbaux et Schmidt, III, 41).

² Minzes, цитированная работа, стр. 71—79. Он приводит петиции значительного количества коммун. 17 октября, например, коммуна Бюк потребовала раздачи земель в аренду. 1 января 1793 г. жители Палэзо напомнили о законе 14 августа; 18 февраля в Вилльяд'Оврэ восемьдесят крестьян, под предводительством кюре, захватили облюбованные ими земли. Управляющий домами Кутюрье беспрепятственно ходатайствовал перед Клавьером за крестьян. 21 ноября 1792 г. мэр Бюка получил от министра предложение раздать в наем парцеллы крестьянам, не имевшим ни собственности, ни арендованной земли. 20 февраля 1793 г. директория дистрикта Версаля указывала на проявление мятежного духа в ряде коммун и на ожесточение, с которым они добиваются раздела не принадлежащих им земель. 26-го она под давлением Кутюрье формально высказывается за раздел. В начале марта департамент энергически выступил в противоположном смысле

³ Выступление Приера относится к 20 февраля; приводим его по черновику, написанному рукой Приера (Нац. архив, С., 246). «Один из депутатов предлагает уполномочить местные административные органы сдать в наем земли в окрестностях Парижа и Версаля, прежде отведенные под охоту тирана». Предложение было передано в Комитеты земледелия и по отчуждению национальных имуществ, с тем чтобы по нему был в течение трех дней представлен доклад. Прения, происходившие в Комитете земледелия, приведены у Gerbaux et Schmidt, III, 71. Доклад был представлен 28-го Маямай от имени Комитета по отчуждению (Нац. архив, С., 246). Из него видно, что предложение Приера было вызвано петицией жителей Версаля, имевшей в виду использование невозделанных земель, предназначавшихся прежде для королевской охоты. Комитет сначала обсудил «не полезнее ли будет продать невозделанные земли, чем сдавать их в наем; но, утя то обстоятельство, что, пуская их в продажу, придется проделывать ряд формальностей, которые ряд повлекут за собой промедление времени и приведут к потере урожая текущего года, что, сократив при сдаче в наем различные эти [провоочки?], поделив земли на небольшие участки и сдавая каждому претенденту только по одному участку, они разом разрешат две важные задачи [будет возделана земля и «получит работу большое количество рук, занятых прежде производством предметов роскоши для тирана и оставшихся праздными после его падения»], они предпочли сдачу в наем». В действительности этот декрет был лишь временной уступкой и прикрывал нежелание пойти навстречу крестьянам в вопросе о сдаче в аренду, как то и показал четыре дня спустя доклад Делакруа.

⁴ Распространительное его применение было предложено Меолем после

масса этим не удовлетворилась: двадцать восемь коммун, соседних с Версальским парком, заявили протест. У нас нет их петиций, протоколы Комитета земледелия ограничиваются тем, что регистрируют их поступление. Однако же, отклоняя их, он ссылался на то обстоятельство, что немедленно же будет внесен в Конвент декрет, имеющий в виду урегулировать отчуждение этих земель таким способом, «который был бы максимально благоприятен для неимущих и для тех, кто не имеет собственности». Декрет этот должен был распространяться также и на земли эмигрантов.¹ Можно следовательно предположить, что крестьяне настаивали на сдаче земли в аренду. К этому последнему способу предложил обратиться и член конвента Пепэн, депутат от Эндра, когда, в начале апреля, вслед за многими другими, потребовал передачи в обработку невозделанных земель. Земли, принадлежащие нации, должны быть уступлены предпочтительно лицам, вовсе лишенным собственности, или же наименее обеспеченным ею, участками от пяти до сорока арпанов, за ренту, подлежащую выкупу и исчисляемую в 3%, с оценочной стоимости, которая будет выплачиваться, лишь начиная с пятого года пользования, с обязательством поднять новь и засеять ее и с правом получения от нации под известное поручительство двух быков или коров и нескольких голов мелкого скота в виде аванса, погашаемого на протяжении десяти лет.² Проект этот не делал никакого различия между национальными имуществами разного происхождения. Таким образом в течение первых месяцев 1793 г. партия, благожелательная к крестьянам, вновь взялась за дело, и в общем она оставалась верна и предложениям Франсуа де Нефшато и отмене торгов, — во всяком случае применительно к той части земель, которую сохранили бы для бедноты. Не приходится, конечно, сомневаться в том, что ее рвение усилила смелая инициатива крестьян парижских окрестностей. Не довольствуясь обещаниями, которые им расточались, они попрежнему выступали со своими домогательствами в марте в Вокресоне, в апреле в дистрикте Гонес.³

Однако же и противная партия не складывала оружия. В отчете от 9 января 1793 г. Ролан изложил свои планы, несомненно

того, как Приер де ла Мари потребовал, чтобы декрет применялся по отношению к землям, находившимся в распоряжении национальных убежищ (maisons nationales). (Arch. parlem., LIX, 558), (Нац. архив, С., 248).

¹ Gerbaux et Schmidt, III, 83, 90.

² Arch. parlem., XLIV, 115.

³ Когда в Вилль д'Оврэ петиция за подписью 84 жителей осталась без ответа население прогнало фермеров, арендовавших национальные имущества, — это свидетельствует о том, что аренда нови отнюдь не удовлетворяла крестьян. 15 марта Шаль и Гюффруа, будучи в командировке в Версале, одобрили предложение Кутюрье приостановить продажу земли. Версальский дистрикт находил, что мятежников «можно извинить ради их лобуждений» (12 апреля). 16 апреля департамент совещался с представителями дистрикта и служащими домэна относительно способов скорейшего раздела земель. 17-го поступило сообщение, что коммуна дистрикта Гонеса произвели раздел, и в тот же день явилась многочисленная депутация из Буживала.

разделявшиеся и его коллегой Клавьером: «Нужно продавать парцеллами», — говорил он, повторяя с тем большей настойчивостью, что видел в них способ «уничтожить возмутительное неравенство состояний», — аргументы, приводившиеся в Учредительном собрании в пользу дробления национальных имуществ. Он даже предлагал распространить нарезку мелких участков и на земли, конфискованные у духовенства, уверяя, что таким образом они будут распроданы по значительно более высокой цене, и что, если бы к этому способу прибегли с самого начала, «Франции не пришлось бы сожалеть о потере миллиарда». Но он не упоминал о сдаче в аренду и, в сущности говоря, поддерживал установленный в 1790 г. способ отчуждения: продажу с торгов с погашением стоимости в рассрочку. Так что дело сводилось просто-на-просто к тому, чтобы отменить декрет 3 ноября 1790 г. и возвратиться к декрету 14 мая, поскольку он предписывал дробление продаваемых земель. Правда, Ролан шел несколько дальше, предлагая Конвенту постановить, чтобы впредь участки не превышали 6 арпанов или же во всяком случае одного гектара 85 аров.¹ Этим предложениям более или менее соответствовал декрет, обещанный Комитетом по отчуждению и представленный Шарлем Делакура 4 марта 1793 г.; он предписывал предварительную нарезку участков, не говоря, однако, ничего определенного относительно размера наделов; он отменял предварительные заявки претендентов, но сохранял продажу с торгов с рассрочкой выплаты на десять лет. Наиболее интересная часть доклада излагает мотивы, заставившие отказаться от сдачи в аренду. Они отмечены одновременно и финансовым и социальным характером: сдача в аренду не даст необходимых капиталов для покрытия военных расходов и вознаграждения кредиторов эмигрантов; она не принесет тех выгод, которых ожидали от увеличения числа собственников; первые доводы, вероятно, и явились решающими. Однако же, Конвент, постановив напечатать доклад, не открыл по нем прений.²

До этого времени в Конвенте и в правительстве господствовали жирондисты. Является соблазн именно им одним приписать ответственность за реакцию, приведшую к неудаче аграрной программы, намеченной в 1792 г. На самом же деле нет никаких оснований утверждать, будто этот вопрос усилил противоречия между ними и монтаньярами. Наиболее демократические предложения исходили не от этих последних: Франсуа де Нефшато был не из их среды, Пепэн тоже; он даже не голосовал за смерть короля. Больше того: Сен-Жюст, в своей речи 29 ноября 1792 г. высказавший по вопросу о причинах дороговизны жизни и борьбы с ней путем сокращения инфляции воззрения, соответствующие положениям самой ортодоксальной политической эко-

номии, предложил, «чтобы имения эмигрантов были распроданы, чтобы ежегодные взносы были превращены в контракты, которые послужили бы к погашению долга».¹ Это значило идти против пожеланий крестьян. Сен-Жюсту предстояло пройти еще долгий путь до его доклада 8 вантоза!..

Но весной 1793 г. положение изменилось, и необходимость опереться на санкюлотов для борьбы с жирондистами и для захвата власти все настойчивее вставала перед монтаньярами: в апреле они принуждены были согласиться на максимум на зерно, а после революции 2 июня были принуждены, подобно Законодательному собранию после 10 августа, предоставить крестьянам кое-какие существенные выгоды. И точно так же, как их предшественники, вместо того, чтобы в первую очередь повести борьбу с остатками феодальных прав, они стали — и это знаменательный факт! — издавать декреты, которые должны были открыть доступ к собственности наиболее обездоленным крестьянам. К тому же при этом они только возобновили законодательную работу, приостановленную с прошлой осени. Начиная с 3 июня была организована продажа имений эмигрантов, а 10-го регламентирован раздел общинных земель.

Декрет 3 июня 1793 г., предписания которого были декретом 10 июня распространены на недвижимые имущества гражданского листа, явился в ряде статей повторением декрета от 2 сентября 1792 г. Он устанавливал предварительную нарезку участков без указания их размеров, отменял предварительные заявки и сохранял торги. Но в нем заключались два видоизменения, благоприятные для крестьян. Прежде всего он отменял продажу за наличные и восстанавливал уплату в рассрочку с ежегодным погашением долга, которая одна только и давала возможность мелким покупателям воспользоваться дроблением земель, и с другой стороны, он сохранял часть земли для непосредственной ее раздачи бедноте, избавляя ее от необходимости участвовать в торгах; каждый глава семьи, не имевший ни одного арпана, получал его под условием уплаты ренты из 5 процентов средней цены на пашню за годы Революции, с правом амортизации капитала в десять равных взносов.

Таким образом, казалось, были выполнены обещания, данные 14 августа 1792 г. и возобновленные крестьянам департамента Сены и Уазы в феврале 1793 г. В действительности уступки были урезаны как только можно; для выделения наделов требовалось, чтобы в деревне не было общинных владений; оно не распространялось на земли, конфискованные у духовенства. Даже если допустить, что в общине находилось достаточное количество имений эмигрантов, притом пригодных для раздела, нарезка участков тем не менее зависела от усмотрения администрации дистрикта, которая могла оставить для бедноты наиболее удаленные от деревни парцеллы или наименее удобные для обра-

¹ Arch. parlem., LVI, 688; исчисление дано в парижских арпанах; в королевских арпанах это несколько больше 3 гектаров.

² Там же, IX, 588.

¹ Там же, III, 666.

ботки, если не вовсе целину; сверх того, вместо 2—4 арпанов, давали всего лишь один; крестьяне, уже владевшие одним арпаном, ничего не получали, вопреки очевидной нужде; вдобавок оставалось еще под вопросом, получают ли прибавку те, у кого было меньше арпана.¹

Декрет 3 июня 1793 г. являлся опять-таки компромиссом между сторонниками продажи с торгов и противниками ее, — в этом убеждает сравнение текста его с проектом, послужившим основой для прений. Это просто-на-просто как раз тот проект, который был внесен Делакура 4 марта; он допускал лишь продажу с торгов; распределение некоторой части эмигрантских имений в аренду было внесено в ходе прений в виде поправки.² Относительно прений этих мы ничего не знаем, но только что упомянутые нами оговорки свидетельствуют о том, что сопротивление, вероятно, было сильным; видимо, большинство уступило лишь перед необходимостью в тех тревожных обстоятельствах внести успокоение в среду крестьян департамента Сены и Уазы. Во всяком случае, хотя параграф декрета, предписывавший выделение наделов для бедноты, и не остался неизвестным крестьянам других департаментов,³ применялся он, повидимому, только в департаменте Сены и Уазы. Но и тут постарались сделать все возможное, чтобы его почти полностью провалить. Установить порядок и руководить операцией было поручено в июле

¹ Один арпан к тому же составлял очень слабый надел: декрет 14 августа 1792 г. обещал от 2 до 4 арпанов. В наказе Ремелинг (бальяз Бузонвиля) требовалось, чтобы раздел общинных земель производился лишь в тех случаях, если они были достаточно обширны, чтобы каждому досталось по поларпана или даже по арпану на озимые и яровые, в общем от полутора арпанов до трех. Департамент Ло и Гаронны вошел в Конвент с представлением о том, что декрет 3 июня является простой фикцией в пределах дистрикта Кастельяжо, где аренда может иметь значение лишь при условии, чтобы земля нарезалась в сосновых рощах и в размере по крайней мере пяти арпанов (Arch. Parlem., I, XXIV, 42; 13 сентября 1793 г.). Дартигойт, член Конвента, во время своей миссии в департаменте Жер, сделал из этого декрета тот вывод, что в намерение Республики входило, чтобы каждый гражданин пользовался по крайней мере одним арпаном (Wallon, Les représentants en missions, II, 378).

² Доклад Делакура напечатан в Arch. parlem., I, IX, 588, под датой 4 марта. Мы находим его и в Нац. архиве, С., 30, среди бумаг, относящихся к заседанию 3 июня: постановления относительно аренды были к нему добавлены, и отсюда последовала перестановка в нумерации параграфов.

³ В Зеезе (Séez), департамент Ори, 7 октября 1793 г. генеральный совет назначил комиссаров, чтобы, во исполнение закона 3 июня, составить список отцов семей, не имеющих ни одного арпана земли; так же как и Дартигойт граждане эти считали, что землевладельцы, имеющие меньше одного арпана имеют право на прирезку земли (Mourlot, Recueil des documents d'ordre économique contenus dans les registres de délibérations des municipalités du district d'Alençon, III, № 4964).

В Бьерне (дистрикт Берга) 8 фримера II года крестьяне явились в муниципалитет с требованием применения закона 3 июня (Lefebvre, Les paysans du Nord, стр. 473). См. также в документах № 51; во фримере II г. в приморской части Фландрии распространился слух, что начнется отчуждение под 4% ренты церковных имуществ, предназначенных на цели благотворительности, это отголосок закона 3 июня.

тому же Делакура вместе с Мюссе; они насколько возможно сузили ее пределы и, судя по Минцесу, в ряде кантонов декрет так и остался мертвой буквой. Инструкция о порядке его применения была к тому же принята департаментом лишь 11 фримера II года, и раздел мог начаться только в 1794 г.: между 1546 главами семейств было в общем поделено 1552 арпана; а выбрали их так, что многие из съемщиков не сочли возможным ими воспользоваться.¹

К этому времени параграф, относящийся к выделению наделов, был уже давно отменен, и тот факт, что в департаменте Сены и Уазы он тем не менее продолжал применяться, окончательно определяет его характер, как меры, вызванной обстоятельствами; получается такое впечатление, что после 3 июня 1793 г. большинство Конвента, где, однако же, преобладали монтаньяры, не допускало других уступок, кроме нарезки мелких участков и твердо стояло за сохранение продажи с торгов. Быстрое падение ассигнаций, вероятно, заставило Конвент пожалеть о сделанной им ничтожной уступке, и 13 сентября он ее отменил.²

¹ См. Минцес, стр. 79—80. Вопрос нужно было бы исследовать заново, так как Минцес приводит недостаточно данных, чтобы судить о причинах, в силу которых столько деревень было лишено возможности воспользоваться этим законом; по его мнению, дело было в том, что к разделу допускались лишь лица, владевшие меньше чем арпаном, или же вовсе не являвшиеся собственниками, но ведь в области было огромное число крестьян, лишенных всякой собственности. Есть основание подозревать злую волю у администрации и у народных представителей. Деревня Марн 3 фримера II года выступила с просьбой о применении закона и ничего не добила: мало вероятия, чтобы она пошла на этот шаг, если бы никто из ее жителей не находился в указываемых законом условиях и если бы не было на ее территории подлежащих разделу земель. Да кроме того вряд ли можно предположить, чтобы Минцес полностью использовал архивы департамента Сены и Уазы, серия которых, вероятно, не была классифицирована в то время, когда он там работал. Во всяком случае одно из писем департамента министру внутренних дел свидетельствует о том, что в кантонах Анжервилль, Этамп, Ла-Рош-Гюйон, Сен-Жермен-ан-Лэ, Экуан, Арпажон, Нэфль-ле-Шато вовсе не было произведено наделения земель. Относительно судьбы наделов Минцес приводит некоторые указания (стр. 42—83): начиная с 6 жерминаля II г. Версальский дистрикт сообщает, что держатели перепродают свои участки; 25 плювиоза II года муниципалитет Балль отмечает, что „часть этой земли очень неплодородна и кроме того ее нельзя вспахать лошадьми“; в VII году, в VIII, в XII съемщики бросают свои арпаны ввиду того, что они „скорее разорительны, чем выгодны, так как не оправдывают издержек, что ставит в невозможность уплачивать ренту“, „ввиду того, что рента слишком велика“. Впоследствии правительство произвело отчуждение взимания рент и даже части парцелл!

² Декрет 13 сентября был вызван выступлением Амело, администратора национальных домов; в заседании 11-го было прочитано его письмо, в котором он излагал все принятые им меры „для ускорения пролажи национальных имуществ“ и говорил о „препятствиях, которые следует устранить законодательным путем“. Письмо было передано в Комитет по отчуждению с предписанием представить 13-го доклад (Procès verbal de la Convention, XX, 240). Проект декрета написан рукой Бессона (Нац. арх. С., 269 (642)). Мы не знаем, какие доводы бедноты затягивало продажу. Довод этот метил далеко, ибо если бы действительно решено было непременно поделить земли перед тем, как пускать их в продажу, отсрочка, якобы вызванная упомянутым выделением наделов, не

Вместо арпана, предоставляемого в аренду теперь выдавался лишь бон в 500 ливров для приобретения эмигрантских земель, огашаемый ежегодными взносами с рассрочкой на двадцать лет без процентов. Ежегодная уплата 25 ливров несомненно была гораздо труднее ренты, которую крестьянин рассчитывал выплачивать за наем одного арпана. Но и этот бон давался только гражданам, лишенным всякой собственности и не платившим никаких налогов, другими словами, самым обездоленным; прибавьте к этому, что приобретение земли ставило их в разряд налогоплательщиков. Само собой разумеется, что население деревень, имевших хоть самые ничтожные общинные владения, исключалось из раздела. Но не это еще было самым большим злом, — чтобы использовать бон, крестьянин видел себя вынужденным участвовать в торгах. Итак, вопрос был решен: совокупность земель, конфискованных у эмигрантов, в свою очередь была предназначена стать обеспечением ценности ассигнаций, и легко было предвидеть, что неимущим ничего не достанется. Что же касается самых мелких землевладельцев, то и тут оставалось еще под вопросом, будет ли нарезка участков произведена таким способом, чтобы их удовлетворить и не будут ли они отсечены на торгах? В положительном случае, обещание, данное им декретом 2 фримера, распространить раздел на участки также и на национальные имущества, полученные от конфискации земель духовенства, должно было иметь большое значение. Но оставалась почва для сомнений.

Во-первых, разбивка на участки являлась трудной операцией, затяжной и дорого стоящей; местные власти, заваленные работой, отнюдь не всегда спешили заняться ею, к тому же не мало было среди них людей, которые находили ее роковой и для интересов казны и для интересов сельского хозяйства и крупных скупщиков. В дистрикте Лилль национальные имущества, какого бы они ни были происхождения, продавались вплоть до жерминаля II г., согласно постановлению закона 14 мая 1790 г.; в Дуэ дело обстоит так же до флореаля, в Камбрэ — до фримера III г. В приморской Фландрии было еще хуже: там ни одно имение не было разбито на мелкие доли, а в тех случаях, когда поступали соответствующие требования, ограничивались тем, что производили порознь расценку полей, входивших в состав имения; почти все время фермы, как и прежде, продавались целиком. И это не исключительные явления, нечто подобное встречаем в Кот-дю-Нор, в Иль-е-Вилэн, в Жиронде.¹ Во флореале II г.

могла порождать особого беспокойства. Уже 2 марта Приёру указывали, что слача в аренду мелкими участками послужит помехой для продажи национальных имуществ* (Arch. parlem., L/X, 559).

¹ Dubreuil. La vente des biens nationaux dans le département des Côtes-du-Nord, стр. 177-179. В ниволе II г. департамент получил от дистрикта Ланшон ходатайство по поводу обязательного дробления. Он отвечал: „Любая, хотя бы и крупная ферма, состоящая из связанных друг с другом полей, не может быть поделена без ущерба... Мы считаем, что вы можете и даже должны, для ускорения дела и во избежание новых расходов по экспертизе, немедленно же

комитет надзора в Лэгле (Laigle) горько жаловался в одной петиции, что имения не дробятся согласно постановлению закона,¹ а у якобинцев депутаты Дюкенуа и Изоре протестовали против продажи целиком хозяйственных единиц, благоприветствовавшей крупным скупщикам.² В фруктидоре II г. монтаньяры вынесли вопрос на трибуну.³ В III году в петициях продолжают высказываться те же жалобы.⁴ Они тем более понятны, что дробление имений отнюдь не помешало состоятельному скупщику, как это повсюду засвидетельствовано, приобретать одну за другой нарезанные в облюбованном им имении parcelлы. Однако, несмо-

пустить в продажу оцененные уже фермы, относительно которых, очевидно, что они не могут быть поделены“. Дюбреиль утверждает, что метери, бывшие прежде в аренде у одного лица, делились лишь в виде исключения. В дистрикте Рени мы вплоть до III г. не встречаем ни одного случая дробления; точно так же и в дистрикте Бэн, за исключением Фужере, где 14 пририала II г. несколько отдельных участков фермы Ордрэ были проданы порознь (Guillon et Rebillon. La vente des biens nationaux dans les districts de Rennes et de Bain). В Жиронде дистрикт Кадильяк дробил имения усердно, за то дистрикт Базас делал это очень редко; в дистрикте Бордо первые случаи дробления встречаются в Амбаресе к концу жерминаля, (Benzacar, Gaudrillier et Marion. La vente des biens nationaux dans le département de la Gironde); в дистрикте Сан имения дробились в Домат, в вантозе, в Галигнь и Thorigny — в жерминале (Porée, La vente des biens nationaux dans le district de Sens) см. № 54; из него следует, что дистрикт Брие тоже продавал фермы целиком.

¹ (F, 10, 331). „Дробление производится на слишком крупные доли, злополучный фермер не решается итти на риск сделаться собственником участка, оплатить который он не в силах; отсюда следует, что крупные владения не меняют хозяев и присоединяются к другим крупным владениям, находящимся в руках богатых купцов“. Декрет, предписывавший дробление, „так и остался на бумаге, о применении его не слышно. Одни дистрикты считали, что он наносит ущерб общему интересу, другие хотели избежать трудностей, наконец, третьи удовлетворяли вкусы любителей крупных кусков. В результате бедняки так и не смогли ничего получить... Одной хижины на участке в два-три арпана достаточно было бы для существования многочисленной семьи“. Комитет этот, по его словам, состоит исключительно из санкюлотов, не имеющих никакой собственности.

² Moniteur, XX, 279—280; Aulard, La société des Jacobins, VI, 86—89. 1 флореаля Дюкенуа заявил: „В департаментах все еще встречаются крупные злоупотребления при продаже имений эмигрантов, их продают только крупными частями и только богатым землевладельцам-собственникам. Я призываю коллег поддержать меня и добиться от Конвента продажи эмигрантских земель мелкими участками, дабы всякий гражданин мог приобрести из них один-два арпана“. Изоре: „Мне известно, что в некоторых местах администрация хочет продавать крупными долями, дабы устранить меньше торгов“. Колло Д'Эрбуа и Кутон признавали: „в некоторых местах администрация считает, что для Республики выгоднее продавать имения крупными частями“.

³ 22 фруктидора. Moniteur, XX, 746—752.

⁴ Письмо гражданина Шарпантье якобинцам, Понтуаз, 23 фруктидора II г. (№ 104). Петиция Дедерне (Desdernays), мирового судьи, землевладельца, бывшего мэра Коммуны д'Арм (Сент-Этьенн, 20 вандемьера III г. (F 10, 212, B); „Это противоречит определенно выраженному общественному мнению — возмущает и угнетает его — пролажа крупными участками и только одной лишь богатой аристократии, и так уже владеющей слишком большим количеством имений, даже всеми имениями, продажа ей, говорю я, в довершение несчастья для сельского хозяйства и для родины еще и всех национальных имуществ, соединяющихся таким образом по низкой цене в руках одних только богачей. „Адрес Конвенту Ж. Ф. Эда из Avesne-le-Comte (Па-де-Калэ) № 59.

тря на все это, влияние дробления имений на распределение национальных имуществ было бесспорно благоприятным для крестьян, и если нарекания их легко объяснимы, все же надобно остерегаться недооценивать его.

Что же касается бон в 500 ливров, тут не может быть сомнений. Сделанная уступка была всего лишь кажущейся. Немного было граждан, потребовавших права ими воспользоваться. Отсюда поспешили сделать тот вывод, что бедняки не стремились становиться собственниками, и что монтаньярское законодательство, особенно же предложение, внесенное Сен-Жюстом в вантозе II г., было жестом демагогов, предлагавших землю людям, ее не желавшим. Прежде всего следует отметить, что известное количество деревень не могло воспользоваться законом либо потому, что они владели несколькими арпанами общинных земель, либо потому, что на их территории или по соседству с ними не находилось подлежащих дроблению имений эмигрантов.¹

Кроме того определение «неимущего» было столь узким, что оказывалось неприменимо к огромному большинству бедняков: Тулузский дистрикт жаловался, что исключены мелкие земледельцы, платившие, однако, всего по 30 су налога.² Таким образом имеющими право оказывались большей частью старики, калеки или вдовы, — люди, бывшие не в состоянии обрабатывать землю. Так, например, в Сен-Леже-Сюр-Сарт (Saint-Leger-Sur-Sarthe), деревне в 148 дымов, генеральный совет мог внести в список, кроме двух вдов, одной девушки с внебрачным ребенком и одного калеки, лишь двух поденщиков.³

¹ Гр. Денизе, старший писец в регистрационном управлении в Кане, 22 вантоза II г. обращает внимание на следующее обстоятельство; общинных земель нехватит, чтобы снабдить жителей участками стоимостью в 500 ливров, следовательно, придется разрешить, чтобы лица, воспользовавшиеся разделом, могли потребовать дополнительного надела из земель эмигрантов (F¹⁰, 331).

² 22 плювиоза II г.: «Этот закон создает для нас большие затруднения, к нам ежедневно со всех сторон поступают жалобы... Мы должны верить, что в намерения законодателя не входило лишить обитателя хижины, бедного земледельца... права воспользоваться выгодами этого закона лишь потому, что он платит 30 соль налога с недвижимости или же владеет собственностью, доход с которой оценивается в 5—6 соль. Не следует скрывать от себя, — жители сел, бедняки, маломощные земледельцы поддерживали революцию; надобно привязать их к ней, вознаградив их рвение, подогрев мужество. Принятое в присутствии народа коммунами Бальма и Сен-Мартэн 22 числа текущего месяца постановление, здесь прилагаемое, убедит вас в необходимости издать общее обязательное разъяснение». (Martin, La vente des biens nationaux dans le district de Toulouse, стр. XXIX). К сожалению, у нас нет этого постановления Бальма и Сен-Мартэна. 29 термидора дистрикт сообщал, что не появлялось ни одного гражданина, желающего воспользоваться законом. Но из письма от 22 плювиоза видно, что в действительности в претендентах недостатка не было. В нем в добавок говорится даже, что муниципалитеты, располагающие лишь несколькими арпанами общинных земель, и даже те, которые уже произвели раздел их, утверждали, будто не имеют их, чтобы только обеспечить своему населению права, предоставляемые законом 13 сентября.

³ Mourlot, цит. соч., II, № 4380.

С другой стороны, если не находилось претендентов на бон, причина лежала в том, что получить их было не так-то легко, а использовать почти невозможно, как то и доказали революционные чиновники, например, национальный агент в Кадильяке.¹ Муниципалитет должен был посылать в дистрикт список жителей, имеющих право на бон; большинство не сделало этого или же сделало с опозданием;² заинтересованное лицо должно было добыть себе удостоверение в дивизме, только тогда бон выдавался ему, но и то не без требования с его стороны и не по месту его жительства, — ему предстояло еще отправиться за ним в город. Затем он должен был еще разыскивать по объявлениям участок, цена на который казалась ему доступной, и который мог ему подойти, и, наконец, — и это самое главное, — он должен был опять ехать в город в день продажи и испытать счастье на торгах: вероятнее всего было, что продажная цена превысит 500 ливров, и он вернется восвояси ни с чем, потеряв время и напрасно потратившись. Не приходится сомневаться, что в этом отношении администрация дистриктов была в значительной мере повинна в провале закона. Она либо не делила эмигрантских имений, как мы это уже видели, либо же огромное большинство участков оказывалось оцененным свыше 500 ливров; конечно, число таких, которые были оценены в 500 ливров или ниже, было значительно меньше, и все понижалось по мере того как ассигнации обесценивались.³ И, наконец, ежегодный взнос в 25 ливров в погашение стоимости участка представлялся

¹ Marion. La vente des biens nationaux, стр. 205. 12 флореаля II года. Относительно применения закона на Севере см. Lefebvre, цитиров. произв., стр. 472—474.

² Документы этого рода очень редки в архивах. Указанный выше список, составленный муниципалитетом Сен-Леже-Сюр-Сарт (Saint-Leger-Sur-Sarthe), относится к 5 нивоза IV г., между тем как он должен был быть послан в дистрикт в следующем же месяце после обнародования закона 13 сентября 1793 г. В Вальфрамбере (департамент Орн) 20 фримера III г. двое жителей явились в муниципалитет, изъявляя желание воспользоваться этим законом (Mourlot, I, № 2055).

³ В плювиозе II г. республиканское общество в Ориба жаловалось министру внутренних дел, что граждане не могут воспользоваться законом 13 сентября, так как эмигрантские имения продаются участками стоимостью в 40 000—50 000 и 60 000 ливров (Q, 192 Gers). В сборниках, относящихся к продаже национальных имуществ, нет статистики участков, оцененных и проданных по 500 ливров или ниже, а иногда, как например в сборниках Мартэна, относящихся к дистриктам Тулузы и Сен-Годанса, издание, приводя лишь суммарные результаты продажи имений, которые, однако, были распроданы порознь, не дает возможности ее установить. Привожу результаты произведенных мной исследований относительно количества участков, оцененных или проданных по 500 ливров, либо ниже: в дистрикте Базз (Bazas) оценено 23, продано 2, в дистрикте Бордо (сведения имеются по 24 коммунам из 95) оценено 321, продано 49, в Кроньон один домэн был разбит на 105 участков, — имеем соотношение 61 и 5, так что в таком исключительно благоприятном случае шансы держателей бон не достигли и 5%. В дистрикте Кадильяк, в Бегней, 22 мессидора II г. в одном случае раздела на 45 участков имеем цифры 43 и 0. В дистрикте Санс мы находим участки указанной оценки в 20 коммунах из 89, оценено 230, продано 41.

«неимущим» слишком крупным.¹ Когда дикстрикт Базà предложил участки такой стоимости разделить между ними помимо торгов, что противоречило закону, охотников нашлось очень немного, большинство считало, что бремя налога будет достаточно тяжелым, и согласно было получить участки только даром. Предложение Сен-Жюста находит здесь свое оправдание в самих фактах.²

В общем вплоть до вантоза II г. монтаньяры, даже поскольку дело шло об имениях эмигрантов, не пошли дальше восстановления факультативного права дробления, сначала данного, потом отмененного в 1790 г. Учредительным собранием.

Очевидно, что решения Конвента, как и его предшественников, определялись финансовым положением; это надо учитывать, чтобы оценить по заслугам усилие, сделанное над собой монтаньярами, когда они решились вновь допустить дробление национальных имуществ. Ведь нельзя также сомневаться и в том, что члены Конвента опасались, заведя это дробление слишком далеко, понизить продукцию сельского хозяйства. Фанатические сторонники мелкого хозяйства не смогли их убедить; в частности, разделы лугов вызывали у них сомнения; одновременно с петициями, благоприятными дроблению, они все время получали и враждебные ему заявления, и в жерминале II г. Бильо-Варенн и Колло д'Эрбуа, делая приписку на полях одного из таких заявлений, не осуждают его заранее, как того можно было ожидать.³ Больше того, в дело были привнесены также и соображения социального порядка. Ш. Делакруа в своем докладе по поводу декрета 3 июня 1793 г. и в отчете от 30 нивоза II года, где он пытался оправдать слишком узкое применение декрета, сделанное им в департаменте Сены и Уазы, а позднее Лозо в заседании 22 фруктидора II г. высказались без обиняков: желание путем раздачи земли уничтожить нужду (*l'indigence*) и даже бедность является химерой; те, кого бы от них удалось избавить, вскоре же вернулись бы — вследствие лености и пьянства —

¹ Денизе в письме, цитированном нами выше на стр. 54, примечание 1, высказывает мысль, что следовало предлагать участки по 125 ливров с уплатой в 10 лет, — это наполовину уменьшало бы размер ежегодных взносов на погашение. Но поскольку сохранялись торги, эта уступка свелась бы к одной видимости.

² Marion. La vente des biens nationaux, стр. 206. Дата постановления дистрикта Базà не указана; было бы любопытно узнать, не было ли оно подсказано как раз докладом Сен-Жюста.

³ См. №№ 9, 43, 46, 55 — представления дистриктов Алянсона, Анжера, Брией, Серильи. Следует прибавить, что наказания, требуя увеличения числа собственников и хозяев, тем не менее довольно часто критикуют дробление на parcelles; кое-кто, несомненно, видел в них препятствие для огораживания, но другие не имели ввиду ничего иного, кроме вызываемой им потери времени для земледельца: вследствие этого встречаются требования мероприятий в защиту укрупнения (см. ниже стр. 83, примечание 2), — подобные жалобы и подобные требования встречаются на протяжении всей революции: петиция гражданина Брюни в Ла-Жессе подле Шаурса, департамент Об, 1790 (F¹⁰, 224); записка Корнье б. об. г. и м., флореаль II г. (F¹⁰, 212, В).

к прежнему состоянию; к тому же и не было достаточного количества годных к обработке земель и, наконец, приобретение одного арпана не давало еще независимости, а в таком случае, к чему же все это? Но, даже, если и допустить, что можно было бы всех крестьян превратить в землевладельцев, живущих исключительно продукцией своего хозяйства, республике нечему было бы радоваться: где же нашли бы в таком случае крупные фермеры необходимую им рабочую силу? а фабриканты? а купцы? Не только нет возможности уничтожить пролетариат, но необходимо его сохранить.¹ Уже некоторые наказания высказывались в этом духе. Приход д-Оньи, в бальяже Метца, протестуя против раздела общинных земель, уже осуществленного в Лотарингии и в Епископствах (*dans les Evêchés*), указывал, что «поднятие нови разорительно для общества, так как лица, занятые исключительно на своем участке, не могут быть в помощь ни нашим земледельцам, ни фабрикантам, ни предпринимателям». На протяжении всей революции как среди демократов и республиканцев, даже монтаньяров, так и среди защитников ценовой монархии, можно наблюдать борьбу между сторонниками государственного вмешательства в пользу бедняков и защитниками экономического либерализма, которые, рассчитывая исключительно на индивидуальную инициативу в деле увеличения общего богатства и уменьшения числа неимущих, рассматривают существование пролетариата, как нечто неизбежное для экономического и социального порядка, каким его понимает буржуазия, и даже как необходимое условие этого порядка.

Это не значило, конечно, что за пролетариатом отрицали право апеллировать к национальной солидарности. Если бы даже справедливость и гуманность не говорили в его пользу, забота об общественном спокойствии предписывала оказывать помощь инвалидам и безработным. Но, организовав социальную помощь, новый порядок считал бы свой долг исполненным. Уже в июне 1790 г. де Польверель в заседании якобинского клуба, высказывался в том же смысле как Делякруа и Лозо: «Если даже вы раздадите беднякам все, что останется в вашем распоряжении из национальных имуществ после уплаты долгов, вы не сможете уничтожить нищету (*l'indigence*). Великое средство против нищеты состоит не в даровой раздаче земельной собственности, но в обеспечении помощи неработоспособным беднякам и работным беднякам трудоспособным.»²

¹ Доклад Делякруа от 4 марта 1799 г. цитировался нами выше, стр. 50, примечание 2. В отчете своем от 30 нивоза он пишет: «Мы считали, что при столь значительном населении неимущий должен находить источники существования не в сельском хозяйстве, но в промышленности, в торговле, в ремеслах» (приведена у Minzes, стр. 81). Особого внимания заслуживают соображения Лозо (*Moniteur*, XXI, 750) относительно физической неосуществимости проекта превращения всех французов в земельных собственников и тех отрицательных последствий, которые к тому же повлекло бы за собой это превращение.

² Aulard. La société des Jacobins, I, 155.

И подобно тому, как Учредительное собрание, встав на такую же точку зрения, одновременно и отказалось раздать даром неимущим часть национальных имуществ и вместе с тем приняло ряд декретов, чтобы оказать им помощь или обеспечить за ними работу путем открытия благотворительных мастерских, точно так же и Жирондистский Конвент, прекратив отчуждение земель эмигрантов, вотируя декрет 19 марта 1793 г., закладывавший «основы повсеместной организации общественной помощи». Также и монтаньярский Конвент, сделав кое-какие уступки неимущему населению деревень, не создавал себе иллюзии относительно их значения, и, по крайней мере в принципе, его законы по общественному призрению получили гораздо более широкое применение, чем аграрные его мероприятия. 28 июня 1793 г. был издан декрет об ежегодном пособии в 120 ливров неимущим, которые были не в состоянии содержать себя своим трудом, — старикам, вдовам, покинутым детям, а также и отцам и матерям семей, обремененных детьми. Нам скажут, что это было необходимым дополнением к декрету 3 июня, воспользоваться которым не имели возможности все неимущие, в частности те, кто не в состоянии был возделывать предложенный им арпан земли из имений эмигрантов. Но, отменив декретом 13 сентября эту льготу, Конвент 24 вандембера II года принял «меры к уничтожению нищенства», гораздо больше напоминавшие суровые постановления старого порядка, нежели благодушные мероприятия Учредительного собрания: к благотворительным работам присоединились рабочие дома, куда надлежало заключать упорствующих нищих, и кроме того, при третьем рецидиве, высылка. Декрет 11 брюмера II г. предписывал ссылать осужденных на Мадагаскар.¹

Эти-то мероприятия помогают нам уяснить себе то обстоятельство, что неимущие не спешили требовать бонусов по 500 ливров, которые им были предложены декретом 13 сентября, и выказали подобную же сдержанность и после голосования вантозских декретов; как это засвидетельствовал Барер в своем докладе 22 флореала, они опасались, и притом не без основания, что вопрос шел не столько о предполагаемой раздаче земли и о помощи, сколько о их высылке.

III

Характерные черты предложений, внесенных Сен-Жюстом, и препятствия, на которые натолкнулось применение вантозских декретов, становятся теперь яснее.

Из земель духовенства не удалось выделить части для бедноты, не велик был успех и в отношении земель эмигрантов. Не

было никакой надежды добиться, чтобы какую-то часть их Конвент распределил бесплатно, и притом же, на взгляд самих робеспьеристов, высшие интересы Республики предписывали не уменьшать фонда, служившего обеспечением для ассигнаций. Итак, оставалось создать за счет подозрительных третий национальный фонд и поставить его вне пределов посягательств казначейства. Вот почему Сен-Жюст на этот раз постарался оправдать его создание исключительно политическими и социальными мотивами. Снова, но с гораздо большей определенностью, чем в 1792 г., война против аристократии и социальная демократия оказывались тесно связанными между собой.

Подобно тому, как в 1792 г., и в 1793 вопрос шел о том, чтобы удовлетворить нужды крестьян. Правда, Сен-Жюст говорил о «неимущих», а декрет 13 вантоза — о «несчастных» вообще. Однако, один только сельский пролетариат мог на продолжительное время извлечь пользу из вантозских декретов. Городскому пролетариату можно было раздать не дома подозрительных, а лишь деньги, вырванные от их продажи, так что ему просто-на-просто оказывалось вспомоществование и притом неизбежным образом слишком слабое, чтобы изменить условия его существования. 22 флореала в докладе своем относительно способов искоренения нищенства Барер, предлагая предназначить на это начинание часть национальных имуществ, признал, что эта льгота может послужить на пользу одним лишь крестьянам: «Это не значит, что мы можем забыть о городском ремесленнике... но предпочтение, оказываемое земледельцу, пастуху, деревенскому ремесленнику, настолько справедливо, настолько необходимо, что нельзя его оспаривать». Во всяком случае, в интересах «неимущих», и только одних неимущих, Сен-Жюст идет дальше предложения, внесенного Франсуа де Нефшато, и декрета 3 июня 1793 г.; он не только не допускает торгов, он отказывается и от ежегодного погашения стоимости участка, от всякой ренты, и требует даровой раздачи земли, причем из земель подозрительных он не сохраняет для казны ни одной пяди.

Предложение, внесенное им 29 ноября 1792 г. относительно земель эмигрантов, было проникнуто тенденциями как раз противоположной аграрной политики, и он не скрыл в своем докладе от 8 вантоза, что его воззрения на социальный вопрос изменились: «Сила вещей, быть может, ведет нас к результатам, о которых мы и не помышляли». Наивно было бы сомневаться в том, что именно эбертистская опасность помогла ему прозреть: за стенами Конвента популярные вожди санкюлотов требовали для них ощутимых преимуществ; обезоружить или ослабить противника, позаимствовав у него его же программу, всегда было недурным способом вести войну; те же эбертисты, соревнуясь с бешеными, прибегли к нему в прошлом году. Робеспьер и его коллеги были слишком опытными политиками и дали к тому времени слишком много доказательств своей способности к маневрированию для того, чтобы мы могли не приписывать

¹ Текст можно найти в сборнике С. Bloch. L'assistance publique, опубликованном Комиссией по изучению экономической истории революции.

обстоятельствам значительного влияния на их решении. Что революционное правительство, желая обеспечить себе продолжительное существование, было крайне заинтересовано в том, чтобы дать, наконец, крестьянам землю, которой они до сих пор тщетно добивались, — это совершенно очевидно. Нигде максимум не применялся так плохо, как в деревне; городские санкюлоты по крайней мере получали хлеб по установленной цене, деревенские же, поставленные вне городского снабжения и принужденные покупать непосредственно у земледельца, не могли даже добиться соблюдения установленных цен на зерно. Между тем от них требовали соблюдения максимума на заработную плату, а в префектуре Комитет общественного спасения собирался объявить их под реквизицией для сбора урожая. Но, учитывая таким образом действие обстоятельств, мы все же не имеем права сомневаться в искренности обращения Сен-Жюста, — так пылки и проникновенны его слова. «Допускаете ли вы, что возможно существование государства, если гражданские отношения находятся в противоречии с формой государственного управления? Те, кто делают революцию наполювину, лишь роют себе могилу. Революция приводит нас к признанию того принципа, что лицо, являющееся недругом своей страны, не может владеть в ней собственностью». Другими словами, политический порядок не жизнеспособен, если против него те, у кого в руках, благодаря обладанию капиталами и руководству народным хозяйством, находится и общественное влияние: Республике II г. предстояло либо лишить экономической базы старорежимную аристократию и цензовую буржуазию, либо погибнуть. Подходя к вопросу с другой точки зрения, Робеспьер в сущности высказал ту же мысль в одной, исполненной мрачного пессимизма, заметке, найденной в его бумагах. «В чем препятствие для просвещения народа? В его нищете. Когда же народ станет просвещенным? Когда он будет сыт, а богачи и правительство перестанут оплачивать и нанимать лукавые перья и языки для его обмана; когда их интересы сольются с народными интересами. А когда их интересы сольются с народными? Никогда».¹

Итак, недостаточно было лишить собственности врагов Революции; невелик был бы ее успех, если бы их имения были скуплены богачами, выдававшими себя за ее друзей. «Сомневаюсь, чтобы свобода установилась прочно, — пишет Сен-Жюст в своих заметках, — если возможно поднять несчастных против нового порядка вещей; сомневаюсь, чтобы исчезли несчастные, если не будет сделано так, чтобы каждый владел землей... Надобно уничтожить нищенство путем раздачи беднякам национальных имуществ». И он в лапидарной и проникновенной форме высказывает тот идеал демократии, состоящей из мелких собственников и мелких ремесленников, о котором мечтали монтаньяры:

¹ Приведено у Jaurès, La Convention II. 1689 (éd. Mathiez, VIII, 259).

«Человек должен жить независимым».¹ И так, предложение, внесенное им 8 вантоза, являлось лишь первым этапом обширной социальной политики.

При всем том не следует, однако, ни преувеличивать значения этого предложения, ни закрывать глаза на неопределенность его редакции. «Эта была страшная мера» — говорит Паризе.² С этим можно согласиться, так как насчитывалось около ста тысяч подозреваемых.³ Однако же, не все они были собственниками, далеко нет, и среди тех, кто владел имуществом, не все были землевладельцами; так что в этом случае приходится повторить сказанное по поводу законов 1793 г.: во многих коммунах нечего было бы раздавать.⁴ Если начинание это является самым смелым из начинаний, когда-либо санкционированных революционным собранием, тем не менее оно ни в коей мере не могло привести к исчезновению сельского пролетариата и положить конец аграрному кризису. Больше того, защищая интересы «неимущих», Сен-Жюст не дал определения этого понятия. Может быть, имелись в виду отцы семейств, получавшие общественное вспомоществование или поставленные в положение безработных? В таком случае предложение было средни тому, которое в 1790 г. формулировал Ла Рошфуко-Лианкур, и его можно было рассматривать как часть общего закона о вспомоществовании; ниже мы покажем, что как раз так и было сделано, и Сен-Жюст в силу юридической неопределенности своей формулировки нес за это ответственность. Или же, напротив, имелись в виду все крестьяне, не платившие налогов? Применение декрета должно было в таком случае подвергнуться той же критике, что и декрет 13 сентября 1793 г. Многие крестьяне, вносившие по несколько су налогов, были почти нищими (étaient misérables). И ни то, ни другое из этих определений неприменимо было к сельскому пролетариату в целом, если даже в него включать, в соответствии с точным смыслом социалистической терминологии, только крестьян, вовсе не имеющих никакой собственности, никакого хозяйства. Еще меньше они могут быть применены к очень мелким собственникам и батракам (aux tapoeuvriers), имевшим дом и клочок поля, к мелким фермерам и бедным половникам: все

¹ Тексты эти, цитированные Жоресом, там же р. 1749, 1750 находим и у Vellay (Oeuvres de Saint-Just, II, 513, 514).

² La Convention p. 193. (Histoire de la France contemporaine, publiée sous la direction d'E. Lavisse, t. II).

³ A. Mathiez. «Quel fut le nombre des suspects» в „Annales historiques de la Révolution Française“, т. VI, 1929 г. стр. 74—77; он допускает, что перед термином было 90 000 подозреваемых, сидевших в тюрьмах. Что касается зарегистрированных, но не заключенных в тюрьмы подозреваемых, относительно их числа всякие данные отсутствуют.

⁴ R. Schnerb (L'application des décrets de ventôse dans le district de Thiers, в „Annales historiques de la Révolution française“, т. VII, 1929 г., стр. 24—33) указывает, что в Лезу был зарегистрирован только один подозреваемый Де-Мария, дворянин и, без сомнения, землевладелец; в Thiers их было 16, но это были монахи, взявшие назад свою присягу; большинство, по всей вероятности, не владело землей.

они, наверняка, не могли извлечь никакой выгоды из вантозских декретов. А во многих областях они составляли большинство или даже почти что сплошь все население. С точки зрения социальной проект Сен-Жюста оказывался недостаточным, с точки зрения политической он не достигал цели, ибо крестьяне, которым он благоприятствовал, конечно, являлись наименее способными немедленно же и существенным образом содействовать защите демократической республики.

Но каков бы ни был этот проект, следует рассмотреть теперь вопрос, могло ли вокруг него объединиться в Конвенте большинство, искренне расположенное его осуществить. История законов 1793 г. позволяет нам в этом усомниться. Не говоря уже о том, что эта обширная террористическая конфискация не могла быть приятной Равнине, но и среди тех членов Конвента, которых она не отпугивала, не один, конечно, должен был предпочесть ей увеличение фонда, обеспечивающего ассигнации. Изучение самого текста декретов показывает, что это не простая гипотеза. В самом деле, с точки зрения социальной, какова была главная мера, предложенная в докладе Сен-Жюста? — Бесплатная раздача имущества подозрительных. А между тем в декрете от 8 и 13 вантоза, которые он поставил на голосование от имени Комитетов, ничего не говорится о бесплатности, и, только толкуя их в свете его доклада, санкюлоты могли поверить, а историки считают себя в праве допустить, что Конвент обязался разделить эти имущества между бедняками. Декрет от 8 вантоза довольствуется тем, что накладывает секвестр на имущество «врагов революции»; лишь 13-го Сен-Жюст заставил вынести постановление о том, что Комитет общественного спасения рассмотрит «способы вознаградить всех несчастных с помощью имущества врагов Революции». Откуда это запоздание, ведь доклад был такой определенный? Почему откладывается выбор средств его исполнения? Как объяснить, что в декрете не говорится о бесплатной раздаче земли? Мы не находим иного ответа, кроме того, что Сен-Жюст встретил или почувствовал, что встретит сильное сопротивление в самом же Комитете, и тем более в Конвенте.

Но в таком случае создавалась полная возможность оспаривать, будто Собрание обещало непосредственную раздачу имущества подозрительных беднякам, хотя бы и под условием соблюдения известных обязательств, и утверждать, что «для вознаграждения несчастных» было бы предпочтительней предоставить им выручку от продажи; только такое толкование вопроса позволяло бы неимущему элементу городов получить свою долю; почему бы не распространить его и на деревню? И сам Сен-Жюст, как мы уже указывали, говоря о *неимущих* и обо всех *несчастных*, подготовил возможность такого обходного движения. К числу неимущих и несчастных приходилось отнести стариков, калек, больных, вдов, сирот, раздавать земли которым было бесполезно. Им нужна была помощь. В таком случае не было никаких препятствий к тому, чтобы присоединить имущества

подозрительных к другим национальным имуществам и продавать их на общих условиях. Больше того: вознаграждение, обещанное несчастным, не должно было, если придерживаться буквы декрета, непременно поглотить весь доход от этой продажи, могло кое-что остаться и для казны.

Таким образом проект Сен-Жюста свелся бы к простому благотворительному мероприятию, какие все время предлагались и вотиrowались, начиная с 1789 г., и совершенно утратил бы свой специфический характер. От существа вантозских декретов ничего бы не осталось; было бы одной террористической мерой больше — и только. К такому разрешению вопроса, с самого начала намечавшемуся защитниками интересов казначейства, должны были, конечно, примкнуть и те члены Конвента, которым втайне противна была эта новая конфискация, ибо оно отодвигало ее на задний план и создавало возможность ее отсрочки: самое настоятельное дело, оказывается, состояло в том, чтобы помочь санкюлотам, раздав им пачки ассигнаций; этот демагогический прием давал возможность спасти имущества подозрительных.

Самый текст декрета от 13 вантоза подготовлял возможность подобного маневра; декрет от 16-го позволил его уточнить. В этот день Мерлен де Тионвиль, Тюрио и Дюгем потребовали незамедлительной помощи для неимущих и снова предложили Конвенту принять систематические меры для уничтожения нищенства. На этом заседании в распоряжение министра внутренних дел были переданы 500 000 ливров, «чтобы временно притти на помощь убогим, несостоятельным и нетрудоспособным гражданам»; конституционным властям вменялось в обязанность «следить за тем, чтобы пригодные к труду лица не нищенствовали и занимались бы полезными для общества работами», а Комитет общественной помощи пригласался «в самом непродолжительном времени представить доклад относительно мероприятий, необходимых для уничтожения нищенства на всей территории Республики». ¹ Мерлен де Тионвиль, Тюрио и Дюгем были противниками Робеспьера. Председательствовавший на заседании Сен-Жюст не сделал никаких возражений, да и как было противиться мере, которая в принципе не являлась противоречащей изложенному им 8-го числа проекту. Вместе с тем в то время, как Комитет общественного спасения 16-го числа предписал муниципалитетам составить списки неимущих в соответствии с декретом от 13-го числа, министр внутренних дел Паре, чья связь с Дантоном общеизвестна, сыпал циркулярами с целью обеспечить раздачу десятиmillionного вспомоществования, вотиrowанного Конвентом 13 плювиоза в пользу всех коммун Республики.

Декрет от 16 вантоза об искоренении нищенства обещал издание общего закона о вспомоществовании, в который, при изве-

¹ Декрет написан рукой Тюрио, Нац. арх., С, 293, (953—954).

стной ловкости, можно было включить декрет от 13-го числа. Эту операцию взял на себя Барер, представив 22 флореаля доклад о способах искоренения нищенства.¹ Вот самое важное с нашей точки зрения место в нем: «В декрете от 26 вантоза, представленном Комитетом, вы уже заложили великий фундамент для уничтожения нищеты; вы потребовали от всех национальных агентов при коммунах составления списков граждан, лишенных всякой собственности, и описей еще не проданных национальных имуществ, раздел которых на мелкие части в форме национальной распродажи сможет привязать всех граждан к собственности и к отчизне».

Если бы Комитет общественного спасения действительно провел 26-го через Конвент анализируемый Барером декрет, пришлось бы признать, что он не терял времени, — успел исказить начинание Сен-Жюста, но не существует никаких следов этих декретов. Хотел ли Барер сделать намек на декрет от 16-го числа? В таком случае могут возразить, что он был внесен не от имени Комитета и не содержал того, что приводилось Барером. Или же он хотел таким образом резюмировать содержание декретов от 8 и 13 вантоза? Недобросовестность в таком случае была бы явной, но трудно допустить это предположение, так как несколько далее сам Барер упоминает их, указывая, что «они хотели обратить революцию на пользу тем, кто ее поддерживает, и на разорение тех, кто против нее борется».

Как бы там ни было, хотя декреты от 8 и 13 вантоза и не были отклонены, совершенно ясно, что фактически они подменяются новым начинанием. Барер имеет ввиду обеспечить неимущих не за счет подозрительных; конфискация, предложенная Сен-Жюстом, не принимается во внимание; о ней едва упоминается и то мимоходом, как мы только что цитировали. Действительно, не распроданные еще национальные имущества, о которых он говорит, не могут включать в себя и имущества подозрительных, секвестр которых был пока принят лишь в принципе; во всяком случае очевидно, что, не повторяя ясно и определенно выражений вантозских декретов, Барер должен был сознавать, что делает угодное тем, кому не по душе было их применение. Правда, Сен-Жюст выступал от имени Комитета; Колло, Бильо и члены Комитета общей безопасности не могли не одобрить экспроприации имущества подозрительных. Только не надо забывать, что вскоре после этого Комитет общественного спасения одобрит закон 22 прериала и Комитет общей безопасности станет применять его с полной жестокостью, и что это не помещает террористам, рассорившимся с Робеспьером, переложить на него всю ответственность за террор. Не следует ли в умолчаниях Барера усматривать первое проявление этой тактики?

Если же считать, что политического маневра не было, и имущества подозрительных действительно включались в общий ком-

плекс нераспроданных национальных имуществ, то не останется никаких сомнений относительно наличия финансового и социального маневра: эти имущества перейдут в руки неимущих путем национальных торгов. Каким же способом обеспечат им их приобретение? Вопрос остался открытым, но, если бы, действительно, происходила продажа, то достаточно было бы распространить на все национальные имущества декрет от 13 сентября, чтобы считать себя в расчете с санкюлотами. Простой ли случайностью было то обстоятельство, что Комитет именно в это время циркуляром от 14 флореаля рекомендовал его применение?¹ И, действительно, Барер, перечисляя различные способы искоренения нищенства, указал и на следующий: «распределение в каждой деревне национальных имуществ на началах вознаграждения или продажи с длительной рассрочкой». В другом месте он упоминает «раздачу некоторой части имуществ в виде вознаграждения или с торгов». Он явно считается с Сен-Жюстом и Робеспьером, они могут выступить на защиту своей точки зрения; но даровая раздача земли стала уже наградой, и для нее отводится лишь «некоторая часть имуществ». Барер не увлекается ею, он упоминает о ней мимоходом и притом в форме предположения; среди предлагаемых им мер она занимает ничтожное место.

Но когда же, наконец, будет принято решение?

«Скоро, — заверяет Барер, — Комитет подготовляет законопроект относительно способов распределения земельной помощи» И так, проект Сен-Жюста преспокойно утонул в законе о вспомоществовании. Но в таком случае есть потребности более настоятельные, чем забота о трудоспособных работниках (*manouvriers valides*), — прежде всего надлежит позаботиться о больных, калеках, о стариках, вдовах, матерях, обремененных детьми.

И, действительно, декрет 22 флореаля целиком посвящен им, и правительство прежде всего озаботится созданием книги национальной благотворительности. А что касается самих трудоспособных неимущих, то явится ли раздача им земли наиболее действительным и скорым способом помочь им? Барер не упускает случая выдвинуть на первый план «работы, которые необходимо производить в настоящее время в некоторых местах Республики», т. е. благотворительные мастерские.

К тому же списки неимущих, которые должны были быть составлены на основе декрета от 13 вантоза, подлежат переработке; местные власти, правда, прислали их, но они настолько несовершенны, что Комитет вынужден потребовать представления их заново и принять меры для их проверки; мы вправе задать себе вопрос: что же осталось от вантозских декретов?

Начиная с этого момента, революционные власти, поощряемые Комитетом, только и думали, что о выполнении декрета от 22 флореаля они внесли в это дело немало рвения, как это можно констатировать, просматривая сборник Mourlot по депар-

¹ Moniteur, XX, 445: Buchez et Roux. Histoire parlementaire, XXXIII, 27.

¹ Dubreuil, цитированное соч., стр. 179.

таменту Orne.¹ Но, составляя списки неимущих, о которых говорил Барер, они в течение всего лета ссылаются исключительно на законы о вспомоществовании, а не на вантозские декреты. Поэтому и коммуны указывают жителей неспособных к труду; самое большее, если они присоединяют к ним обремененных детьми отцов семей.

Как бы там ни было, санкюлоты, помнившие о докладе Сен-Жюста, могли сначала предположить, что на имения подозрительных будет наложен секвестр. К удивлению своему им пришлось убедиться, что они далеки от истины. И в этом отношении — опять-таки в силу своей юридической неточности — Сен-Жюст сыграл в руку противнику; он внес свое предложение в связи с возобновлением приостановленных, начиная с нивоа, прений по вопросу о пересмотре арестов, произведенных на основе закона от 17 сентября 1793 г. революционными комитетами и комиссарами Конвента. Декрет 8 вантоза предписывал Комитету общей безопасности произвести пересмотр их. Впредь возникали две категории подозрительных, одна, состоящая из лиц, находившихся в это время в тюрьмах, и из тех, которые в дальнейшем могли быть посажены местными властями; это в некотором роде «временно подозрительные»; и вторая из лиц, внесенных Комитетом общей безопасности в окончательный список, на основании которого и должен был производиться секвестр. Этот последний, следовательно, откладывался до пересмотра всей массы подозрительных, с организацией которого не спешили. Декрет 23 вантоза предписывал назначить для его подготовки шесть народных комиссий, но только 24 и 25 флореаля

¹ Во всем сборнике мы находим лишь две коммуны, указавшие во время обсуждения на необходимость составления списка неимущих, предписанного декретом 13 вантоза: это Алянсон в Saint-Agnan-sur-Sarthe. В период, предшествовавший закону от 22 флореаля, напротив, нашлись четыре коммуны, занятые распределением помощи, обещанной декретом от 13 плювиоза: Аленсон, Сен-Патрис-дю-Дезер, Тремон и Ванд. В мессидоре дистрикт назначил трех комиссаров, чтобы поторопить муниципалитеты с составлением списков, необходимых для применения декрета от 22 флореаля (мы встречаем следы их деятельности в мессидоре и термидоре в Gandelain, La Roche-Mabile, Le Mêle-sur-Sarthe, Valframbert; принимались меры также в Бюре и в Танвилле), перед тем точно так же им были назначены комиссары для приведения в исполнение декрета 13 плювиоза. В отношении же вантозских декретов мы не встречаем никаких следов подобных мероприятий. Между тем относящиеся к флореальскому закону списки составлялись с запозданием в Вальфрамбере (10 фруктидора) и в Сен-Патрис-дю-Дезер (14 фруктидора), либо не составлялись вовсе; в Ferrières-la-Vergerie 6 фруктидора шестеро жителей явились требовать применения закона. Сборник дает указания на составление списков в Aunai-les-Bois, Montagnan, Saint-Patrice-du-Désert, в Tanville; они естественно свидетельствуют о чисто филантропической заботе; в Монтаньяне в список вносится сапожник 70 лет, пятеро земледельцев в возрасте от 69 до 82 лет; пять вдов в возрасте от 60 до 69 лет; четыре молодых женщины или вдовы, обремененные детьми; в Аунай из шести претендентов — трое убогих стариков старше 60 лет, слепой полденчик и двое калеки. Характерно, что когда в Алансоне 26 жерминаля пришлось составлять список неимущих, имеющих право воспользоваться декретом от 13 вантоза, эта задача была поручена комиссарам, уже переписывавшим неимущих, среди которых следовало распределить помощь, обещанную декретом от 13 плювиоза.

решились, наконец, создать две из них. Результаты своих работ они представили в конце прериала, но Комитеты приступили к их рассмотрению лишь 1 термидора; что касается остальных четырех комиссий, то они так никогда и не были созданы. Тем временем десятка три департаментов наложили секвестр на имущества подозрительных, которых мы квалифицировали как «временных»; было заявлено несколько протестов и — знаменательный факт — Комитет общественного спасения приказал департаменту Кот-д'Ор аннулировать операцию. Напротив, Законодательный комитет Конвента подготавливал декрет, который должен был ее легализовать. 9 термидора настало прежде, чем его успели провести.¹ Дело было срочным, приближалась пора жатвы; если бы секвестр запоздал, она не досталась бы санкюлотам, которые должны были воспользоваться имуществом подозрительных. «Количество заключенных столь велико, — писал клуб в Ларумье (дистрикт Кондом), — что до сбора жатвы не удастся судить большинства из них, и Республика может понести большие потери, если вы дадите возможность заключенным или их родственникам собрать урожай с земель, подлежащих конфискации. Монтаньярское общество в Ларумье в заседании 30 флореаля постановило просить вас настоящим обращением распорядиться относительно секвестра имений всех заключенных».² Конечно, не одни санкюлоты из Арманьяка приходили к подобным размышлениям.

Все эти соображения подтверждают давно уже собранные Матьезом данные, позволившие ему утверждать, что раскол в правительственных комитетах возник задолго до прериальского закона. Самая редакция вантозских декретов и доклад 22 флореаля доказывают, что еще тогда намечалась коалиция, которая должна была погубить робеспьеристов. Колло и Бильо не могли выставить возражений против конфискации имущества подозрительных, ни, конечно, против аграрной политики Сен-Жюста. Барер, у которого не было определенных принципов, тоже, по всей вероятности, ничего против них не имел. Но, движимые недоверием или личной ненавистью к робеспьеристам, они молчаливо предлагали умеренным и тем монтаньярам, которых, как Камбона, Карно или Линде, больше всего озабочивал вопрос о состоянии финансов и ведении войны, отказаться от того или иного из предложенных мероприятий, или же и от обоих вместе. Между тем, если бы между ними и Робеспьером могло установиться согласие, у них не было бы оснований отказываться от их поддержки; вот почему, когда в начале термидора, как это тоже показано Матьезом, состоялась попытка примирения, было сообщено решено ускорить проведение в жизнь вантозских декретов. Не трудно, однако, понять, что Робеспьер не поверил в искренность своих противников; а искусный маневр, проделан-

¹ Обо всех этих фактах см. статью Mathiez'a, цитир. на стр. 27.

² Нац. арх., F¹⁰, 285.

ный между вантозом и флореалом, оправдывает его недоверие. Для применения декретов в их настоящем значении точно так же, как и для придания террору его подлинного характера, требовалась «единая воля».

Во всяком случае, если бы даже в термидоре робеспьеристы одержали верх, нет еще уверенности в том, что им удалось бы заставить Конвент принять даровую раздачу земель подозрительных. Чтобы сломить сопротивление парламентариев, а также, конечно, и пассивное сопротивление многих представителей местной администрации, им понадобилась бы ревностная поддержка санкюлотов. Осудив эбертистов, дезорганизовав народную силу роспуском революционной армии и участковых клубов, они лишили себя необходимой поддержки, подобно тому, как в 1793 г. эбертисты роковым образом ослабили себя, помогши Комитету общественного спасения сломить бешеных. А между тем, вместо того, чтобы стремиться создать благоприятное общественное мнение, которое бы позволило им подчинить себе Конвент, Кутон заодно с Колло д'Эрбуа отклонил даже поддержку якобинцев. Когда в заседании 1 флореаля Дюкенуа и Изоре предложили клубу выступить перед Конвентом в защиту предложений, которые они собирались внести с целью добиться продажи национальных имуществ небольшими участками, Колло и Кутон стали уверять, что Конвент принял по этому поводу все желательные меры; они соглашались, что местные власти плохо их применяют, но заявили, что Комитет общественного спасения сумеет привести их к повиновению, и убедили собрание целиком положиться в этом вопросе на правительство.¹

Между тем новый закон относительно продажи национальных имуществ отнюдь не был бы излишним, раз что вантозские декреты не могли, как мы уже отметили, послужить интересам массы мелких собственников, мелких фермеров и половников. Робеспьеристы не могли дать им землю даром; национальных имуществ для этого нехватало бы, что касается экспроприации крупных собственников, как в наши дни это было сделано в государствах центральной и восточной Европы, об этом не приходилось и думать: подобная операция натолкнулась бы на неодолимое сопротивление революционной буржуазии; к тому же, кажется, французские крестьяне никогда ничего подобного и не требовали.² Но можно было бы изменить законодательство в таком направлении, чтобы сделать более демократическим способ отчуждения национальных имуществ, не изменяя его по существу. Этого-то и хотели Дюкенуа и Изоре, а приведенные выше петиции показывают, как можно было этого достичь. Все были согласны, что дистрикты и сама центральная администра-

¹ *Moniteur*, XX, 279, 280. (Aulard. *La Société des Jacobins*, VI, 86—89).

² По этому вопросу см. статью G. Lefebvre, *Les recherches relatives à la répartition de la propriété et de l'exploitation foncière à la fin de l'ancien régime*, цитир. на стр. 28.

ция национальных имуществ¹ отрицательно относятся к дроблению. Их можно было заставить применять его. Эмигрантских земель, конечно нехватало бы? Достаточно было распространить декрет 13 сентября на все национальные имущества. Гражданин Денизе из Кана советовал даже составлять земельные фонды, требуя уплаты в земле пошлины с наследства.² Действие декрета о 500 ливрах должно было быть расширено, — можно было давать боны всем малосостоятельным жителям тех деревень, которые владели лишь небольшими количествами общинной земли, или не поделили ее, или же, распределяя ее, имели возможность нарезать лишь очень маленькие наделы; можно было вообще допустить всех собственников, пополнить их владения до каких-то определенных размеров.³ Труднее, но не вовсе невозможно было облегчить условия платежа; достигнуть этого можно было, либо предоставив, как того хотел Изоре, отсрочку в год или в два для внесения первого взноса на погашение, либо же, уменьшив размеры участков, чтобы понизить цену на них, как того хотел Денизе. И, наконец, можно было вернуться к непосредственной раздаче, помимо торгов, предусмотренной декретом от 3 июня, не восстанавливая ради этого аренду, осужденную финансистами: как раз этого-то и требовали национальные агенты дистриктов Тулузы, Базы и Кадильяка;⁴ во флореале Фротье вновь представил в Конвент петицию, прося просто-на-просто восстановить действие декрета 3 июня.⁵ Если же все эти требования представлялись слишком смелыми, разве нельзя было хотя бы отменить те параграфы декрета 24 апреля 1793 г., в которых воспрещались коллективные покупки?

Вместо того Комитет общественного спасения приказал 27 флореаля мировому судье в Суасоне незамедлительно привлечь к ответственности граждан кантона Валльи и соседних с ним, повинных в покупках земли на паях.⁶ Все, что можно поставить в плюс Комитету, это что 14 флореаля он предложил

¹ В отсутствии злой воли у этой администрации сомневаться не приходится, когда видишь, как глава ее, Ломон, пишет 13 вантоза II года министру внутренних дел, что призвет представителей администрации к соблюдению закона 3 июня, „требующего раздела на мелкие участки имений эмигрантов, не обесценивая, однако ж, при этом ферм и доменов“. (Q 2. 192. Gers.).

² Цитированная выше, на стр. 54. прим. 1 петиция.

³ Как раз этого и требовал Денизе.

⁴ Тулуза: „Нам представляется, что до тех пор, пока всем гражданам будет разрешаться конкурировать на торгах, набавляя цену за участки, оцененные ниже 500 ливров и нарезанные специально для немущих патриотов, или же пока не решат отдать этим патриотам часть земли по оценочной стоимости, не превышающей 500 ливров, закон 13 сентября останется для них обманчивой надеждой, и им так и не придется воспользоваться благодеяниями этого закона“ (23 фруктидора II г.; Martin, указ. сочин., стр. XXX); то же самое мнение выражено с несколькими еще более смелыми добавлениями Фонвьелем, национальным агентом дистрикта Кадильяк (Marion, цитир. соч., стр. 206). Инициативу дистрикта Базы мы уже отмечали (стр. 56).

⁵ № 101.

⁶ Aulard, *Recueil des actes du Comité de salut public*, XIII, 547.

представителям местной администрации, как то было обещано Кутонем и Колло, точнее соблюдать закон 13 сентября, который, не будь этого вмешательства, в еще большей степени оставался бы бездействующим.¹

Что Сен-Жюст и робеспьеристы не обмолвились ни словом относительно этой стороны проблемы, что Кутон, поддерживая Колло-д'Эрбуа, договорился до утверждения, будто «Конвент не упустил ничего, что могло благоприятствовать несостоятельным патриотам», — это не дает, надо в том признаться, слишком высокого представления о том внимании, которое ими уделялось аграрному вопросу. Больше того, поистине с изумлением читаешь отчет о том заседании якобинского клуба от 1 флореаля, о котором нам уже приходилось несколько раз упоминать. Дюкена напоминает там о законе 3 июня, как будто совершенно не зная, что пункт о предоставлении одного арпана в аренду давно отменен; Изоре вслед затем признается, что ему неизвестен декрет, дававший некоторым покупателям эмигрантских имуществ право производить расплату в течение двадцати лет. Колло д'Эрбуа бесподобно заявляет, будто имения эмигрантов должны распродаваться участками стоимостью самое большее в 500 ливров. И в довершение всего сам Кутон утверждает, что существует закон, запрещающий покупать земли эмигрантов участками свыше одного арпана и разрешающий сдачу их в аренду. «Зло проистекает от того, что закон этот не исполнялся». Видимо, и он не лучше других был знаком с законодательством! Право, счастье, что отрывки из «Республиканских учреждений» Сен-Жюста дошли до нас; иначе у нас не было бы оснований выделять робеспьеристов из числа других монтаньяров и считать, что в их глазах вантозские декреты были не только простым политическим маневром и террористической мерой. На примере Кутона мы по крайней мере понимаем, почему робеспьеристы сделали столь несовершенное применение из этих смелых принципов Сен-Жюста. А какими неудовлетворительными представляются вантозские декреты в качестве аграрной программы,

¹ См. стр. 65. Можно предположить, что не без толчка извне часть из них принялась в течение лета II года производить раздел имений. 24 прериаля департамент Кот-д'Ор, дававший в нивозе столь неблагоприятные для дробления инструкции (выше стр. 52), поставил на вид дистрикту Гингам (Guingamp), что раздел метерии Кадолан на три доли недостаточен, что более мелкие участки были бы удобнее для санкюлотов, которым придется остаться без земли, если им не предоставить возможности приобрести ее, нарезая участки в соответствии с их средствами" (Dubreuil, указ. произв. стр. 179, прим. 2). 9 прериаля II года муниципалитет Алянсона внезапно назначает комиссаров для приема заявлений от граждан, имеющих право воспользоваться законом 13 сентября, а 3 мессидора требует от них ведомость неимущих, которую они должны были составить, "так как нужно срочно предоставить им возможность воспользоваться законом, дающим право покупки земель эмигрантов на сумму до 500 ливров" (Mourlot, цитир. сочин., I, 605 и 648). Нет ничего невозможного и в том, что Комитет приложил некоторые усилия в этом направлении лишь для того, чтобы отвлечь внимание санкюлотов от применения вантозских декретов. Однако, соответствующих документов у нас нет.

когда от вопроса о собственности мы переходим к рассмотрению вопроса об эксплуатации! Вопрос об этой стороне аграрной проблемы не часто встречается в парламентских прениях, а следовательно и в повествованиях историков. А между тем стоит только прислушаться к сетованиям крестьян, чтобы быстро осознать его важность, и притти к заключению, что вопрос о распределении угодий и об условиях найма занимал как раз тех нуждающихся, но не вовсе неимущих, а порой даже и близких к достатку крестьян, которым Сен-Жюст ничего не пообещал, но которых было бы особенно важно привлечь на сторону демократической республики.

Глава вторая

КРУПНЫЕ ФЕРМЫ И УСЛОВИЯ ИХ АРЕНДЫ

I

В конце старого порядка во Франции, в противоположность тому, что происходило в Восточной Европе, привилегированные редко вели сами хозяйство в своих имениях. Их за это часто упрекали, не думая о том, что таким образом они помешали аграрной революции принять совершенно иной размах: если французские крестьяне не потребовали общей экспроприации крупных землевладельцев, так это потому, что они уже пользовались, в качестве полоников или фермеров, землями, которые им не принадлежали. Как бы обернулось дело в противном случае — это можно предвидеть, когда читаешь, как яростно наказания оспаривают у дворян и священников право самим вести хозяйство в своих имениях, или, — еще хуже того, — арендовать другие земли. Само собой разумеется, что горечь усиливалась еще от того, что привилегированные, обрабатывая свои домены в пределах 4 сох или же, — в Парижской области, — в пределах от 300 до 400 арпанов, от 100 до 140 гектаров, были свободны не только от налога с собственности (*taille de propriété*), но и от налога с эксплуатации (*taille d'exploitation*). Так как талья была налогом, взимаемым по раскладке, а не устанавливаемым по принципу обложения отдельных плательщиков, то доля крестьян благодаря этому возрастала.¹ В Дюнуа, в Мэне и Ангумуа часть приходов обвиняет дворян в том, что они дают своим фермерам звание управляющего (*régisseur*), чтобы избавить их от налога и незаконным оброком увеличить аренду.²

Отмечают точно так же и не без основания в наказах и то

¹ Часть наказов утверждает, что привилегированные все чаще и чаще сами ведут свое хозяйство для того, чтобы уклониться от налогов: Сен-Мартэн дю Клоше (сенешоссе Ангулем), Шампань-ле-Сек, Сен-Савиоль (Сиврэ), Аньер, Авеньер, Авессе (Avesse), Авезе (Avézé), Ля Биготьер (провинция Мэн). Наказ Маркуси, в Парижском преводе, указывает, что местная помещица выказала в 1788 г. намерение самой эксплуатировать сеньеральную ферму, что увеличит налоговое бремя общины на 2 000 ливров в год.

² Наказ Маркуси также отмечает, что один из помещиков по устному договору сдает своему извозчику шесть арпанов, свободных от налогов; наказ Сен-Мар-ля-Бриер (провинция Мэн) указывает, что местный помещик сдает 27 помпеев луга, по частному соглашению, на тех же условиях,

обстоятельство, что, эксплуатируя сами свои земли, привилегированные лишают известное количество крестьян возможности жить независимо и причиняют ущерб также и купцам, продавая произведения своих полей сами, без посредников. Наказ Боннефуа, в бальяже Алянсон, не без некоторой доли преувеличения, конечно, заявляет: «Постоянно видишь в деревне, как дворянство берется за рукоятку плуга и само обрабатывает земли, отправляется на рынки, покупает и продает скот и всякие съестные припасы; это противно порядку, ибо тем, кто пользуется дворянскими изъятиями и привилегиями, не должно быть дозволено заниматься делом землепашца и купца; это значит, в некотором роде действовать в ущерб бедным труженикам, вынужденным работать, чтобы иметь возможность уплатить лежащие на них налоги». Подобные критические замечания особенно часто встречаются в Артуа, в Булоннэ, в области Ко, Ля-Бри и в окрестностях Парижа.

«Земли эти, — пишет приход *les Molières* в Нурероих, по поводу площади в четыре сохи, которую привилегированные могли обрабатывать, не уплачивая налога, — могут составить четыре отдельных хозяйства (*exploitations*), — четыре хозяйства, которые ведясь отдельно, дали бы возможность устроиться четырем отцам семейств. Сын пахаря не попадал бы в неволю».¹

Особенно часто встречаются нападки на духовные общины и на кюре: «Недостаточно восстановить справедливость относительно десятины, — говорят приход *Collégien-en-Brie* и прилегающие к нему, — кюре вознаграждают себя, став арендаторами земель. Надобно еще запретить им арендовать земли, предпринимать какие бы то ни было работы, особенно же заниматься торговлей, так как талью и промысловый налог платит только неимущий, они же ничего не платят. Постыдно и противно гражданским и каноническим законам, чтобы духовное лицо, кюре становилось купцом; надобно даже обязать их сдавать в наем все их владения, за исключением тех, которые связаны с усадьбой священника, иначе же пусть они налоги с обрабатываемой ими площади платят в двойном размере по сравнению с другим населением».²

¹ Подобные же рассуждения встречаем в Анжервилле, в Муаси-Кромэйль (Парижское преводе).

² Артуа: Третье сословие бальяжей Бопома, Бетюна, Элена, Арра (против кюре и религиозных общин); Булоннэ: Камблиньель (тоже), Экс-ан-Исар, Атэн, Этре, Этреель, Марль, Тюберсан (нападают также и на дворян); третье сословие Бове; бальяж, д'Арк: Анневиль, Боне, Крикетто, Омонвилль; Овилль-ля-Ривьер, Рэнфревилль, Сент-Маргерит, Тьедевилль, предместья Парижа: Буффемон, Куркертэн, Маркуси, Муаси-Крамайель, Ле-Мольер, Монтже, Маранжис, Рюэль-ан-Бри, Сен-Леже-ан-Лэ, Вер, Винант, Витри и приходы Эннери, Гурнэ-сюр-Марн, Лонь-ан-Бри, Нуазель-сюр-Мари, Понто и Торси-ан-Бри высказываются в тех же выражениях, что и Коллежвен-ан-Бри, причем мы не знаем, который из наказов послужил образцом для других; Реймский бальяж: Бэн, Шампильон, Ножан-д'Абес; третье сословие Медонского бальяжа; третье сословие Провэнса и Монтеро; бальяж Метц; Донже, бальяж Алансона: Боннефуа, сенешальство Анжер; Сен-Сатурнин дю Лиме; бальяж Блуа: Фласэ и Даннерэ; сенешальство Бигор: Антэн,

Раздражение крестьян легко объяснимо. За отсутствием собственности аренда земли обеспечивала им известную независимость и во всяком случае более регулярный доход, чем у батрака; мечтой каждого рабочего (*valet de charrie*), каждого сына земледельца было получить маленькую ферму или метерию, чтобы жениться и устроиться своим домом.¹ Не один из них, конечно, достигал своей цели, ибо земельная собственность привилегированных и буржуа была очень измельчена и раздроблена, — в этом Франция отличалась от Англии подобно тому, как от восточной Европы она отличалась тем, что лишь в редких случаях земля эксплуатировалась самими привилегированными. Дробление хозяйственных единиц (*les exploitations*) вносило в условия жизни французского крестьянина больше разнообразия нежели дробление самой земельной собственности. Сельские жители, владевшие достаточной площадью земли, встречались чрезвычайно редко, а процент таких, которые могли существовать на доход только со своей собственной земли, во все времена был очень слаб. Напротив, во многих приходах встречалось по одному или несколько крупных фермеров и известное количество хозяев среднего достатка, причем одни из них были фермерами или половниками, другие же одновременно арендаторами и собственниками. Со своей стороны и рабочие ремесленники с поденщиками (*Les artisans et les journaliers*) равно стремились, и не без успеха, снять в аренду кусок земли. И однако же, несмотря на то, что система землепользования была у нас гораздо благоприятнее для крестьян, чем где бы то ни было, — во второй половине XVIII в. она стала вызывать нарекания, ибо эволюционировала в направлении, мало благоприятном. Нужно, однако, в этом отношении различать области, где преобладала денежная аренда, от тех, где господствовало половничество. На обширных равнинах, которые через Пикардию, Бри и Босс тянутся от Фландрии до Орлеанэ, практиковалась исключительно денежная аренда, точно так же дело обстояло (правда, не без исключений) и в восточной и в средней Нормандии, в Шампани и в Лотарингии. Половничество преобладало в Дюнуа и Мэне, в Солоньи, Нивернэ и в Отюна.

В областях распространения денежной аренды раздавались сильные нарекания на землевладельцев; их обвиняли в том, что они благоприятствуют концентрации хозяйств и прямо вызывают ее, либо объединяя вместе по две и больше ферм, в которых часто уничтожают становившиеся излишними строения, либо же сдавая отдельные фермы и участки земли, по мере того, как арендный договор на них истекал, крестьянам, уже арендующим одну или несколько эксплуатационных единиц. Ранее 1760 г. тенденция эта как будто не проявлялась, во всяком случае до

этого времени она не привлекала особого внимания.¹ Все же, кажется, не следует ответственность за нее приписывать физиократам и примеру, данному английской аристократией; французские помещики просто-напросто хотели избежать хлопот по управлению, заключая договоры с земледельцами, платежеспособность которых была несомненна. Один из них уверяет, что в Вандомуа они хотели избавить себя от расходов по ремонту строений.² В Лотарингии, как добавляют указы, объединение ферм было вызвано разорением мелких земледельцев, обремененных налогами и чрезмерной арендной платой.³

В окрестностях Парижа причину видели во вздорожании зерна, вследствие чего, начиная с 1760 г., возросли средства крупных хозяев, а следовательно, и их притязания:⁴ эксплуатируя сразу по несколько ферм, они могли, не увеличивая расходов по эксплуатации в той же пропорции как засеваемую площадь, располагать гораздо более значительными запасами, прибегать к скупке и повышать цену. Так как жалобы эти особенно сильны в районах, окружающих столицу, то, может быть, это объяснение не лишено оснований. В таком случае, концентрация будет объясняться, по крайней мере отчасти, тем обстоятельством, что наиболее богатые крестьяне были увлечены мыслью превратить сельское хозяйство в торговое предприятие.

В Парижском прево́те тридцать пять приходов собственно Иль-де Франса, между Узой и Марной,⁵ семнадцать южного

¹ Дата эта — 1760 год — указывается для Валуа. См. № 52, в Вандомуа концентрация начала практиковаться, видимо, значительно раньше (см. следующее примечание); вблизи Питивьер в 1773 г. это зло было уже довольно давним. В № 94 (документов) хорошо описаны два процесса концентрации, примеры разрушения в №№ 27 и 86.

² Это один адвокат, по имени Дюшатель, оставивший рукопись под заглавием „Принципы и основания разницы способов землепользования в областях, расположенных в равнине Босс и в верхнем Вандомуа и в лесных местностях Перше и нижнего Вандомуа.“ (Архив департамента Луарэ, д. 716). Эта не датированная записка составлена в конце старого порядка. Стоимость ремонта, — говорит он, должна в настоящее время высчитываться из расчета 8 соль на 1 фут строения. Таким образом по мере снижения дохода строения пропорционально дорожают. В бордаже величиной в одну четверть метерии (метерия здесь равняется усадьбе в одну соху) имеется 40 футов строений; в полметерии — 80, в бордаже в три четверти — от 120 до 130; в метерии размером в одну соху — 150. Подобным же образом объясняет причины разрушения ферм наказ Морансе (бальяж Шартр). Относительно Севера и в частности приморской Фландрии см. Lefebvre. *Les paysans du Nord*, (стр. 51—52).

³ См., напр., Верни (бальяж Метца), тоже и в Дюнуа, в Вьевике (бальяж Орлеана). В бальяже Мирекур в ряде мест разделу общинных земель приписывают уменьшение числа земледельцев, которые отныне не могут пропитать своего скота см., напр., наказ Френели-ля-Гранд.

⁴ № 52. В Нормандии точно так же причиной концентрации считают дороговизну (Sion. *Les paysans de la Normandie orientale*, стр. 279).

⁵ Baillet, Belloy, Bouffement, Bouqueval, le Bourget, Chatenay-en-France, Cuisy, Dammartin, Deuil, Domont, Ecoeu, Enghien, Epinay, Fontenay-les-Louvres, Gonesse, Goussainville, Groslay, Jagny, Louvres, Mareil, Marly-la-ville, Mauregard, Montmagny, Montsoul, Piscop, Puisieux, Sarcelles, Sevran, Venars, Viarmes, Villeneuve-sous-Dammartin, Villepinte, Villeron, Villeteuse, Villiers-le-Bel.

¹ Социальные преимущества мелкого хозяйства постоянно выдвигаются на первый план в наказах и петициях №№ 51, 58, 87, 89, 101),

парижского предместья и Юрепуа,¹ к которым следует присоединить Гюянкур и Сен-Сир, бальяжа Версаля,² два прихода французского Вексин,³ семь из ля Бри⁴ и пять из Тарденуа⁵ ополчаются против объединения ферм, и наказ парижских предместий отметил их жалобы. Третье сословие бальяжей Мо и Провэнса и Монтеро, дворянство и третье сословие бальяжа Крепи в Валуа, духовенство и третье сословие бальяжей Виллер-Коттере и Фим (Fismes) выражают те же претензии. Их же мы встречаем в Шампани в наказе третьего сословия Ножан-Сюр-Сен, в наказе прихода Жеродо, в бальяже Труа, в наказах Шенэ, Курвиль и Мон-сюр-Курвиль, в бальяже Реймса. Духовенство и третье сословие Булонне, где пятьдесят один приход выступил с критикой быстрого исчезновения мелких хозяйств. Третье сословие Калезиса и Ардрезиса, многочисленные приходы приморской Фландрии, третье сословие бальяжей Камбрэ и Кенуа, духовенство бальяжа д'Авен точно так же повторяют их. В Босс мы находим сходные пожелания духовенства и третьего сословия бальяжа Дурдана, третьего сословия бальяжей Шартра и Этампа, пяти деревень бальяжа Монфор-Л'Амори (Montfort-l'Amory);⁶ приходов Рувре-Сент-Круа и Сенвилль в бальяже Орлеана, им вторит приход Сюлли-ля-Шапелль, подле Невилля, на опушке Орлеанского леса. Очень сильно также движение в бальяжах Андели, Шарлевалль и Лиона (Lyons), между которыми был поделен Вексэн (Vexin normand); к нему присоединяется третье сословие бальяжа Руана; встречаем мы его в Брэ.⁷ Равным образом и в Лотарингии третье сословие бальяжей Дьез и Шаго-Салэн протестовало против объединения ферм, а также несколько приходов бальяжей Метца, Бузонвилля и Булэ.⁸ Следует отметить, что на это зло точно так же указывается в областях половничества, пограничных с зоной денежной аренды, например, область Дюнуа горько жалуется на объединение метерий;⁹ так же обстоит дело

¹ Angervilliers, Arpajon, Bonnelles, Bruyères-le-Châtel, Châtenay, Choisi-le-Roy, Fresnes, Guibeville, Jouy, Limours, Longjumeau, Les Molières, Ollainville, Pecqueuse, Saint-Jean-de-Lenville, Saint-Rémy-les-Chevreaux, Vitry-sur-Seine.

² Minzes, цитир. сочин., стр. 68.

³ Andrézy, Triel.

⁴ Grisy et Suisnes, Moisy-Cramayel, Ormoy, Rueil-en-Brie, Santeny, Sainte-Marie-de-Beaubourg, Villiers-sur-Marne.

⁵ Jaignes, Le Ferté-sous-Jouarre, Précy, Vaires, Veully-la-Poterie.

⁶ В бальяже Шартр на крупные фермы нападают в своих наказах город Шартр и приходы Clévilliers-le-Moutiers, Meslav-le-Grenet и Morancez. Пожелания их внесены в общий наказ. В бальяже Этамп-Шамаранде, Denonville, Maisons, Richarville говорят то же; наказ Этамп безмолвствует; общий наказ высказывается против крупных ферм. В Montfort-l'Amory: Bullion, Epernon, Garap cières-en-Beauce, Longvilliers, Saint-Arnoult — здесь общий наказ не воспроизвел представлений крестьян.

⁷ Sion, Les paysans de la Normandie orientale, стр. 277, 278. Наказы бальяжей Дьепи и Кани безмолвствуют. Бальяж Арк тоже; однако, ле-Паркье отмечает объединение ферм в округах Баквилль, Лонгвилль и Тот (т. I, стр. XXIII).

⁸ Приходы Malrey, Verny, Verneville (бальяж Метц), Tromborn и Oberdorff (бальяж Бузонвилль), Dalem (Булэ).

⁹ Vieuvic (бальяж Орлеана), Boisgasson, Le-Mée, Saint-Denis-les-Ponts, Saint-Lubin d'Isigny, Thiville (бальяж Блуа). См. также ниже № 26,

в бальяже Алансон,¹ в департаменте Мэн² и так вплоть до Солоньи и Берри.³

Насколько обоснованы были сетования крестьян? За исключением Северного департамента и нескольких приходов в департаменте южной Сены, у нас нет статистического исследования поземельных документов, которое бы дало нам возможность необходимой в этом случае проверки. В приморской Фландрии, в нормандской части Вексэна и в Брэ концентрация хозяйства представляется несомненной, в Эно в Камбрэзи и в Ко она, повидимому, была менее активной.⁴ Что касается остальных областей, следует заметить, что наказания и петиции приводят определенные примеры, особенно сомневаться в которых не приходится, так как современники легко могли проверить их точность, а составители не могли с такой легкостью подвергать себя риску обвинения в ошибке или же в недобросовестности.⁵

¹ Boitron, Le Chalange.

² Musset. Le Bas-Maine, стр. 276 в наказах Авеньер (d'Avesnières), Сувиные подле ла Ферте-Бернар (de Souvigné, près la Ferre-Bernard), Буассе-ле-Сек (de Boissé-le-Sec): „богатый землевладелец, соединил две метерии и три бордажа, обратив их в одну хозяйственную единицу. И вот разом уничтожено четыре жилища, в результате такого вредоносного для населения способа действий многие молодые люди не решаются жениться из страха не найти ни жилища, ни земли для обработки. Не трудно предугадать, каково будет влияние такого экономического метода помещиков на нравы. А кроме того один фермер не может добыть со своей обширной земли такого количества хлеба, как несколько отдельных фермеров с той же площади. К тому же редко случается, чтобы этот единственный фермер уплачивал столько же талли, как те, чье место он занял; отсюда вытекает, что налог перекладывается на других“. В наказе Saint-Mars-la-Brière говорится: „Каждый землевладелец, преследуя только свои частные интересы, объединяет все мелкие участки, какие только можно объединить, создает из них большую ферму и тем самым уничтожает множество жилищ... Если бы все одинаково платили налоги, у привилегированных не было бы побуждений самим эксплуатировать землю, и они сдавали бы ее в аренду, давая таким образом деревенской молодежи возможность устроиться и жить, а следовательно жениться. Еще один способ создать благоприятные условия для народонаселения и уменьшить число несчастных заключается в том, чтобы поделить состояния, сделав их более равномерными. Отчасти этого можно было бы достигнуть, воспрепятствовав отдельным лицам снимать в аренду по несколько больших участков.“ Roquet (Baux de ferme du Belinois, в „La révolution dans la Sarthe“, 1912) отмечает объединение двух метерий в Сен-Жерве в 1739 г. и даже объединение двух бордажей еще в 1571 г.

³ Marcilly-en-Villette, Saint-Florent, Vouzon и la Motte Beuvron (бальяж Орлеана); Rians (бальяж Буржа); также ниже №№ 29, 33, 34. Провинциальное собрание в Берри высказало пожелание, чтобы мелкие метерии объединялись в крупные хозяйства.

⁴ G. Lefebvre. Les paysans du Nord, стр. 51 (см. также ниже документ № 51); Sion. Les paysans de la Normandie orientale, стр. 277, 278; в Сен-Клере, подле Гурнэ, из шести усадеб, свыше чем по 10 гектаров, четыре получились путем объединения; в другом месте один фермер арендует пять ферм; область Ко (Сауз) меньше пострадала: в десяти обследованных приходах встречается всего десяток случаев объединения ферм.

⁵ Третье сословие Булоннэ уверяет, что в течение двадцати лет исчезло свыше 900 ферм; приход Werwignes, — что количество хозяйств уменьшилось на целую четверть, между тем как население удвоилось; приход Aix-en-Issart свидетельствует, что в настоящее время встречаются фермы размером свыше чем по 900 мер (mesures) и даже такие, которые достигают 3000 mesures

Кроме того в архивах содержатся документы, в правдивости которых нельзя сомневаться: они исходят от представителей администрации, которые подтверждают рост крупного хозяйства, иногда жалуясь на это обстоятельство, иногда приветствуя его, — таковы высказывания многочисленных субделегатов в Орлеане в 1773;¹ для Вандомуа у нас имеется бесспорное свидетельство одного землевладельца.²

(1 260 гектаров). В Парижском превете, в Mareil-en-France, в Ormois-en-Brie почти всю землю арендует один фермер. В Santeuil-en-Brie всегда было четыре фермера, теперь остался только один; Карре, „владелец феода“ в Pin, подле Ланьи, составивший особый наказ, утверждает, что некоторые снимают по шести ферм. Особенно выразителен наказ Виллерона, подле Гонесса, отмечающий, что у них существует всего две фермы, одна принадлежащая сеньеру, другая аббатству Шаалис. В прежнее время был излишек земли, арендовавшийся двумя мелкими фермерами, которые к барской земле присоединили еще и принадлежащие деревне пустопорожные земли; „кроме того жители могли арендовать, каждый по своим силам, 234 арпана земли... , теперь же эти двое крупных фермеров захватили всю землю двух маленьких ферм и землю, обрабатываемую жителями деревни. Теперь только эти двое фермеров продают масло, яйца и птицу; у жителей нет других источников существования, кроме своих рук, которые им и приходится отдавать на службу этим двум фермерам“. См. подробности, приведенные в №№ 52, 57, 58, 94, 95, 104.

¹ Некоторые субделегаты Орлеанского интендантства затронули вопрос об укрупнении в связи с предпринятой в 1773 г. анкетой относительно торговли зерном. Субделегаты Монтаржиса, Кламеси и Роморантена о нем не упоминают, хотя крупные фермы и представляются им оказывающими отрицательное влияние на хлебные цены (впрочем, в 1789 г. возле Монтаржиса происходили укрупнения; см. № 39); субделегат в Giép утверждает, что укрупнений не происходит; субделегат в Шатодюне, что они редки; субделегат в Дурдане утверждает, что стало „много мелких землевладельцев“, — он имеет в виду тех, кто обрабатывает всего по 2—3 арпана; если к ним прибавить виноградарей, вместе они составят две трети общего числа земледельцев; им не редко случается покупать зерно вместо того, чтобы его продавать; происходят или нет укрупнения — не указано, однако, можно предположить, что — да, так как он их защищает: „в интересах земледелия и увеличения урожайности нужно, чтобы землевладелец соединял в своих руках земли, расположенные вблизи его метерий, дабы избежать чересполосицы и образовать компактную площадь в две сохи, ибо в тех случаях, когда участок недостаточен для пропитания стада скота, дающего шерсть, недостаток удобрения и навоза ведет к уменьшению урожая, — это с одной стороны, а с другой — издержки, связанные с обработкой при чересполосице являются для землевладельца чистой потерей“. В Блезуа (Blesois) об укрупнениях говорится как о вещи обычной: „особенно религиозные общины стараются объединять в одну крупную ферму свои маленькие метерии, уничтожая в них строения, чтобы избавиться от расходов по ремонту. Отсюда вытекают отрицательные последствия двойного рода: во-первых, — земля не поделена между разными хозяевами, обработка производится хуже, и земля приносит меньше; во-вторых, — маломощный крестьянин, живший прежде с семьей в маленькой усадьбе, которую обрабатывал, лишен этого источника существования и принужден покупать на рынке потребный ему хлеб, который богатый землевладелец продает ему по чем хочет“. Субделегат в Вандоме тоже отмечает, что землевладельцы произвели большие укрупнения, и ставит в упрек Королевскому Совету легкость, с которой он разрешает духовным землевладельцам укрупнять фермы под предлогом, что строения пришли в ветхость. В Питивье субделегат тоже констатирует укрупнения, относясь к ним враждебно; однако же, он замечает, что „это злоупотребление давнего происхождения“. Наиболее выразительно говорит о них субделегат в Шартре. Если бы хозяйства не были так сконцентрированы, то на рынок вывозилось бы больше хлеба; тем не менее он не предполагает сговора со стороны крупных фермеров, и доводы его глав-

Правда, можно было бы возразить, что наказания некоторых бальяжей остаются безмолвны, а между тем жалобы соседних местностей должны были бы встречаться и в них; так обстоит дело в Артуа, Перонне, Руа и Мондидье, в бальяжах Сен-Кентэне, Вермандуа, Реймсе и Санлисе, Манте и Мелане (Meulan), Монтаржисе, Вандомуа, Витри-ле-Франсуа. Как допустить, что нарекания приходов ля-Бри, входивших в парижские превете, были справедливы, что бальяжи Мо, Провэна и Монтеро говорят правду, если бальяж Мелэн (Melun) молчит? Однако же, в действительности из этого молчания нельзя делать никаких выводов, поскольку у нас нет в руках приходских наказов. Очень часто случалось, что собрание бальяжа, состоявшее в большинстве из

ним образом социального порядка: „Эксплоатация земель в крупных размерах — явление, помешать которому правительство должно незамедлительно; она влечет уныние в сельскохозяйственных рабочих (journaliers), находящихся в полной зависимости от земледельца, она ведет к уменьшению населения и скота в деревнях, к уменьшению количества удобрений и, следовательно, понижает урожайность. Всякий ревностный к общественному благу гражданин должен желать издания соответствующего закона. Желательно было бы, чтобы размеры фермы фиксировались в пятьдесят арпанов земли в парижской мере на осенний и яровой засев и чтобы в случае, если земледелец превысит их, он облагался бы добавочной галлей, в размере четверти основной. Это увеличение внесло бы в налоговое обложение недостающую ему равномерность: нередко у земледельца, обрабатывающего по сто арпанов в посевной сезон, издержки по обработке незначительнее, и семья у него на руках не больше, чем у того, кто возделывает 10 арпанов. Разрушение строений на фермах хотя и важно, но не в такой степени; рабочий (le journalier), у которого будет шесть сенье арендованной земли, незаметно и с небольшими издержками отстроит себе жилье, сможет разводить и выращивать скот, который даст ему удобрение, он сам будет обрабатывать поле, которое прокормит его вместе с семьей; это небольшое поле будет лучше возделано и унавожено и принесет сравнительно большее количество удобрения и даст в течение круглого года работу целой семье, часть которой иначе принуждена побираться всю зиму“ (Arch. du Loiret, C. 81).

² Что касается Вандомуа, свидетельство Дюшателле (см. стр. 75, прим. 2), подтверждает слова субделегата, приведенные в предыдущем примечании; „чтобы избежать расходов по ремонту зданий“ самым простым способом было объединение нескольких бордажей в фермы; это имело место в невероятном количестве случаев. В нашей местности вы не встретите почти ни одного поселка, где бы не было развалин. Я был плохо осведомлен относительно количества произведенных укрупнений. Целые приходы были почти что разрушены вследствие того, что крупные владельцы покидали значительное количество ферм, территория которых ныне покрылась лесом. У меня самого есть несколько метерий, составленных каждая из двенадцати либо пятнадцати бордажей. Это дело моих отцов, не мое; кроме того, я из старых деклараций вижу, что сотню Орлеанэ отмечает, что прежде фермы имели по 40—50 сенье на осенний и весенний посев, теперь по 100—150; „только богачам это доступно“. В Лотарингии, Мальруа (бальяж Метца) заявляет, что десять-двенадцать лет назад число земледельцев на одну четверть превышало нынешнее. По словам крестьян, в Фавьер (Favières) (бальяж Везелис) дворянство „что ни день“ покупает земли у землевладельцев не дворян (particuliers). Наказ Сен-Мар-ля-Бриер (департамент Мэн) утверждает, что г-н Сен-Мар „за последнее время“ приобрел семь бордажей, три фермы и несколько отдельных участков и пустил 650 арпанов, этих земель под рощи, пруды и луга; „остальное обрабатывает“ г-н де Мюра приобрел „несколько участков („quantité d'objets“), которые тоже обрабатывает, или пустил под лес.

буржуа или крупных земледельцев, намеренно отбрасывало пожелания общин, противоречившие его настроениям. Например, в собрании превете Мобежа вопрос о расчленении крупных хозяйственных единиц был поставлен делегатами нескольких приходов и снят другими. В протоколе, правда, о нем упоминается, но вообще-то регистрировали лишь результат прений, и вполне вероятно, что, ввиду состава собрания, в большинстве случаев споров даже и не происходило. Не убедительно и молчание приходских наказов. Нет сомнения, конечно, что сельские рабочие (*paisans artésiens*) были сильно раздражены против крупных фермеров; и, однако же, только три прихода потребовали раздела ферм; такое положение встречаем в Бос, и тем не менее указы провинции Орлеанэ ничего не говорят об этом. Дело в том, что на приходском собрании представитель помещика или буржуа, которые председательствовали, деревенский воротила, «*le coq du village*», импонировавший населению, одним уж своим присутствием вынуждал недовольных воздерживаться от жалоб.

В Париже депутат деревни Оржеваль, адвокат Буинар, возражал против параграфа наказа, направленного против крупных ферм:¹ как же удивляться, если приходский наказ не говорит об этом ни слова, и как можно уверять, что крестьяне этой местности, действительно, были по этому вопросу иного мнения, нежели их соседи?

Если же все-таки мы бы предпочли допустить впредь до того момента, пока не получим более полной информации, что процесс концентрации не был столь распространенным, как на то указывают крестьянские жалобы, — все же не следует забывать, что, ввиду роста населения, нужно было бы для удовлетворения его потребности в земле поделить крупные фермы, хотя бы они и существовали уже на памяти населения, и что для возбуждения неудовольствия с его стороны вовсе не обязательно предполагать дальнейшее увеличение их размеров или возрастание их числа. Надо также заметить, что благодаря последовательным разделам мелкое и среднее хозяйство все больше и больше дробилось, и потому все возрастающее, по сравнению с ним, значение крупной фермы усиливало раздражение. Намечавшаяся реформа не являлась чисто-отрицательной: дело не сводилось лишь к тому, чтобы запретить или уничтожить укрупнение ферм; существовало также и стремление к разделу крупных хозяйственных единиц, происхождение которых было не установлено. Нельзя, повидимому, отрицать влияния демографического фактора, во всяком случае для Фландрии, Артуа, Эно, Камб্রেзи и Нормандии оно несомненно. Да кроме того, если существовала ненависть к крупным фермерам — «этим существам, захватываю-

щим все имения кантона, как будто им только и надлежит владеть землей», как пишет приход Марли-ля-Вилль, — для этого были и другие причины. Зависть возбуждали благосостояние их и роскошь. «Лет тридцать-сорок назад» замечают в *Baillet-en-France* — «у них были клячи самое большое стоимостью по три, четыре луи, они себе жили и народ тоже. Теперь у них лошади по тридцать-сорок луи и дороже, у других — кабриолеты».¹ Особенно же ненавистна была их тирания. Крупный фермер был «*le coq du village*» — самый важный человек, или, как во Фландрии говорили, «*le matador*», воротила. Он мог лишиться заработка поденщика и лишиться ремесленника заказов; у землепашца, не имевшего своей упряжки, он мог отказаться вспахать поле и отказать ему в перевозке на рынок его зерна и фуража; он был жесток и жаден. Приход Морегар говорит: «он держит в своей власти всех рабочих вокруг, заставляет их умирать с голоду, давая им низкую заработную плату.» «Им лишь бы копить деньги, тогда только они довольны», — добавляет наказ Балль-ан-Франс; «теперь только большинству из них и жить». Обычно крупный фермер был синдиком или мэром в деревне: этим он пользовался для того, чтобы по своему усмотрению распределять налоги или же скупать общинные земли, он брал на откуп взимание десятины и шампара и благодаря этому забирал себе большую часть урожая; у него приходилось покупать хлеб тем из жителей, кто не сеял, или же не собрал достаточно, чтобы прожить целый год. Его боялись так же, как помещика, если не больше, и случалось что он вступал в союз с ним, или же с его приказчиков, что было еще хуже.² И все же хотя враждебное отношение к крупным фермерам и было общераспространенным, но особенно сильно проявлялось оно среди крестьян, поднявшихся над уровнем нищеты, и главным образом среди того, составлявшего своего рода мелкую деревенскую буржуазию сельского населения, которое обозначали именем *cultivateurs* и *laboureurs*. Действительно, мы замечаем, что во многих местах, уничтожая ферму, как единицу, владелец делал это отнюдь не всегда с тем, чтобы присоединить ее земли к другой: земля представляла такую приманку, что владельцы свободных усадеб, осаждались ходатайствами крестьян, которые наперебой набавляли цену, так что некоторые «господа» не колеблясь, расчленили «непомерно большую» ферму и раздавали ее по парцеллам, — в сумме это приносило им выгоду. Благодаря этому процесс укрупнения хозяйств был несколько смягчен или даже приостановлен в областях с густым населением, где сильно развита сельская промышленность приносила крестьянам некоторый достаток, как, например, в Валлонской Фландрии, в Ко, Эно и Кам-

¹ См. ниже на стр. 85 взгляд Бсффрау, на стр. 88, прич. 2, мнение Дюкенау, и № 103.

² Помимо наказов, см. №№ 2, 3, 5, 52, 53, 58, 95, 113 и выше стр. 78, примеч. 1.

¹ Chassin. Les élections et les cahiers de Paris en 1789, IV, 376. В Виллероне два крупных фермера отказываются подписаться под наказом. См. также № 51.

брези. Подобные же факты приводятся, впрочем и для других местностей для Булоннэ, Бри, окрестностей Парижа, Босс, Лотарингии и Эльзаса. В Сантени, в Бри, один фермер, не будучи в состоянии справиться со своим хозяйством, сдал от себя землю сорока крестьянам; в Лотарингии приход Мардиньи уверяет, что генеральные фермеры, снимавшие землю у собственников, охотно дробили фермы.¹ Движимый своими филантропическими чувствами Ла-Рошфуко-Лианкур поделил свои земли на участки, которые и сдавал своим крестьянам.² Наказы, сообщающие нам об этих фактах, так же решительно их осуждают, как и укрупнения. В виду того, что беднейшему крестьянству они не могли не быть по душе, очевидно, наказания эти зарегистрировали пожелания крупных земледельцев (laboueurs), опечаленных невозможностью устроить своих сыновей, или же напуганных тем, что сдача в аренду целых ферм становится более редким явлением.

В 1793 г. Доливье, кюре в Mauchamp (близ Этампа), косвенным образом приводит тому доказательства: «были разговоры о том, чтобы поделить фермы, т. е. чтобы не допускать одного человека занимать по несколько их; шла даже агитация за то, чтобы ограничить количество арпанов, составляющих ферму. Но все это приводит лишь к тому, что увеличивается число фермеров, массам же это не поможет, не доставит им средства к самостоятельному существованию. Нужно полное раздробление ферм.»³

Как раз ни о чем подобном и не просят наказания. Они довольствуются требованием, чтобы никто не мог снимать в аренду больше одной фермы, и чтобы был определен максимальный размер каждой арендуемой единицы. Таким образом на будущее время укрупнения будут запрещены, и землевладельцы будут вынуждены восстановить часть уничтоженных ферм, однако же, не все. Некоторые наказания идут и дальше, требуя, чтобы были заново отстроены все разрушенные постройки, или же чтобы устанавливался очень низкий максимальный размер (что привело бы к одному и тому же результату); например, в Нигероix требуют максимума в две сохи по сто арпанов; другие же, более многочисленные, наказания допускают, например, чтобы существующие уже фермы, превышающие максимум, были сохранены, и желают законодательных ограничений лишь на будущее время; в некоторых местах допускают даже, чтобы землевладелец (если

он сам ведет хозяйство) не был стеснен размерами и мог бы увеличивать свое имение, примерно, до 300 арпанов, беря в аренду земли, граничащие с его владением; в этих последних оговорках бесспорно сказывается влияние тех крестьян, которые уже являлись собственниками. Предлагаемый предельный размер, конечно, изменялся в зависимости от области. Вблизи Парижа налицо явно выраженное предпочтение ферме в 300 арпанов (102 гектара);¹ на этом размере остановилось также третье сословие Камбрези (300 mencaudées, или 106 гектаров). Некоторые приходы, однако, идут до 400 арпанов (136 гектаров). Артуа, Калези и Булоннэ предлагают 100, или 200, или 300 мер (mesures) (43, 86, 129 гектаров). Следует кроме того отметить, что многочисленные наказания, — среди них есть и такие, которые, однако же, хотят ограничить размеры эксплуатационной единицы, например, третье сословие Булоннэ и предместий Парижа, — что многочисленные наказания требуют поощрения укрупнений разделенных уже ферм в интересах земледелия; следовательно, в их намерения не входило доводить до крайнего предела дробление ферм, как того хотел кюре Доливье.²

В этой борьбе против фермеров крестьяне не были представлены своим собственным силам. Все сторонники мелкого хозяйства желали, чтобы крупные фермы исчезли, или по крайней мере, чтобы число их и размеры были ограничены. Кроме Фландрии, где сельскохозяйственная культура начиная с позднего средневековья опередила остальную Европу, послужив примером для Англии, крупные фермеры были уязвимы для критики агрономов, так как придерживались рутинности и употребляли свои капиталы на расширение обрабатываемой площади, а не на усовершенствование самой обработки; в частности им ставили в упрек тот факт что, сохраняя по несколько ферм, они не увеличивали в достаточной мере поголовья скота, так что не могли так хорошо уваживать землю, как это делал среднего достатка земледелец; некоторые также утверждали, что они экономили на рабочей силе или не могли наблюдать за своими рабочими, то ли по причине чрезмерной протяженности своих имений (domaines), скорей же в силу того, что, разъезжая по рынкам, они до известной степени упускали из виду свое хозяйство. Словом, по наиболее распространенному представлению, мелкие фермеры гораздо

¹ Читатель отметит, что в 1773 г. субделегат в Шартре указывал максимальный размер в половину меньше (см. выше стр. 78, прим. 1). Исчисление размера, приведенное в тексте, исходит из парижского арпана (34, 19 аров). Если производить расчет, исходя из королевского арпана (51,07 аров), из 300 арпанов придется 153 гектара, на 400 — 204 гектара.

² Третье сословие Булоннэ говорит: „Земли одной и той же фермы редко лежат рядом; почти всегда они расположены в перемежку с чужой землей, а некоторые участки находятся и очень далеко друг от друга“; почти все провинциальные приходы просят о разрешении обменивать parcelles без накладных расходов, напр., третье сословие баляжа Версаля, и в Парижском приходе: Ле-Бурже, Шелль, Шеври, Эври-ле-Шато, Феррер-ан-Бри, Месси, Ле-Мольер, Нантерр, Тиэ, Трамблэ и Вемар; генеральный наказ третьего сословия.

¹ Ряд других примеров см. в №№ 52, 53. Наказ Морансе, в области Chartrain, уверяет даже, что наряду с желанием избежать затрат на ремонт, главным мотивом, заставляющим землевладельцев разрушать усадьбу на ферме, является надежда „выручить за земли, составлявшие одну эксплуатационную единицу, гораздо дороже, сдавая их долями, как называют это в области Chartrain, т. е. мелкими участками, пришлому люду, который их и возделывает, за денежную плату. Благодаря этому встречаются приходы, в которых до трети земли не вверяется заботам и искусству самостоятельного земледельца хозяина (du laboureur)“.

² Ferdinand Dreyfus. Un philanthrope d'autrefois, p. 35.

³ Приведено у Жоржса, La Convention II 1655 (éd. Mathiez, VIII, 220).

лучше обрабатывали землю, разводили относительно больше скота; крупный фермер, укрупняя имения, выгадывал лично, так как сокращал расходы по эксплуатации, но национальная продукция от этого страдала. Представители администрации, рассматривая вопрос в связи с ростом населения и поступлением налогов, обычно высказывались в том же духе. И, наконец, среди тех, кого интересовал вопрос о хлебной торговле, — а их, как известно, было немало, — большинство рассматривало крупных фермеров, как прирожденных спекулянтов, утверждая, что мелкое хозяйство, вынужденное продавать и не имеющее где хранить запасы, более регулярно и по более дешевой цене снабжало рынки. Конечно, когда началась революция, к общему хору присоединились и голоса политиков; они доказывали, что если не плохо было увеличить число собственников путем распродажи имений духовенства, не менее полезно было бы увеличить и число хозяев (*exploitants*), принудив собственников отказаться от крупных ферм; многие при этом высказывались в том смысле, что эти последние ничего при этом и не теряют; напротив того, на мелкие эксплуатационные единицы находилось столько претендентов, что, когда хватало благоразумия дробить фермы, вместо того чтобы их укрупнять, арендная плата была относительно гораздо выше.¹

Продажа церковных имуществ явилась благоприятным поводом для похода против крупных фермеров. Петиции 1790 г. исходят не только от крестьян, подтверждавших предательства наказов или же дополнивших их, в тех случаях, когда на избирательных собраниях крупные фермеры сумели навязать свою точку зрения; авторами этих петиций нередко являлись и более или менее авторитетные агрономы. Мориз, корреспондент сельско-хозяйственных обществ, послал из Эвре в Учредительное собрание мемуар, рекомендуя ему немедленно ограничить пределы крупных ферм, принадлежавших духовенству, а излишки сдавать в наем участками в полакра или самое большее в три верже. Новые арендаторы, конечно, будут стараться купить свои участки, когда нация пустит их в продажу, на торгах цена на них тем легче поднимется, и нация от этого только выиграет.² Те, кто, начиная с 1790 и по 1799 г., требовали раздела владений и дробления крупных земельных участков перед их продажей, не только хотели создать благоприятные для бедняков условия покупки; многие из них, если не все, стремились также расширить область мелкого хозяйства, и, действительно, одним из важных результатов продажи национальных имуществ как с земледельческой, так и с социальной точки зрения, было увеличение в из-

¹ О неудобствах крупных ферм с точки зрения сельского хозяйства смотри, помимо наказов, №№ 22, 33, 52, 103; по вопросу о продовольствии смотри №№ 33, 52, 83, 84, 88, 95, 98; относительно политического значения дробления крупных ферм №№ 62, 95, 101.

² №№ 56 (1789), 1, 2, 52, 53, 57, 61, 77, 78, 95 (1790).

вестной мере числа хозяйства.¹ Существовало мнение, что государство подаст таким образом хороший пример частным лицам. Впрочем, это не являлось помехой к тому, чтобы в случае надобности прибегнуть в отношении их и к принуждению.

К этому и клонят петиции, с конца 1792 г. начавшие поступать в Конвент и следовавшие одна за другой вплоть до III года. Нередко они исходят от народных обществ, и в таких случаях наряду с крестьянами значительное место занимают и противники спекуляции.² Таким образом продовольственный кризис, принявший с конца осени 1792 г. особенно острый характер, властно пришел на помощь сельскому населению; благодаря ему вопрос был, наконец, вынесен на трибуну революционного собрания. 16 ноября 1792 г. Беффруа, депутат от департамента Эн, не задумался возложить ответственность за вздорожание съестных припасов на крупного фермера, «на этого великолепного фермера, забравшего в свои руки столько ферм, что их хватило бы на пятнадцать или двадцать семей; этого фермера, который пышно развешивает верхом, гоняется за удовольствиями, для ведения своих дел нанимает приказчика и заботу о возделывании своих земель предоставляет так называемому *maître-valet* (рабочему); на этого ненасытного человека, состояние которого возрастает с каждым днем, и подруга которого, покрытая бриллиантами и кружевами, скупает на рынках припасы, которые сама должна была бы доставлять туда в изобилии». Кроме регламентации торговли хлебом, он предложил запрещение на будущее время укрупнения ферм.³ Три дня спустя, депутация от избирательного собрания департамента Сены и Уазы, может быть, посланная по наущению Фротье, высказалась в том же духе и кроме того потребовала, чтобы никто не мог эксплуатировать свыше 120 арпанов (61 гектара), не исключая и самих землевладельцев.⁴ В апреле 1793 г. Пепэн, депутат от департамента Эндр, среди других способов помочь разрешению кризиса, принимавшего все более и более угрожающий характер, указал и на запрещение возделывать более трех сох,⁵ а несколько дней спустя в аналогичном проекте Беффруа, возвращаясь к вопросу, внес еще следующий параграф: «Комитет земледелия представит Конвенту проект декрета, направленного к сокращению размеров

¹ Относительно этого пункта см. G. Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 543 и № 54. Само собой разумеется, продажа национальных имуществ в некоторых случаях приводила, наоборот, к концентрации; см. напр. №№ 16 и 51.

² №№ 3, 24, 27, 52, 92, 93, 97, 98, 99, 100.

³ Arch. parlem. III, 441—442.

⁴ Arch. parlem. III, 476. «Уничтожьте крупные фермы, благодаря существованию которых в преступных руках скопляются значительные количества зерна. Постановите, чтобы никто не имел права брать в аренду больше 120 арпанов, мерой в 22 фута на перш, чтобы ни один земледелец не мог сам лично возделывать больше одной фермы и был бы обязан остальные сдавать в наем; чтобы никто не мог уплачивать аренду зерном и, наконец, чтобы никто не мог одновременно быть мельником и фермером». Здесь идет речь о королевских арпанах.

⁵ Arch. parlem., LXIV, 115.

слишком крупных хозяйств, не задевающего, однако, интересов землевладельца и не влекущего за собой при исполнении его никаких осложнений». ¹ Конвентом это предложение, кажется, не обсуждалось, тем не менее Комитет земледелия 7 мая 1793 г. рассмотрел вопрос. Купе, депутат от департамента Уазы, которому было поручено сделать предварительный доклад, прочел его 23-го. Так как он был в сношениях с Бабефом, который перед тем заклинал его постоять за народное дело, то можно предположить, что он высказался в пользу раздела ферм, но прения были отложены и, кажется, так и не состоялись. ² Во время плебисцита по поводу конституции 1793 г. первичные собрания в департаментах Эн (Aisne), Уазы, Сены и Уазы, Сены и Марны и Эр (Eure) ³ вновь пошли в наступление. Повидимому, около этого же времени кюре Доливье составил брошюрку, в которой советует разделить фермы на столько хозяйственных единиц, сколько имеется семейств, чтобы обеспечить одновременно прогресс сельского хозяйства и снабжение рынков и привязать раз навсегда население деревень к республике. ⁴

Несомненно, движение было более распространенным, чем можно предположить, судя по указаниям, которые нам удалось собрать, так как подобные требования должны были наталкиваться на сильное сопротивление, не оставившее в большинстве случаев никаких следов. Впрочем, оно отражается в протоколах народного общества в Montargis, где ограничение размеров эксплуатационной единицы горячо обсуждалось 24 и 31 мая

¹ Там же, LXIII, 543. Беффруа прибавляет: „У мсня есть особый проскт, и вполне соответствующий делу...“ К сожалению он больше ничего не говорит о нем.

² Gerbaux et Schmidt, цитир. произв., III, стр. 7, 127.

³ Riffaterre. Les revendications économiques et sociales des assemblées primaires de juillet 1793. (Bulletin de la Commission économique de la Révolution, 1906, № 4) Aisne, кантон Вержан (Verquin): „Надо ограничить землевладельца, чтобы помешать ему подобно вампиру пить народную кровь“. La Fère-en-Tardenois: „Возобновить пожелания о заперении (укрупнении) ферм“. Департамент Уазы: секция Вилль-Нев (кантон Мерю) принимает 17-й параграф декларации прав („никому из граждан не может воспрещаться занятие какой бы то ни было работой, сельским хозяйством, торговлей“) лишь при условии издания „регламентирующего закона, который поделит крупные аренды так, чтобы каждый земледельец-арендатор мог в общем обрабатывать не больше одной фермы“. Департамент Сены и Уазы. Lisses, Ivry-sur-Seine и Villabbe: одна ферма должна включать в себя не больше 150 арпанов; „Вы в корне уничтожите аристократию фермеров, которая, обрабатывая от 1 000 до 1 200 арпанов земли, благодаря отсутствию конкуренции, диктует свою волю населению двух-трех деревень“. Meulan intramuros: конституция должна запрещать „слишком большие размеры хозяйства“; Marines: „земледелец должен возделывать не больше одной фермы и не имеет права присоединять к ней другие мелкие земельные участки“. Департамент Сены и Марны, собрания коммун Vargèdes, Montceaux, Trilport, Ronchar (кантон Меау): „каждый фермер может возделывать только одну ферму“. Департамент Eure кантон Менвилля: такие же пожелания. См. также №№ 54 и 85.

⁴ См. извлечения, цитированные у Жореса (La Convention, II, стр. 1646 и след) из брошюры Доливье: Essai sur la justice primitive pour servir de principe général au seul ordre social qui peut assurer à l'homme tous ses droits et tous ses moyens de bonheur. См. G. et H. Bourgin, Le socialisme français de 1789 à 1848 (1912), стр. 6—7.

1793 г. В конце концов собрание отвергло его, высказавшись одновременно за свободную продажу зерна. Следует отметить, что во время террора вопрос о крупных фермах не ставился на повестку дня в обществе, так что можно подозревать что большинство не изменило своих настроений. ¹

Понадобился ни больше ни меньше как великий августовский и сентябрьский кризис 1793 г., чтобы заставить Конвент обсудить, наконец, эту проблему. Влияние бешеных и эбертистов, достигло тогда апогея. Они заставили Конвент и Комитет общественного спасения принять одну за другой ряд крупных революционных мер: общий набор, аресты подозрительных и максимум. Санкюлоты считали, что недостаточно было реквизировать и таксировать зерно и фураж у крупных фермеров, повинных в спекуляции; надобно было воспользоваться обстоятельствами и вовсе их уничтожить. 2 сентября 1793 г., потребовав максимума и достаточной заработной платы для рабочих, секция Санкюотов, бывшая секция Ботанического сада, провозгласила, что «у собственности нет другого обоснования, кроме размеров физических потребностей человека», и выразила следующее пожелание: «чтобы никто не мог снимать земли больше, чем нужно для обработки определенного количества сох; чтобы ни один гражданин не мог держать больше одной мастерской и больше одной лавки». ²

Петиция эта, которую можно рассматривать как самое определенное и разительное выражение социального идеала санкюлотов, несомненно не осталась одинокой, и весьма вероятно, что уничтожение крупных ферм составляло часть требований, представленных Конвенту в бурные дни начала сентября, ибо 2 сентября, заставив принять общенациональный максимум на зерно и фураж, комиссия, назначенная 26 августа для его подготовки, представила декрет, первые четыре параграфа которого разрешали «разрывать арендные договоры и на земельную собственность в деревнях, каков бы ни был ее характер», а четыре последние ограничивали размер фермы 350 арпанами и запрещали возделывать по две фермы, из которых каждая имеет отдельные строения, если только, при соединении их, протяженность их будет превосходить 200 арпанов. Противоречащие этому условию договоры объявлялись не имеющими силы. Конвент принял четыре первые параграфа, но протоколы не дают нам никаких указаний относительно прений. Ряд депутатов представил возражения, и четыре последние параграфа были отосланы в Комиссию. ³

¹ № 39.

² Национальная библиотека. L. C. 49, 2140. Петиция эта проанализирована у Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution française, стр. 17.

³ Кроме Дантона и Шабо, в назначенную 26 августа комиссию шести входили Буше (от Парижа), Купе из департамента Уазы, Жау (от Жиронды) и Мерлино от департамента Эн (Aisne), 4 сентября к ним присоединили Лорана Лекуантра (из Версаля), Жерара из департамента Од (Aude) и Вальдрюша (Верхняя Марна). Инициатива мероприятий, относившихся к крупным фермерам, принадлежала, вероятно, Лорану Лекуантру, который был в Версале в сношениях с

23 сентября Женисье вернулся к этому вопросу. Он заставил отменить принятые параграфы и передать декрет в целом в Законодательный комитет.¹

16 октября Купе, от имени Комитетов по вопросу о максимуме и Законодательного, представил декрет, запрещающий фермерам обрабатывать свыше 300 или 400 арпанов — в зависимости от качества почвы, — составляющих одну или несколько ферм. Обсуждение было отложено. 12 брюмера (2 ноября) он сделал новую попытку, но опять безуспешно.

Позднее — 1 флореаля Дюкенуа в Якобинском клубе, а 3-го Изоре в представленном Конвенту докладе о продовольственном снабжении Парижа снова вскрыли роковое влияние крупных фермеров;² не один комиссар Конвента напал на них; так позднее Лебону будут ставить в упрек его диатрибы против «фермеров в больших сапогах».³ Но об этом декрете от 11 сентября, тщательно погребенном в картонах Законодательного комитета, больше не было речи. Случай этот поучителен. В Конвенте, как и в Учредительном собрании, никто специально не защищал точки зрения крестьян. К вопросу о крупных фермерах привел Беффруа и Пепэна продовольственный вопрос. Обсуждать его заставили Конвент парижские санкюлоты, бешеные и эбертисты, не нашедшие хлеба у булочников. Но, конечно, они гораздо больше интересовались реквизицией и нормированием цен, чем вопросом об уменьшении размеров хозяйства, который интересовал их только косвенно и не мог принести немедленного результата. Удовлетворив их по первому пункту, Конвент счел, что без особой опасности может устранить второй, и события показали, что расчет его был правильным. Монтаньяры, не исключая и робеспьеристов, не сделали никаких возражений.

И однако же, в течение всего II года движение в деревнях сохраняло всю свою силу.⁴ Характер его мало изменился. Пети-

Фротье и знал об его петициях, так как они были представлены в избирательное собрание Сены и Уазы (№ 97), и Купе из Уазы, которому раньше был поручен доклад по этим вопросам (выше стр. 86, прим. 2). Лекуантр и редактировал проект и складывал его. (Нац. арх. С, 268, 641, № 38). Arch. parlem. LXXIII, 697, воспроизводит печатный протокол (XX, 287); в досье Национального архива не содержится никаких дополнительных пояснений относительно обсуждения его.

¹ Arch. parlem. LXXV, 2; никаких пояснений в досье Национального архива С. 269 (646) нет. Газеты декретов 11 и 23 сентября не отметили.

² Moniteur XX, 279 (Anlard. La société des Jacobins VI, 85—89); Дюкенуа: „Я — земледелец; я знаю, что земледелец, в обработке у которого больше трехсот арпанов земли, слишком крупный собственник, а между тем в настоящее время есть собственники, у которых по 400, 500, по 1300 и даже по 1800 арпанов. Это уже не те земледельцы, которые некогда жили скромно в лоне своих семей и в полезном труде укрепляли свои добродетели; это аристократы, лишаящие народ продукта его земель, который они пожирают сами посреди своей роскошной жизни“. Там же, 286—290, доклад Изоре.

³ G. Lefebvre. Les paysans du Nord, стр. 403.

⁴ №№ 4, 6, 12—16, 27—31, 33, 34, 36, 44, 51, 54, 82, 85—91, 94, 101—104, 108, 109. Следует отметить, что во II году концентрация продолжается (№ 102), не говоря уже о том, что к ней же иногда приводит и продажа национальных имуществ (№№ 16, 51).

ции согласно требуют запрещения всякому гражданину возделывать больше одной фермы, если даже он владеет несколькими, и установления предельных размеров хозяйства: вплоть до истечения сроков текущих договоров фермер должен излишки сдавать в наем, а затем владелец должен будет поделить землю (l'exploitation). Несомненно наступление господства политической демократии оказало известное влияние. Если 3 флореаля Изоре на трибуне Конвента готов был, подобно большинству наказов, удовлетвориться еще максимумом в 300 арпанов, если некоторые петиции ограничиваются тем же и даже допускают, что земле-владелец может обрабатывать до 400 арпанов,¹ — все же, очевидно, дело клонится к более строгому ограничению, и наибольшее количество прошений утверждает, что 150 арпанов (по 50 на поле, или на посев) достаточно для благосостояния земледельца, и больше этого ему давать не следует.² На юге кое-кто хочет обязать землевладельца сдавать в наем всякому гражданину, который того потребует, участок, не превышающий определенного, очень небольшого, размера.³ Тут мы явно имеем дело с уклоном в смысле проекта Доливье, но, вообще-то говоря, петиции далеки от него: они попрежнему выражают пожелания среднего крестьянина. Во II г. в некоторых дистриктах перед тем как пускать в продажу имущества духовенства и эмигрантов, начали систематически делить их; было бы естественно, если бы бедные крестьяне ссылались на этот пример, требуя, чтобы землевладельцам, сдающим землю в наем, был предписан такой же порядок. Если, как мы не можем не сомневаться, брошюра Доливье осталась им неизвестной, это еще недостаточное объяснение их молчания; они не нуждались в ней для того, чтобы самим найти нужное им решение. Следует скорее спросить себя, не является ли это обстоятельство лишним указанием на то, что в революционных муниципалитетах, в комитетах надзора и в народных обществах пролетариат не был представлен? Некоторые петиции старательно отрещиваются от аграрного закона, стремясь показать, что регламентация аренды не посягает на собственность.⁴ Во всяком случае приходится сделать тот вывод, что дробление ферм в тех пределах, каких придерживаются петиции, не являлось излишним даже и при условии раздела имений подозрительных, которое должно было пойти на пользу одним лишь неимущим, и что дробление это должно было явиться для революционного правительства могучим средством воздействия на общественное мнение деревни.

¹ №№ 3, 5, 6, 94.

² №№ 26—29, 36, 44, 53, 81, 88, 97.

³ №№ 40, 41, 109; см. также № 11 (Шарлевиль); петиция № 45, видимо, ввухена желанием обеспечить обработку земли.

⁴ №№ 5, 87. У нас имеется лишь одна петиция, говорящая об ограничении размеров собственности (№ 35).

Условия и стоимость аренды также вызывали бурные протесты. Общий вопль был направлен против краткосрочности и ненадежности договора. В силу закона Emptorem, новый землевладелец, не обязан был соблюдать условия, принятые его предшественником; фермеру не был даже гарантирован сбор урожая от его посева: когда бенефициарий умирал или сменялся, его преемник мог заново заключить контракты; чаще всего наказания и нападают на духовных землевладельцев.¹ С другой стороны, если договор заключался более чем на девять лет, помещик претендовал на получение пошлыны с перехода имущества, (lods et ventes), и право взимания сотого денье (centième denier) становилось очень обременительным. Наказы требуют, чтобы срок договоров был увеличен до 18 и даже до 27 лет, а некоторые идут дальше и ходатайствуют о законе, который бы предписывал сдающему землю заключать длительные условия.²

У фермера были другие основания для беспокойства: так как обычно он был обязан производить крупный ремонт или по крайней мере представлять на соломенные кровли определенное количество снопов соломы, он, в случае ухода, подвергался разорительной тяжбе; главное же он не имел права ни на какое вознаграждение за возведенные им постройки и за расходы по мелиорации. Приход Комб-ля-Виль (Combs-la-Ville) требует поэтому, чтобы закон определил права фермера при заключении аренды и при уходе с земли; третье сословие бальяжа Сен-Кентэн хочет, чтобы землевладелец был обязан принять и оплатить согласно оценке постройки, возведенные с его согласия.

¹ Нет таких сборников наказов, где бы на закон Emptorem не было нареканий, особенно по поводу церковных имений. Для Севера см. G. Lefebvre, Les paysans du Nord (стр. 263—264 и Нац. архив, D.XXIX, 90), записку гражданина Пармена (б. д. конец 1789 г.; письмо от 28 марта 1790 г. с требованием ответа) удостоверяющую, что в одном только Амьенском бальяже свыше 80 семей несколько лет тому назад были изгнаны благодаря отказам от возобновления аренды, практиковавшимся настоятелями аббатств в Нотр-Дам в Гаре и Сен-Жан в Амьене. Сами братья Парман обрабатывали землю Мулье, принадлежащую командорству Уземон. Последний договор был заключен в 1787 г.; в начале 1789 г. бенефициарий сложил звание, чтобы получить гораздо более значительное Аббевильское командорство, а его приемник расторг договор с генеральным фермером, который 15 октября в свою очередь отказал братьям Парман. Случается, что духовенство присоединяется к пожеланиям крестьян, так было в Бовези.

² Третье сословие Артуа (большинство требует договоров сроком на 18 лет, меньшинство на 27 и все согласны, что расторжение договоров, хотя бы и при условии вознаграждения, необходимо запретить, если договор не превышает 9 лет); третье сословие бальяжа Монтрейль (18 лет), Бапома (27 лет); приходы Парижского превоате Бург-ля-Рен, Комб-ля-Вилль (18), Энгьен (18 лет самое меньшее); Эсон, Флери-Мерожис, Жерминьи-су-Коломб (15 лет самое меньшее), Гурне-сюр-Мари, Жень (18), Мессин (договора сроком на сто лет или пожизненно), Муаселль (18), Монтже, Оккер (18), Нантулье (18), Нуази-ле-Сек, Парэ, Плесси-Пикс (18), Сен-Обен-дю-Жер (18), Стэн, Велльи-ля-Потри (18), Вилэн (18); приход Шепп (бальяж Шалона на Марне) 27 лет; дворянство бальяжа Труа (18 и 27 лет); третье сословие сенешальства Нима и приход Сент-Илер-де-Брема.

В 1790 г. одно из первичных собраний кантона Армантьер представило Национальному собранию, стараниями фермера Лепутра, депутата от Валлонской Фландрии, прошение, направленное к тому, чтобы обеспечить уволенному арендатору возмещение понесенных им расходов по унаваживанию и мелиорации.¹ Фермеры защищали себя, как умели, от злоупотреблений, жертвой которых они были. В Пикардии, в Камбрези и Эно они были под защитой «mauvais gré» — обычая, осужденного законом, но не искорененного никакими репрессиями и так и не исчезнувшего по сие время. Лицо, согласившееся занять место согнанного фермера, оказывалось под бойкотом (index'om) у населения, жило под угрозой нападения и поджога.² К тому же фермер, договор с которым расторгался, портил, истощал землю и делал все возможное в ущерб своему преемнику; приход Клэ (Claye) в Парижском превоате требует очень суровых кар против подобных злоупотреблений, также и дворянство губернаторства Перонн, Мондидье и Руа требует новых мероприятий против «mauvais gré», жалобы на которое не прекращались все время Революции.³

Учредительное собрание несколько успокоило фермеров. Сельский кодекс 28 сентября 1791 г. запрещал расторжение договоров сроком меньше, чем на шесть лет, если это не делалось по взаимному согласию, а в отношении договоров с более продолжительным сроком разрешал расторжение лишь в тех случаях, если землевладелец намеревался сам обрабатывать землю, и с условием предупреждения фермера за год и возмещения ему расходов. Еще до того, хотя и не отменив закона Emptorem, оно, правда, не без колебаний, отказало, однако, приобретателям церковных земель в праве его применения. В этом отношении Конвент отнесся к фермерам менее доброжелательно; чтобы разбить на участки национальные имущества, он принужден был разрешать разрыв договоров; бывали случаи сопротивления,⁴ и вполне вероятно, что пока длился террор, лица, приобревшие

¹ Нац. арх. F¹⁰, 284.

² Lefebvre. Les paysans du Nord, стр. 93 и след.

³ Нац. архив F¹⁰, 210; петиция Дюмона, артиллерийского капитана в департаменте Аизне (Сен-Кентэн, 12 брюмера II г.) против «dépointage», практиковавшегося в дистриктах Перонн и Сен-Кентэн; досье, относящееся к одному скупщику национальных имуществ в Сен-Кентэне, обвинявшемуся в том, что он не обеспечивает обработки своих земель: в оправдание он 16 мессидора II г. заявляет, что не мог этого сделать, будучи в распре со своим фермером Куттом, которому он отказал и который не уходил; другие земледельцы заявили, что «обрабатывают земли других граждан, что же касается земли Кутта, ее не хотят возделывать». F¹⁰, 320; петиция Топэна, нотариуса в Аме (Ham) указывает 22 апреля 1793 г. на подобные же факты. Другие примеры для Севера (см. у G. Lefebvre, Les paysans du Nord, стр. 729).

⁴ Нац. архив F¹⁰, 285 петиции: 1) Плато, земледельца в Арке (Arques), (Па-де-Калэ) 24 нивоа II г.; направленные против расторжения договоров покупателями национальных имуществ; 2) восьми покупателей — против фермера, не соглашающегося на разрыв договора в Шинон-ля-Монтань (Chinon-la-Montagne) 9 нивоа II г.; см. примечание предыдущее.

земли, особенно если они были богаты, не часто пользовались этим своим правом — из страха возбудить к себе ненависть. Все же революционное законодательство далеко не удовлетворило пожеланий, высказанных в 1789 и 1790 гг.; и в самом деле, Сельский кодекс в качестве основного принципа принял то положение, что условия допуска к аренде, равно как и ее расторжение, регулируются одним лишь добровольным соглашением сторон. Продолжительность договоров не была фиксирована законом.¹ Фермеру, уходящему с аренды, не дается никаких преимущественных прав, как того требовало третье сословие Медонского баляжа в отношении церковных имуществ: он не имеет их и по сей день, хотя они и признаны за торговцем, чьи интересы, однако же, не заслуживают большего уважения и гораздо меньше связаны с общественным благом, нежели интересы фермера, отдающего свои капиталы на улучшение земледелия. Что касается принципа вознаграждения арендатора за произведенную мелиорацию, то несколько членов Конвента попытались ввести его в законодательство в сентябре 1793 г.,² но их товарищи отказались последовать за ними и вплоть до наших дней ни один закон не защищает интересов фермера.

Арендная плата в конце старого порядка все повышалась;³ на это горько жалуются некоторые указы Артуа, окрестностей Парижа, Шампани, департамента Мэна, Берри, сенешальства Ниор и особенно Лотарингии.⁴ Те же нарекания высказывают в Камбresi арендаторы церковных земель, хотя эти земли, кажется, вообще сдавались дешевле других.⁵ Обычно землевладелец увеличивает арендную плату, требуя *pot de vin* или *cha-*

¹ Во II г. снова раздаются требования 18-летнего срока для договора (№ 5).

² См. ниже стр. 96.

³ Исследование вопроса об аренде на Севере см. у Lefebvre. *Paysans du Nord*, стр. 261; Roquet, *Vaux de ferme du Belinois de 1555 à 1800 (La Révolution dans la Sarthe 1912)*; в Laigné-en-Belin, метерия Буле слана за 230 л. в 1755, за 320 в 1777, за 450 в 1786; метерия Варенн за 320 в 1779 г., за 300 в 1783, за 360 в 1789; в Saint Gervais-en-Belin метерия Самьерр слана за 500 л. в 1771 г., 560—в 1780; в Saint-Biez-en-Belin ля Юодьер слана за 250 л. в 1778 г., за 300 в 1786; Rournel. *Les populations de la ville et de la campagne dijonnaises au XVII siècle*, стр. 284; метерия Бесэ за 395 л. в 1705 г., 1100—в 1784.

⁴ Saint Aubin и Anzin-les-Agras (Артуа), Ауенкурт-ле-Моншел (цитированный наказ, стр. 77, прим. 2); Куброн и Дампар (Парижское превоте) объясняют дороговизну зерна вздорожанием аренды. Ферма Дампар сдается вдвое дороже; Aulnay-l'Aître (Шалон на Марне); Жевр (Департамент Мэн): повышение цен началось больше чем двадцать лет назад; Garigny (Бурж): уже несколько лет как аренда увеличилась на три четверти. Cherveux (Ниор): значительное повышение за последние двенадцать—пятнадцать лет; Bêchu (Вик); Guermange (Dieuze), Hémilly, Thicourp, Wahl-les-Fauquemont (Буле), Morville-les-Vic, Achatel, Alaincourt, Об (Метц); для Лотарингии см. также на стр. 93, примеч. № 6, стр. 94, пр. 1.

⁵ Lefebvre. *Les paysans du Nord*, стр. 261. Нац. архив, DXXIX, 89; петиция Леду, арендатора фермы в аббатстве Оннекур от 10 сент. 1789 г., он заявляет, что монахи заставляют его платить за рожь на 15 ливров дороже за мешок, чем платят другие фермеры. Относительно прибылей фермеров и повышения арендной платы в Парижской области см. №№ 95 и 101. Для Бретани см. Sée. *Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution (1906)*.

реву.¹ Это для фермера являлось более убыточным, чем даже внесение платы вперед, потому что при расторжении договора эти взносы не возвращались, тем более, что в договоре нередко избегали о них упоминать, чтобы уменьшить пошлины за регистрацию. Наказы требуют, чтобы этот обычай был воспрещен или по крайней мере уплачивался погодными взносами,² протестуют они и против обязательства вносить арендную плату вперед за квартал.³

В какой мере произвольным было самое увеличение аренды, этого мы не в состоянии сказать. В Северном департаменте оно как будто соответствовало вздорожанию продуктов. Однако же, указы свидетельствуют о том, что были периоды внезапного вздорожания аренды, — именно так обстоит дело в 1789 г., — и что землевладельцы, пользуясь этим, ставили их в невыносимое положение, не говоря уже о том, что таким образом закреплялось вздорожание цен на продукты.⁴ Однако же фермеры и сами признавали, что была и их доля вины: чтобы найти пристанище, не потерять своего «занятия», они с закрытыми глазами соглашались на условия, им навязанные, и даже вступали в соперничество друг с другом.⁵ В Лотарингии землевладельцы пускали свои земли с торгов.⁶ Там указывают на анабаптистов как

¹ Единовременный денежный взнос, в пользу владельца, которому арендатор должен был отсыпать столько монеты, сколько вмещалось в винный кувшин или шляпу. Прим. перев.

² Третье сословие баляжей Кана, Медона, Сен-Кентэна приход Эври (баляж Санса) выражались так: «Необходимо довести до сведения его величества, что, когда фермеры и земледельцы заключают договоры на землю, случается, что те кому она принадлежит, требуют денег на pots de vin — в соответствии с арендой. По этой-то причине бедный фермер и оказывается разоренным и подчас лишенным возможности приобретать самое необходимое для своих занятий. Было бы вполне справедливо, чтобы сеньеры, буржуа, или духовные, являющиеся владельцами земли, распределяли эти взносы на все время действия договора».

³ Eaubonne подле Энгьена (предместья Парижа).

⁴ Feu (баляж Метца): «арендаторы пахотной земли, сроки чьих договоров истекали в периоды дороговизны зерна, принуждены были новые договора заключать по сильно увеличенной аренде по сравнению с ценой на зерно в этот момент; поэтому многие фермеры были разорены, другие обеднели».

⁵ (Aulnay-l'Aître) (баляж Шалона): фермеры перебивают друг у друга аренду и стремятся друг друга вытеснить на торгах. Курмелуа (баляж Реймса): «у бедного люда нет занятия, так что в случае, если сеньер вздумается сдать в аренду ферму или что-нибудь в этом роде, все они наперебой стремятся возделывать землю сеньера и часто становятся жертвой своей работы, проедая добро, которое имели, и едва-едва могут расплатиться за ферму, снятую очень дорого»; Destry (баляж Дьеза) указывает на конкуренцию, которую создают земледельцы, «не имеющие другого занятия» с одним плугом они берутся за то, что требует большего, утомляют скот и изводят его.

⁶ Баляж Метца: Aube; Rommerieux: «Когда сеньер сдает ферму, он не знает уже, как поймаť в свои сети несчастного фермера. Он начинает расхваливать ему свою ферму, чтобы сдать ее подороже; он начинает требовать квартальный взнос, как шарпан. Баляж Дьеза, приход Destry: «На фермы цены нет, потому что их сдают тому, кто больше даст». Из регламента религиозных общин следует выкинуть «параграф, предписывающий приказчикам (aux agents) сдавать все только с торгов». Баляж Вика (приход d'Hampront): «Хозяева земли часто сдают ее тому, кто больше даст; в надежде заработать и получить хороший урожай, земледелец часто соглашается на непомерную цену. Обреск: то же самое.

на лиц, особенно готовых удовлетворять жадность владельцев.¹ Поэтому наказания требуют, чтобы сдача земель в аренду производилась публично, — хотя бы земель доманов и духовенства. Некоторые приходы требуют даже нормирования арендной платы.²

Вопрос об уплате налогов вызывал новые затруднения: фермеры соглашались брать их на себя, но только в размере, существовавшем в год заключения договора. Всякое новое обложение должно ложиться на землевладельца.³ Наконец, жалуются они и на то, что в случае независимых от них несчастных обстоятельств им не делается никакой скидки.⁴ В общем наказания, подобно наказу прихода Ампон в бальяже Вика, желают, чтобы

¹ Bassing (бальяж Дьеза): католики жалуются на „бесчисленное количество иноверцев, распроставившихся среди них и арендующих почти все наиболее значительные метерии. Они не только занимают место одного человека, но есть такие среди них, что занимают место пяти — шести добрых земледельцев. Эти люди знают, как держать связь между собой. При первом же известии, что будет сдаваться какой-нибудь участок, они сообщают друг другу, собирают между собой большую сумму денег, являются к землевладельцу, предлагают ему по два—три взноса вперед; они — желанные гости“. Teterchen (Бузонвиль): анабаптисты „сильно поднимают плату за фермы и мельницы“; Fremestroff, Uberkingen, (Вик).

² Парижское превоате,— Куброн, Сен-Жан-де-Ленвилль: „Цена на сдающуюся в наем землю должна быть твердо установлена для земледельца, чтобы он имел возможность просуществовать“; бальяж Вика; Вокур: „обязать землевладельцев сдавать в наем фермы не дороже, чем за третью часть дохода с них“.

³ Сен-Инглевер (Saint-Inglevert) (Булонн), Гометц-ле-Шатель (Gometz-le-Château), Марли-ля-Виль (Marly-la-Ville) (Парижское превоате), Шанто (Chanteau) (бальяж Орлеана), Ампон (бальяж Вика); третье сословие Перонне, Мондидье и Руа: „Теперешние фермеры, не должны быть принуждаемы к уплате новых налогов, которые могут быть установлены на землю, если эти налоги будут превышать то, что им приходится уплачивать теперь, или же то, что они платили при заключении арендного договора, и это независимо от наличия в арендном договоре пункта, обязывающего их уплачивать как ранее существовавшие, так и вновь вводимые налоги“. Наказ Шеванна (бальяж Немура), вдохновителем которого был Дюпон-де-Немур, проливает свет на ущерб, причиняемый фермеру увеличением налогов в период действия договора (Chassin. Les élections et les cahiers de Paris en 1789, IV, 65).

Смотри также противоположный по смыслу наказ Бюра (de Bures) (Парижское превоате), составленный одним землевладельцем. „Переключать для облегчения фермеров часть их налогов на землевладельцев было бы неудачным выходом из положения, так как последние, вынужденные уже платить двадцатину и нести большие расходы по содержанию именина, получаая при этом скромный процент на свой капитал, конечно, стали бы стремиться не допускать снижения этого процента и, ввиду новых налогов, увеличили бы арендную плату“; это само собой очевидно; только что потеряли бы при этом фермеры? К тому же неверно, что землевладельцы всегда уплачивали двадцатину; этого не было ни на Севере, ни в Лотарингии (наказ Амфона, бальяж Вика).

⁴ Ампон (бальяж Вика): почти все землевладельцы вносят в арендные договоры пункт о том, что аренда будет уплачиваться без всяких снижений из-за засухи, заморозков, града и других непредвиденных бедствий; Зетзелинг (Setzeling) (бальяж Дьеза): в случае града, половину убытка принимает на себя землевладелец. На Севере, во Фландрии, землевладелец соглашался на снижение аренды, если убыток превышал пятую часть урожая, и в Камбрези — если половину (Lefebvre. Les paysans du Nord, стр. 263).

был выработан «регламент для того, чтобы аренда земель не была связана с такими суровыми условиями».

Учредительное собрание не обратило никакого внимания на эти жалобы и ходатайства: арендная плата, как и все остальные условия аренды, была предоставлена соглашению сторон. Оно даже создало новый повод для столкновений, предоставив декретом 1 декабря 1790 г. землевладельцу право использовать в своих интересах отмену десятины: нужно было исчислять ее, а притти к соглашению было не легко. Так как, кроме того, благодаря разным обстоятельствам замедлялось поступление налоговых квитанций, то у землевладельцев с фермерами возникли еще и другого рода недоразумения. В этом отношении поучительна переписка управляющих маркиза де-Байель в области Ко. Управляющий землей Байель пишет 29 сентября 1791 г.: «Каждый фермер готов взять землевладельца за горло. Сегодня съехал семейство Бобе, они увезли с собой все, на что был наложен арест, их следовало бы засадить в тюрьму, но время не такое», и 3 ноября: «Сейчас еще не знаешь, уплатит ли съезжающий фермер землевладельцу просроченные налоги. Дистрикт Кани (Canu) постановил обратное»; и, наконец, 15 декабря: «мои арендаторы в Байеле все еще не соглашаются платить десятину по 5 ливров с акра».¹ Такие же затруднения создаются и относительно феодальных прав: во времена Учредительного собрания они не были столь серьезны, потому что шампар подлежал выкупу; но дело осложнилось, когда после 10 августа Законодательное собрание безвозмездно отменило те феодальные права, которые не могли быть подтверждены подлинными, первичными документами.

Законодательное собрание было не менее благосклонно к земельному собственнику, чем Учредительное: закон 25 августа 1792 г. настойчиво приглашал его воспользоваться отменой феодальных прав.

В своей борьбе фермеры встретили поддержку в общественном мнении, которое видело в поднятии арендной платы одну из причин вздорожания сельскохозяйственных продуктов. В то время как большинство требовало таксации цен на продукты, находились и сторонники таксаций арендной платы; с таким предложением еще в 1790 г. обратился к Учредительному собранию один гражданин из Реймса.² Когда 23 мая 1790 г. жители Вуврэ, Верну и Рошкорбон в Турени восстали, добиваясь уста-

¹ Abbé P. Hébert. La Révolution à Rouen et dans le pays de Caux: extrait de la correspondance de Baillet et de Toussain, son secrétaire, 1791—1793. Evreux. 1903.

² Нац. архив F¹⁰ 284, 22 июня 1790 г. Автор не подписался. По его мнению, землевладельцы, до сих пор не платившие налогов, поднимут теперь арендную плату; поэтому он предлагает таксировать ее в соответствии со средними ценами на зерно во время срока действия договора. Это не мешает ему возлагать на фермеров и торговцев значительную долю ответственности за дороговизну и требовать также переписи запасов зерна, продажи его на рынке и нормирования цены на него.

новления твердых цен на зерно и снижения налогов, они одновременно требовали и «снижения арендной платы». ¹ При усилении в 1792 г. продовольственного кризиса умножились и подобного рода петиции, и в Версали Фортье оказывал им поддержку. ² 29 ноября была сделана попытка навязать таксацию арендной платы комиссарам Конвента, посланным в Шартр для усмирения волнений в Босе; ³ о том же ходатайствовал 8 апреля 1793 г. прокурор коммуны де-Пуаньи. ⁴ 4 мая вопрос этот был предложен вниманию Конвента Раффроном, депутатом от Парижа, предложившим перевести все договоры на арендную плату 1764 г., благодаря чему и зерно стало бы продаваться по ценам того же года. ⁵

После принятия максимума на зерно и фураж не мало людей считало, что от фермера трудно будет добиться его выполнения, если не сбавить соответственно арендной платы: установления максимума на нее требовали многие первичные собрания во время плебисцита, ⁶ по вопросу об утверждении конституции.

Когда в конце августа агитация эбертистов вынудила Конвент принять национальный максимум на зерно и фураж, продовольственная комиссия сочла необходимым оградить интересы фермеров и, предложив 11 сентября, как сказано было выше, раздел крупных хозяйственных единиц (*des grandes exploitations*), она одновременно потребовала, чтобы в отношении договоров, заключенных ранее 1 января 1791 г., сдающей и снимающей стороне было предоставлено право досрочного их расторжения. Фактически при максимуме это постановление могло пойти на пользу одному только фермеру; кроме того в его интересах было принято постановление о возмещении ему *rot de vin*, о возмещении расходов, связанных с расторжением договора, а также о покрытии расходов по поднятию производительности почвы. ⁷

¹ Протокол и письмо мэра Вуврэ 23 и 25 мая 1790 г. (Нац. архив, D. XXIX, 84).

² По крайней мере во флорсале II года он требует таксации арендной платы (№ 101).

³ *Bichez et Roux. Hist. parlem.*, XX, стр. 4. Доклад Лекуантра-Пюраво о волнениях в Босе; в Курвиле «один человек в форме национального гвардейца потребовал, чтобы арендная плата была снижена декретом».

⁴ Нац. арх., F¹⁰, 284. *Poigny*; под этим названием существует две коммуны: одна в департаменте Сены и Марны (округ и кантон Провена (*Provins*)); другая в департаменте Сены и Уазы (округ и кантон Рамбулье).

⁵ *Arch. parlem.*, LXIV, 120.

⁶ *Riffaterre*, цитир. произв., стр. 349. Лис (*Lisses*), Иври-сюр-Сен (*Ivry-sur-Seine*) и Виллабе (*Villabé*); Рамбулье (департамент Сены и Уазы); Сен-Клеман (департамент Ионны).

⁷ *Arch. parlem.*, L XXIII. 697. Право расторжения договора может осуществляться в течение трех месяцев путем простого уведомления стороны; параграф 3: «Если землевладелец получил аванс или *rots de vin*, он обязан возместить их вместе с уплатой неустойки, устанавливаемой по соглашению или по определению арбитров». Этот параграф не ясен, так как из него можно заключить, что землевладелец обязан уплатить неустойку за расторжение даже и в том случае, если отказ от договора исходил от фермера; ибо, ведь, возмещение

Конвент принял эти пункты, и на черновике декрета имеется соответствующая виза рукой Мерлена де Дуэ. Однако, обнародованы они не были, и 23 сентября Женисье заставил Конвент отменить их и передать в Законодательный комитет вместе с параграфами, относящимися к разделу ферм. ¹ Больше о них не подымалось и речи, и, конечно, оказались тщетными и петиции, продолжавшие требовать максимума арендной платы. ²

Между тем было бы, конечно, последовательно привести ее в соответствии с ценами на зерно, и подобная мера говорила бы о намерении внести принцип таксации в обычное законодательство Республики. Молчание революционного правительства — лишнее доказательство тому, что монтаньяры рассматривали максимум, как меру временного характера, а в таком случае не было необходимости в приведении арендной платы в соответствие с фиксированными максимумом ценами на товары, ибо при исчислении этих последних учитывалось повышение, в большинстве случаев происшедшее уже после заключения договора и уже принесшее фермерам значительные барыши. Даже те из них, кто должен был платить натурой, ссылаясь на реквизиции, устраивались так, чтобы вносить ассигнациями; к тому же крупные фермеры, достаточно ославленные, вредили делу арендаторов. Решение простого расторжения договоров не являлось бы в такой мере указанием на постоянный характер максимума, а так как часть этих договоров была недавнего происхождения, то оно было бы и вполне справедливым. Можно было, однако, опасаться, как бы расторжение договоров не послужило к ущербу землевладельцев. ³ Что же касается постановлений, относящихся к возврату *pots de vin* и возмещению затрат по мелиорации, то

аванса и *pots de vin* происходило, конечно, в обоих случаях. Параграф 4: «Если фермер производил затраты по поднятию урожайности земли, которую по условию договора ему предстояло обрабатывать, ему должны быть возмещены расходы в соответствии с определением эксперта».

¹ *Arch. parlem.*, LXXV, 2. Женисье ссылаясь на то, что право расторжения договоров, заключенных до 1 января 1791 г., внесенное в 1 параграф, пошло туда по ошибке, «ибо в декрете шла речь только о договорах, досрочно заключенных до 1 января, но еще не вступивших в силу». Утверждение это не точно: оно имеет в виду параграф 8-й законопроекта: «Все, еще не вступившие в силу договоры, противные вышеизложенному пункту, будут расторгнуты, если даже они были заключены после 1 января 1791 г.; что касается возмещения издержек, оно будет произведено в соответствии с параграфами 3 и 4»; параграфы эти относятся лишь к договорам, противоречащим пункту 7-му, запрещавшему эксплуатировать одновременно две фермы.

² Нац. архив, F¹⁰ 285; петиции Раффэна, земледельца в Оксонне (*Auxonne*) 15 дня II месяца II года (он одобряет максимум, но при условии, чтобы договоры, заключенные до 1 января 1791 г., были снижены в цене на одну треть) и Народного общества в Ментеноне 3 брюмера II г. (оно требует, чтобы аренда была сведена к размерам 1760 г.).

³ Есть указания, что фермеры пытались, когда сроки договоров истекали, добиваться снижения арендной платы. Нотариус Топэн из Ама (*Ham*), записку которого мы цитировали выше, на стр. 91, пр. 3, говорит, что многие из них, не желавшие покупать фермы, ставшие национальным имуществом, к концу срока договора требовали снижения аренды.

они являлись принципиальными постановлениями, серьезно изменявшими законодательство. Как раз это и должно было бы послужить основанием к тому, чтобы отнестись к ним внимательно. Вопрос об арендных договорах не затрагивал такого большого количества крестьян, как вопрос о крупных фермах, но им тем меньше можно было пренебрегать, что арендаторы пользовались в деревне большим влиянием. Монтаньяры убедились бы в этом, будь у них стремление выработать определенную систему аграрной политики.¹

¹ Тщательные поиски в нотариальных архивах, без сомнения, принесли бы много нового по вопросу об арендных договорах; следовало бы также обратиться и к делам Законодательного комитета. (Нац. архив, D. III, департаментская серия.)

Глава третья

ПОЛОВНИЧЕСТВО И „ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ФЕРМЕРЫ“

I

Каково бы ни было значение вопросов, связанных с денежной арендой, не следует из-за этого забывать, что две трети или три четверти Франции составляли области половничества. Юнг даже утверждает, что семь восьмых пахотной площади могли быть отнесены к этому способу землепользования; но это несомненное преувеличение.¹

Между областями денежной аренды и половничества не было непроницаемой перегородки. Выбор землевладельца прежде всего определялся экономическими условиями. Если плодородие почвы и значительность рынка, зависящая от близости крупного города, от развития промышленности и путей сообщения, позволяли известному числу крестьян достичь такого достатка, который обеспечивал их платежеспособность, землевладелец предпочитал аренду денежную, обеспечивающую ему постоянный доход и упрощающую ведение его дел. В противном случае ему приходилось мириться с необходимостью сдавать земли из доли урожая: в сущности половник являлся сельскохозяйственным рабочим, не представлявшим никакой гарантии платежа. Вот почему в периоды сельскохозяйственных кризисов денежная аренда отступала на задний план. К северу от Парижа половничество

¹ О половничестве см. A. Young, Voyage en France, ed. Sée (3 т., 1930 г.) т. I 91, 374, 376; т. II, 734. Можно найти несколько отрывочных замечаний о половничестве в последние годы старого порядка в правовых диссертациях, посвященных этому способу аренды: Gagnon, Histoire du métayage en Bourbonnais depuis 1789 (1920); Le Marié. Le métayage dans l'arrondissement de Laval (1909); Lemoine. Le métayage dans le département du Cher (1902); Loré, Les metayers en Bas-Armagnac (1912); Odé. Le colonage partiaire en Anjou (1910); Peyraud, Métayers et fermiers-généraux de la Basse-Marche (1911); Sauzet, Le métayage en Limousin (1897); Pasquier, Du métayage d'après la pratique dans le Craonnais (1890). Лучшая из них Rainbaud, La question des fermiers généraux en France et à l'étranger (1913). Для Бретани смотри Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution (1916) стр. 241; для юга: Theron de Montauge, L'agriculture et les classes rurales dans le pays toulousain depuis le milieu du XVIIIe siècle (1869); Donat, Une communauté rurale (Larrazet, en Tarn et en Garonne, à la fin de l'Ancien régime, 1926; Bussière, la Révolution en Périgord, tome I. (1877).

исчезло; на западе, на юге и юго-востоке оно медленно отступало, в Нормандии оно еще защищало свои права, к югу от Сены оно прочно держалось в областях Мэн, Дюнуа и Солонь; не было оно неизвестным в Бри,¹ а в Шампани встречались фермы, которые в суцности были на испольщине. «В наших местах, — говорит наказ Gionges-Saint-Ferjeux (в бальяже Шалона), — повсюду требуют уплаты третьей доли урожая либо деньгами, либо натурой». В Лотарингии, в середине XVIII в. половничество снова завоевало почву: по свидетельству кюре Германжа в 1756 г. граф Кюстин не мог найти фермеров, которые бы согласились платить ему обычную цену, и принужден был отдать землю из третьей доли. С другой стороны, среди областей половничества встречалась денежная аренда. Мы не в состоянии указать ни размеров ее, ни числа ферм, но наказания и петиции отмечают их наличие в тех местах, где возможно было крупное хозяйство: это — Верхний Мэн, Бургундия, Берри, Ангумуа, долина Гаронны, Нижнее Дофине и Комта (Comtat).² В Бургундии с середины столетия денежная аренда стала опять преобладать.³ Но в других местах денежная аренда быстро вряд ли завоевала почву. Сознывая свою несостоятельность, крестьяне не соглашались на нее; известны только два наказа в Анжу и в Бретани, выражающие пожелание, чтобы денежная аренда сменила половничество, и нет никаких доказательств, что они выражают мысль самих крестьян.⁴ Половник не стремился нажиться, производя для продажи; его надежды сводились к тому, чтобы урожаем его прокормил. Такое состояние ума, вызывавшее гнев и презрение Артура Юнга,⁵ мешало ему итти на риск, связанный с денежной арендой.

Сверх того традиционные отношения господина и колона обеспечивали последнему покровительство первого: при плохом урожае он получал от него ссуду; когда в 1776 г. землевладельцы в Лимузине начали в массе отпускать половников, чтобы не быть вынужденными кормить их в разгар голода, Тюрго вмешался и принудил оставить половников и, в соответствии с обычаем, оказать им помощь.⁶ К тому же виды половничества были весьма разнообразны, и нередко юридические его основы являлись препятствием для его исчезновения. В Лимузине и в Ля-Марше

¹ Юнг встречал ее в Nangis (éd. Sée II, 734).

² №№ 36, 108, 109, В Ангумуа сдавали в денежную аренду главным образом церковные владельцы и дворяне: фермеры здесь мало отличались от половников (Boissonnade. Cahiers, стр. 131).

³ Rournel. Les populations de la campagne dijonnaise au XVIIe siècle, стр. 288. В бальяже Семюр половник уступал место фермеру, платившему натурой.

⁴ Patoz. La propriété paysanne dans les baillages de Semur-en-Auxois, Saulieu, Arnay-le-Duc, à la fin de l'Ancien régime (1750—1790) в Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de Semur-en-Auxois. t. XXXVI (1908—1909, стр. 6-1).

⁵ Saint-Jean-de-Béré (сенешалство Пенн, II, 336); Saint-Erblon-sur-Araize (сенешалство Анжер, II, 709).

⁶ См. выше стр. 99, прим. 1.

⁶ См. Реуганд, цитир. соч., стр. 85.

был очень распространен вид вечной испольщины, которая была связана с семейной общиной. Между собственно половничеством и крестьянским владением, обложенным поземельными повинностями (redevances foncières), существовало известное количество промежуточных видов владения: в Лангедоке и в Провансе вечная аренда, в Лимузине — bail à champart; в Бретани — совладение сеньера и цензитариев (le domaine congéable); в Рошели и Нантской области вечная аренда (bail à complant) и в области Кюссе — la vigne à condition.¹ В одних случаях земля была в собственности крестьян, в других нет, в третьих вопрос оставался открытым. Но какова бы ни была его форма, половничество во Франции было связано с аристократической традицией; оно включало в себя разные виды барщины, нередко произвольно устанавливаемой помещиком и напоминавшей крепостничество: «господин» осуществлял право управления, которое в соединении с обязанностью его оказывать защиту и давать ссуду удерживало половника в состоянии зависимости и внушало ему чувства почтения и повиновения. Многие буржуазные семьи, в той же мере как и дворянские, должны были — сознательно или нет — стремиться сохранить эти отношения. И, наконец, всюду, где разводили виноград, денежная аренда была невозможной, — землевладельцу приходилось либо самому заниматься обработкой земли, либо сдавать виноградник из доли в виде придатка в обычной метерии; иногда наоборот — к винограднику присоединялся кусок пашни и луга.²

¹ Об этом виде держания земли см. Arch. parlem. L. XXIII, 671—672. Это была вечная аренда, связанная с уплатой оброка в виде третьей, четвертой или пятой доли плодов, и сверх того с некоторыми другими условиями, например с обязательством не истощать почву под угрозой аннулирования договора. Держатели земли утверждали, что этот вид аренды переходит в собственность, и заявляли претензию на выкуп оброка (Закон 17 июля не применялся, потому что держание было не феодальное). По представлению землевладельцев Конвент (11 сентября 1793 г.) оставил эти претензии без рассмотрения. Декрет этот должен был бы найти место в сборнике документов, относящихся к феодальным правам, опубликованным П. Кароном (Les droits féodaux, 1924).

² Виноградник никогда не сдавали на условиях денежной аренды. Либо он сдавался из доли урожая, либо же владелец сам непосредственно возделывал его, нанимая виноградарей на год или поденно; одни из них были поденщиками, часть которых получала кров, другие — половниками или мелкими собственниками, имевшими свободное время. В Мэконне и в Божолэ виноградная испольщина состояла обычно из двух гектаров виноградника и одного гектара луга. В Давайе (Davayé) в 1685 г. ни у одного землевладельца не было их больше четырех (H. George, Histoire de Davayé, 1906, стр. 214). Подобный же порядок был в Бургундии: в 1790 г. департамент Кот-Д'Ор исчислял самое меньшее в 25 000 число людей, занятых возделыванием виноградников из доли (Delaby, цитир. соч., стр. 59). Так же и в области Шеризз, судя по наказу, был только «один виноградарь-половник. Все остальные — это владельцы мелких виноградников, которые сговариваются с другими владельцами для возделывания виноградников сообща». В Аncy-sur-Moselle (бальяж Вика) наряду с 43 владельцами, возделывавшими свои виноградники, было 45 виноградарей-половников, впрочем, также владевших несколькими клочками виноградника. В Нижнем Армапьяке и в Юре половник не специализировался на виноградарстве; он снимал обычно и луга и пашню (Logé, цитир. соч., стр. 41). Оба способа — половни-

Экономические и социальные условия половничества не допускали концентрации хозяйств, как то было в областях, где преобладала денежная аренда. Землевладелец здесь обычно предоставлял наибольшую долю оборотных средств, если не все целиком. Благоразумие требовало поделить риск. Да кроме того половник в большинстве случаев был и неспособен вести крупное хозяйство. Метерия была обычно средних размеров, например в Анжу от шести до десяти гектаров, это был «домэн», заключающий в себе одновременно пашни, луга, нередко лес, каштановую рощу, иногда и виноградник. Кроме того половник, которого в Анжу, Берри и Франш-Конте называли колоном, а в Лионне — *granger*, пользовался общинными землями для разведения скота, приплод которого, «*les effouils*», как говорили в провинции Мэн, помимо того, что шел на пищу, являлся и главным его доходом. Разрядом ниже было огромное число клозери (*closeries*) или бордажей (*bordages*) в провинциях Мэн и Анжу, локатерий (*locateries*) в центре, *brasseries* гораздо меньшего размера на юге, — сдававшихся крестьянам, не имевшим упряжки, чаще всего на условии отработать такое-то количество дней, либо половнику, либо же землевладельцу, обрабатывавшему часть земли при помощи наемного слуги (*maitre-valet*). В кастельнстве Бурбон-Л'Аршамбо, принадлежавшем королю, было 696 домэнов и 433 локатерии.¹

Несмотря на это, нет недостатка в жалобах на крупное хозяйство. Во-первых, фермы, несомненно более крупные по своим

чество и непосредственное возделывание владельцем — встречались и в долине Гаронны, и в Тулузене и в Шарентах. Но в Борделе, видимо, практиковалось только возделывание непосредственно самим хозяином.

¹ Grégoire. L'ancien canton de Bourbon (1896), стр. 41. В самом кантоне Бурбон было 73 домэна и 21 локатерии. Наказы провинции Мэн тоже дают кое-какие точные данные. La Bazouge-de-Cheméré: 40 метерий, из них 3 или 4 с доходом в 900 л., остальные — от 300 до 600 л.; лучшие *closeries*, — их небольшое количество, — с доходом от 240 до 250 ливров; Bazougers: 70 метерий площадью по 50 *journaux*, 24 *closeries* от 18 до 20 *journaux*; 219 дымов; „215 остальных дымов — это бордажи и просто очаги, где ютятся горе и нищета“; Le Bignon; 24 метерии в среднем по 400 л.; 48 *closeries* по 150 л.; 32 дома или комнаты (*chambres*), „что в общем может равняться не больше, чем 8 *journaux* земли огородной или иной, а совокупность домов или огородов может расцениваться не больше чем в 400 или 500 л. аренды“. Loignon: „17 средней руки метерий, 150 бордажей с очень малым доходом и 60 домов или хижин без годной для обработки земли“ (*terre de production*) (около 238 дымов); Saint-Loup около Сабля — 9 метерий, 22 клозери или бордажа (300 жителей); Mezières sous Ballon: 4 метерии (220 дымов). Местности эти относятся к Нижнему Мэну. Для Вандомуа Дюшателье, см. выше стр. 75, прим. 2, указывает, что в Савиньи существовало 62 метерии площадью в одну соху, 25 бордажей по три четверти сохи, 98 по полсохи, 76 по четверти; рента соответственно колеблется от 200 до 150 ливров, от 140 до 160, 100, от 30 до 60 самое большее. Немногие метерии приносят свыше 250 л. или до 400, 500, 600 ливров. Кроме того там находятся 87 дымов привилегированных буржуа, купцов или ремесленников; 110 дымов — поденщиков; 52 нетрудоспособных бедняка. Для Лимузена см. Loutchisky. La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution (1912). Как видно из приведенных примеров, нельзя принимать владельцев клозери и бордажей за самый низший класс деревенского населения; ниже их был собственно сельский пролетариат, поденщики (*journaliers*), владевшие на правах собственников или по найму всего лишь домом с огородом.

размерам, чем «домэны», возбуждали враждебность крестьян. Даже при условии, что число их или размеры каждой из них не возрастали, их все же хотели поделить, чтобы увеличить число аренд.¹ Кроме того в некоторых областях, вопреки препятствиям, происходило объединение метерий; обстоятельство это удостоверяно для Дюнуа одним землевладельцем, а для Мэна — наказаниями; там и здесь при этом хотели избежать расходов по содержанию строений, или же владелец хотел создать себе земельный «резерв». Отмечают объединения и в Солони (*Sologne*), где наказания приписывают это обстоятельство бедности крестьян: «домэны» объединялись, потому что не находилось достаточного количества пригодных половников.² Жалобы здесь звучат так же, как в областях денежной аренды: «стоимость построек и расходы по их поддержке», — говорится в наказе Боссе-ле-Сек в Мэне, — «побуждают многих землевладельцев уничтожать их, объединяя вокруг одной и той же усадьбы земли, составлявшие несколько усадеб. Мы видели, как один богатый землевладелец объединил таким образом две метерии и три бордажа в одну усадьбу: разом было уничтожено четыре жилья. В результате такого, причиняющего ущерб населению способа действий многие парни не решаются жениться из страха, что не найдут себе пристанища, ни клочка земли для хозяйства». С другой стороны, движение отмечено тем же социальным характером, ибо в Бургундии, например, жалуются, что землевладельцы делят метерии на *locateries*,³ а это для самых бедных крестьян являлось правда, благоприятным обстоятельством, но для остальных имело тот же результат, что и укрупнения. Тем не менее следует отметить, что ни в одном из наказов бальяжа не сохранилось подобных жалоб; хотя, вообще-то говоря, склонность их передавать ходатайства и жалобы крестьян не очень велика, все же, сравнивая их с наказаниями областей денежной аренды, приходишь к выводу, что молчание их не могло бы быть столь полным, если бы и здесь явление было таким же распространенным, как на севере Франции.

Если ненависть половника не всегда могла обратиться против крупного сельского предпринимателя, то объектом для нее, по крайней мере в ряде провинций, с успехом являлся генеральный фермер. Уже давно сеньеры стали сдавать в аренду свои «полезные права» (*droits utiles*) и резервированную землю (*la réserve*), и, как утверждали, обычай этот сопровождался злоупотреблениями: король должен был бы запретить им сдавать на откуп права как своим же собственным, так и его, королевским, служащим.⁴ Им ставили также в упрек, что они передавали фермеру фиктивный договор на управление, чтобы избавить его от налогов,⁵ и, од-

¹ №№ 33, 34, 108, 109

² См. выше стр. 77, прим. 3.

³ № 111 Лучицкий утверждает, что дробление домэнов в Лимузине в конце старого порядка было общераспространенным и резко выраженным явлением.

⁴ Rambaud, цитир. соч., стр. 21.

⁵ Есоен: Посредники не предъявляют своих арендных договоров, а дают

нако же, не об этом откупщике идет речь. Пугалом для половников был тот, кто снимал в аренду у владельца всю совокупность его земель, чтобы потом пересдавать их от себя. Если землевладелец был дворянином, он мог свободно сдать одному и тому же фермеру и свои земли и свои *droits utiles*, но фермеры-посредники не ограничивались в своих операциях сенъериальными доменами: они забирали в свои руки и земли всякого землевладельца, который сам не занимался их обработкой. Их называли генеральными фермерами.

Это зло не осталось вовсе чуждым и областям денежной аренды. Третье сословие баляжа Бапом (Варауме) требует запрещения «откупов», точно так же и в окрестностях Парижа, несколько приходов в частности Екуан (Есоен) поднимают голос против фермеров-посредников. Незадолго до революции архиепископ Камбрэ сдал на откуп свои огромные владения одному дельцу по имени Родесу, человеку для данной местности чужому, и крестьяне провинции стали жаловаться, что он пустился на все лишь бы увеличить арендную плату. Однако, только в Лотарингии арендаторы доменов и сеньеры вызывают бурные протесты всех баляжей; дело здесь доходит до того, что протесты эти вносятся в генеральные указы Бриэ (Briey), Шато-Салэн (Château-Salins) и Мирекура (Mirecourt). Несомненно причина лежала в том, что они пользовались правом держать отдельное стадо, злоупотребляли им и безжалостно применяли эдикты об огораживании и триаже.¹ В других местах большинство землевладельцев, повидимому, сдавало землю через посредство нотариусов, а самые крупные, подобно маркизу Байель в области Ко (Саух), довольствовались тем, что приглашали управляющих.

Напротив, в областях половничества для крупного землевладельца генеральный фермер был почти что необходим. Во всех провинциях землевладельцы горько жаловались на половников, ставили им в упрек, что они недобросовестно обрабатывают почву, запускают хозяйство в домене и нанимаются на поденную работу, или же хуже того — изнуряют быков на перевозке тяжестей, а плату за нее берут себе; бросают метерию без предупреждения, причем в виду их бедности с них нельзя получить неустойки.² Приходилось не спускать с них глаз. К тому же и

только общую уверенность привилегированных владельцев, чтобы избавиться от уплаты „талы“. См. также наказ Бюсси-Сен-Жорж (Bussy-Saint-Georges).

¹ Приход Кум (Соме) (баляж Булэ): Жители обязаны были сеньеру барщиной для ремонта замка; „нынче это право перешло к арендаторам домена, извлекаящим из него большую выгоду к ущербу населения“. Neu Forweiler, Orsholz, Remeling, Vandreching (баляж Bouzonville); Maizières (б. Metz); Achain, Alhof, Angwiller, Hampont, Landroff, Nalling, Riche et Metzting, Rodalbe (б. Dieuze); Bertr champ, Hampont, Kappelking, La Frimbole, Marimont (б. Vic); Borville, Saint Boing, Vaxoncourt, Verrières d'Onzaines (баляжи в департаменте Vosges).

² Записка, представленная Тулузскому парламенту несколькими общинами его округа в 1785 г. (Нац. архив, 232). Она имеет в виду половников на Черной горе (в равнине землевладельцы часто сами вели хозяйство с помощью наемных рабочих). Она ставит им в упрек, что они расходуют слишком нерасчетливо корм

отчетность метерий требовала постоянных объездов. Управляющему не было особого интереса держать половников в узде. Поэтому довольно рано появляется на сцену генеральный фермер. Возможно, что первым, пригласившим его, было духовенство; оно было преисполнено недоверия к половничеству, а регламент премонтранцев даже прямо запрещал сдавать земли в исполный колонат.¹ Так как избежать его не удавалось, единственным средством была генеральная аренда (*la ferme générale*). В своем исследовании о половничестве в округе Лаваль Ле-Марие приводит для приорства Шанже перечень этих фермеров, восходящий до 1583 г. Обычай был усвоен и светскими сеньерами. Для Анжу Од приводит один договор на генеральную аренду от 1601 г. С самого начала XVIII века к ней прибегают все крупные землевладельцы. В 1718 г. домены семьи Кондэ в Бретани были сданы в аренду Ламуре, парижскому буржуа.² Мальтийский орден и королевский домен в Лотарингии поступали точно так же. Так как для заключения договоров со знатью нужны были большие капиталы, стали возникать финансовые компании. На них жаловалось в 1787 г. провинциальное собрание Трех епископов (Trois Evêchés),³ о них же говорит и Мирабо, «друг людей». Обычно они основывались в Париже и простирали свою деятельность вплоть до Пиринеев.⁴ Гено, кюре в Шевоннэ в Бургундии, свидетельствует, что такие операции крупного масштаба не были чужды и его соотечественникам. «Я знаю в нашей провинции таких господ, они складываются человек по десяти, имеют вместе по тридцать тысяч ливров ренты и арендуют фермы вплоть до Гаскони».⁵ В XVIII веке и мелкие сеньеры, по мере того как возрастал абсентеизм, стали отказываться от личного управления именьями; то же самое случилось даже и с буржуа. В данном случае нотариусы всегда были к их услугам; к тому

с целью поднять ценность скота, не занимаются полевыми работами; занимаются недозволенным извозом; так как по обычаю сроки договоров оканчивались 1 ноября, а отпуск назначался на 24 июня, половники имели таким образом достаточно времени, чтобы свести счеты с землевладельцами в такое время года, когда это было легче всего сделать. Записка требует, чтобы выход был определен на 1 апреля с отпуском 1 января, и чтобы эксперты исчисляли количество фуража, которое съезжающий арендатор обязан оставить, и оценивали бы скот. 18 сентября 1790 г. приор-кюре в Д'Амбиале (d'Ambialet) в петиции Собранию сетует на условия, в которые поставлены землевладельцы (Нац. арх., D. XXIX, 17).

¹ Le Marié, цитир. соч., стр. 80.

² Sée et Lesort. Cahiers de la sénéchaussée de Rennes II, 336, прим. 2.

³ Часть Лотарингии с городами Метц, Туль и Вердэн. Все три города — резиденции епископов (прим. перев.).

⁴ Rambaud, цитир. соч., стр. 22. P. de Monsabert. Le monastère de Ligugé, стр. 929. Лигуже было приорством в Мальезе и сдавало эксплуатацию земель и рент генеральным фермерам. В XVII веке Лигуже было присоединено к коллегии иезуитов в Пуатье, сдававших свои земли в аренду по отдельности. После уничтожения ордена снова появились генеральные фермеры: один из них был парижским буржуа.

⁵ Hauser, „Les idées agronomiques d'un curé bourguignon“ в La Révolution française. t. LIII, 1907. стр. 482. (См. также Patoz, цитир. соч., стр. 73.)

же распространению генеральной аренды благоприятствовало и образование в мелких городах класса нотаблей, кое-кто из них был землевладельцем, большинство — купцами или ремесленниками, представлявшими достаточные гарантии; они были немногочисленны, тем легче им было выговаривать себе выгодные условия. Приход Сен-Винсан в Сен-Симфориан-лез-Отэн (Saint-Vincent de Saint-Symphorien les-Autun) жалуется «на этих людей всевозможных профессий, дубильщиков, лесоторговцев, трактирщиков, булочников, сапожников, каменщиков, штукатуров, не имеющих ни малейшего понятия о сельском хозяйстве». И на самом деле, никто из них не обрабатывал земли, если не считать какого-нибудь резервированного участка, который для них возделывал половник. Промысел был недурен. Кюре из Шевоннэ уверяет, что местный генеральный фермер выручал до 2 400 ливров в год, в то время как королевские налоги не превышали 1 100 ливров на весь приход. Но «купцы-арендаторы», о которых говорят крестьяне Сен-Симфориана, конечно, не претендовали на такие суммы: они прежде всего стремились, держа фермеров в зависимости, облегчить и расширить свою торговлю: так торговцы птицей и яйцами, например, могли таким образом дешево запастись товаром, лесоторговцы даром производили перевозки.¹ К сожалению, нам неизвестно, по сколько доменов случалось им администрировать. Их число, вероятно, сильно менялось.² Во всяком случае оно могло быть значительным, если даже арендатор и представлял одного только владельца: в Бурбоннэ нередко бывало, что пятнадцать или двадцать домэнов принадлежали одному и тому же лицу.³

Повидимому, генеральные фермеры главным образом свирепствовали в областях от Бретани до Франш-Конте, откуда переход в Лотарингию, где они тоже вызывали о себе много разговоров. Таким образом они размножились по краю зоны денежной аренды, пример которой должен был оказать воздействие на землевладельцев; не решаясь превращать половничество в денежную аренду, они таким способом получали определенный доход и вместе с тем освобождались от хлопот по управлению. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении наказам, население Бретани и Комтуа (Comtois) было не слишком раздражено против генеральных фермеров; не много петиций, направленных против них, поступило так же и во время Революции, если только петиции эти не утеряны.⁴ Больше

¹ См. также Gagnon, цитир. произв., стр. 15 и №№ 47 и 68.

² Отец Ива Бенара, автора «Мемуаров девятидесятилетнего» (1,2) был генеральным фермером приорства Алле-Сент-Обэна подле Бюссака в Анжу; непосредственно сам он эксплуатировал 160 гектаров резервированных земель, снимал четыре метеры, мельницу, собирал ренты.

³ Записка Гарнье, комиссара министра внутренних дел, от 19 июня 1793 г. (Нац. арх., F 20, 156).

⁴ Приходы Saint-Rieul и Saint-Jean-de-Béré (сенешальство Rennes), Longueville подле Villesexeil (бальяж Амона): пришлые фермеры и субфермеры «придумывают всевозможные каверзы на разорение бедным людям».

жалоб поступило из Мэн, Анжу и Дюнуа.¹ Особенно же серьезным было положение в местностях от Берри до Бургундии, в Бурбоннэ и Нивернэ и в областях между Соной и Луарой. Восемнадцатые указы Отюнуа (Autunois) полны яростных нападок на них, а генеральный наказ бальяжа Дижона и второстепенных бальяжей Бона, Ньюи, Оксонна и Сен-Жан-де-Лонга предписывает Генеральным штатам «воспрепятствовать скоплению в одних руках сельских ферм».² Из всех этих областей петиции не переставали поступать на всем протяжении Революции, а происходившие то здесь, то там волнения говорили о том, что реформа была настоятельно необходима. Относительно центрального массива, Пуату и Шаранто и всего юга мы осведомлены гораздо хуже. Однако же, генеральные фермеры не остались неизвестны, по крайней мере в части этих областей; в Бигорре приход жалуется на генеральных фермеров Мальтийского ордена. В петициях революционной эпохи представлена и Гасконь.³ Точно так же, как и в вопросе о крупных фермерах, из молчания наказов бальяжей не приходится делать никаких выводов: общее собрание Отюнуа, на котором фигурировали один купец-арендатор, шесть деревенских торговцев, один сельский лекарь и только один половник, не приняло во внимание жалоб приходов; собрания Нивернэ и Бурбоннэ поступили так же; если бы у нас

¹ Провинция Мэн, — Asnières, La Chapelle-Saint-Rémy, Boessé-le-Sec: генеральный фермер «смотрит на субфермеров как на негров, обязанных работать исключительно для его обогащения. От его алчности никто не спасется: значительные pots de via, субсидии продуктами разных видов, барщина в виде поставки поводов и других работ, чрезмерная денежная аренда и, наконец, на протяжении договора арест на имущество и распродажа всех вещей несчастного субфермера, — вот что мы постоянно наблюдаем в деревнях», — Анжу, — Loire, La Chapelle Hulin, Saint-Martin-du-Bois; Дюнуа: — Flacey, Lanneray (бальяж Блуа).

² Берри (бальяж Буржа), Arçay, Avord, Berry-Marmagne, Berry-Villequiers, Lapan, Lissay («жалуются, что огромное большинство землевладельцев сдает свои имения в аренду, особенно это наблюдается за последние годы, даже и среди духовенства, а они, крестьяне, прямо обобранны этими фермерами, которые, выняв землю за большую цену, высасывают из них все до последнего гроша, выгоняют их вон, доводя до самой последней нищеты»). Moulins-sur-Yèvre, Nohant-en-Gout, Saint-Michel-de-Volangis, Senneçay («фермеры заключают договоры на любых условиях, какие бы им ни предложили землевладельцы. Кто же является при этом потерпевшей стороной? Колои. Фермер заставляет его покрыть свою чрезмерную аренду, покрыть проценты, которые он должен получить на капитал, чрезмерную аренду, покрыть проценты, которые он должен получить на капитал, чрезмерную аренду, покрыть проценты, которые он должен получить на капитал, и отбирает у него плоды его трудолюбия, а финал сцены таков: «если не согласен, найдутся другие». Конечно, на все согласишься, раз некуда деться и надо содержать большую семью... С некоторым чувством недоверия мы говорим: вряд ли у Генеральных штатов хватит энергии, чтобы избавить нас от подобной напасти. Встречаются добросовестные фермеры, прямо заявляющие, что им приходится разорять крестьян»); Villabon, Vorly. — Autunois: Antully, Barnay, Brion, Broye, Cordesse, Couches, Curdin, Dracy-Saint-Loup, Issy-l'Évêque, La Comelle, Lassy, Montelon, Neuville, Saint-Forgeot, Saint-Leger-sous-Beuvray, Saint-Symphorien-les-Autun, Thil-sur-Arroux, Tintury. Бальяж Семюра: Vandenesse, Saint-Thibault, Saint-Beury. (Patoz, цитиров. работа, стр. 75).

³ Donat, цитир. соч., стр. 206, приводит их три для Ларразе (Larrazet), правда там говорится о фермерах, арендовавших господское поместье; см. также № 31 Юнг указывает на существование генеральных фермеров в Пуату и Ангумау (изд. Sée, II т., стр. 374).

были первичные наказания, мы, наверное, увидели бы, что о них там говорится так же резко, как в приходских наказах Отюнуа: поручкой нам в том протест одного земледельца из Бурбон-Л'Аршамбо,¹ беспорядки 1790 г. и обращения к революционным собраниям петиции. По всей вероятности, так же обстоит дело и в Маконнэ, Лионнэ и в Гаскони. Молчание даже приходских наказов неубедительно и здесь. В Issy-l'Évêque официальный наказ, подписанный адвокатом Пикаром, синдиком и семью другими жителями, ни словом не упоминает о генеральных фермерах и об условиях половничества. Но сто шестнадцать жителей, в их числе кюре и нотариус, одобрили другой наказ, составленный самим же кюре, — в нем раскрывается истина. На собрании бальяжа одобрены были Пикар с его наказом; без настойчивости и смелости кюре Кариона мы так и не имели бы ни малейшего представления об истинных пожеланиях крестьян.

Это был не единственный священник, вставший на защиту своих пасомых. Гено, кюре в Шеваннэ, точно также составил наказ своего прихода и вновь изложил свои пожелания, вполне совпадавшие с желаниями половников. Жалобы свои он повторил и в записке, которую после открытия Генеральных штатов направил, по всей вероятности, Неккеру. В 1790 г. в Морнане, в департаменте Роны и Луары, кюре Фоше составил петицию, в которой с немалым пылом отстаивал арендаторов области Лионнэ.² Карион³ пошел дальше их. После аграрного бун-

¹ Нац. арх., В а 56: петиция Дюбуи, приведенная у Рамбо, цитир. соч., стр. 39: „Жалобы неимущего класса колонов и батраков провинции Бурбоннэ... Эта, позабытая в наказе провинции, часть нации жалуется на распространенное повсеместно представление, будто для того, чтобы принудить ее работать, ее надобно держать в нищете, — ложное правило, наследие старой неволи... Заблуждение это имеет такую силу, что на собраниях штатов нашей провинции его высказал с известной верой в него президент собрания. Никто не желает раскрыть глаза на положение крестьян. В одном месте горожане смотрят на них, как на мулов, которые не сдвинутся с места, если их не колотить; тут землевладельцы надувают их и ставят в невозможность дать отпор; там фермеры угнетают их всяческими способами, будучи еще меньше землевладельца заинтересованы в том, чтобы их щадить. Колоны и половники плохо кормятся, они не просвещены, не трудолюбивы; их не любят, не жалуют, не уважают; они и существуют только для того, чтобы переносить навязанные им лишения, пассивное же их состояние еще больше способствует нищете их и нерадивости. До сих пор им еще приходится жаловаться на то, что они не защищены никаким законом, что обращаются с ними, как с рабами, и никто не краснеет, нарушая заключенное с ними соглашение. Генеральным штатам следовало бы издать закон, направленный против общего предрассудка, иначе злоупотребления будут продолжаться, а уничтожьте предрассудок, и колоны собственными силами добьются достатка, станут фермерами“.

² № 62.

³ Действия Кариона рассказаны у Montarlot: „Issy l'Évêque“ (1898). Но только автор этот рассказал историю кюре, не описывая состояния деревни и ничего не говоря о положении половников; Карион в этой работе фигурирует в образе мелкого деревенского тирана, превышение власти с его стороны является необъяснимым. В Нац. архиве есть допись, относящееся к Кариону — D XXIX, 42, 2; сентября, 1790 г. Муниципалитеты Грюри, Креси, Марли, Кюзи, Сент-Радегонд и Issy l'Évêque, составляющие кантон Issy, избрали его выборщиком и отметили его услуги. См. его записку — № 63.

та, взволновавшего в июле 1790 г. соседний Маконнэ, он учредил в Issy l'Évêque постоянный комитет, душой которого и стал; комитет этот, присвоив себе законодательную власть, опубликовал регламент, в котором определил условия половничества.

В 1790 г. многочисленные приходы Отюнуа (Autunois) и Бурбоннэ обратились в Учредительное собрание с петициями, направленными против генеральных фермеров,¹ не были пощажены эти лица и во время бурного аграрного движения в мае и июне, поводом к которому послужили первичные собрания в департаментах Nièvre, Allier и Соны и Луары.² Твердо придерживаясь принципа свободы договорных отношений, Учредительное собрание не было расположено регламентировать ни денежную аренду, ни половничество; справедливость требует добавить, что оно так же отказывалось вмешиваться в пользу хозяев, как и в пользу половников.³ Декрет 2 июня 1790 г., принятый по докладу Тарже, объявлял врагами конституции тех, кто подстрекает народ «оказать давление на законодательную власть, предлагая какую-то регламентацию... цен и продолжительности сроков аренды и священных прав собственности».⁴ Кюре Иссы л'Евека подпал под действие этого декрета, и ему дорого обошлось вступление в борьбу: был отдан приказ об его аресте; обвинив его в преступлении против нации, его отвезли в Париж. Далекое от того, чтобы упразднить арендаторов и генеральных фермеров или же стеснить свободу их деятельности, Учредительное собрание, не пожелало даже воспользоваться национализацией земель духовенства, чтобы хоть на время ослабить их значение. Отменив 23 октября 1790 г. генеральные договоры, заключенные фермерами и арендаторами, передавших земли от себя.⁵

Поэтому-то в конце 1792 г. снова проявилось недовольство; высказывалось оно и во время плебисцита 1793 г.⁷ В течение II года народные общества Бургундии, Ньевра и Аллье все

¹ № 7, 62—66.

² См. №№ 64—66. Беспорядки эти, очень поучительные для знакомства с положением дел в деревне, не были еще предметом исследования. В нац. арх. в серии D, XXIX к ним относятся многочисленные документы. В частности, см. протокол от 4 июня 1790 г., составленный по требованию приходов Аллье, Биш, Шатильон и др. в Nièvre (D XXIX, 62): „Фермеры должны арендовать только по одному домену, который и будут возделывать“.

³ В 1791 г. Беназе, депутат от третьего сословия Каркасона, представил в Комитет земледелия проект, совпадавший по заключавшимся в нем требованиям с проектом, представленным в 1785 г. в Тулузский парламент („Berbaux et Schmidt“, 375) (F¹⁰, 232).

⁴ Arch. parl., XV, 149—141.

⁵ Caron et Déprez, Recueil des textes, concernant les biens nationaux, цитир. соч., стр. 73.

⁶ №№ 8, 67.

⁷ Riffaterre, цитир. соч., стр. 344: Jars (департамент Шер): никто не может арендовать больше земли, чем в состоянии обработать сам; Валльи (Шер): пусть сдают земли только колонам, которые будут сами их обрабатывать. См. также №№ 17, 68.

время составляли резкие петиции;¹ им вторил Юра, Сарта, Жер.² Но Конвент не обратил на них никакого внимания и даже подтвердил декрет 23 октября 1790 г. по отношению к арендаторам национализированных земель.³

Все петиционеры требуют отмены института генеральных фермеров: землевладелец может лично возделывать только одну метерию и то при условии, что будет в ней жить; все остальные метерии он должен сдавать, каждую в отдельности. Наказ Сен-Жан-де-Бере пошел еще дальше: он потребовал замены половничества денежной арендой и права для колона заменять собой генерального фермера, возместив его расходы и представив поручителя. Это предложение является исключением: вообще же половники высказывались не против обработки из доли продукта, а против концентрации хозяйств.

Положение половников, однако же, не таково, как земледельцев в областях денежной аренды. Обычно генеральный фермер не обрабатывал сам доменов, которые брал в аренду, либо же довольствовался «резервированным фондом», который заставлял уже готовым. Он не уничтожал ни одной аренды (*emploi*); в упрек ему ставили его тиранию; благодаря своему неусыпному руководству, непрерывному своему надзору, он вынуждал половника точно выполнять условия договора; ежечасно благодаря ему осуществлялась власть владельца. «Так как я плачу аренду, я — здесь все, а сенер — ничто, сказал мне однажды один фермер», — рассказывает кюре из Шеваннэ. Словом, он был невыносим. С другой стороны и его тоже обвиняли в спекуляции; будучи нередко кунцом, он легко давал повод к подобным подозрениям. Все же, если он являлся тираном, то главным образом потому, что положение посредника неумолимо толкало его, как и ирландского *middleman*, к увеличению тягот половника.⁴ Спекуляция его являлась особой формой подряда, столь ненавистного индустриальным рабочим, которую было отменили в 1848 г., но которая так и осталась существовать ввиду того, что кассационный суд объявил декрет Временного правительства лишенным силы. И, однако же, не только наличие генеральных фермеров ухудшало положение колона-половника; и землевладельцы, кто как умел, постарались о том же. Генеральная аренда обостряла кризис, но не она его вызвала к жизни. Существование генеральных фермеров являлось всего-навсего одним из элементов более обширной проблемы, которая состояла ни больше ни меньше, как в регламентации половничества. Таким образом между тем как в областях денежной аренды вопрос о концентрации хозяйств занимал первое место, в областях половничества,

т. е. в большей части Франции, внимание привлекали прежде всего условия сдачи земли в наем.

II

Договор половника обычно не был долгосрочным. В Анжу наиболее распространенным был срок в девять лет; в Лотарингии же и в Перигоре он снижался до пяти; в Тулузэне был обычай сдавать на один год; метерия — виноградник также сдавалась на год. Землевладельцы стремились сократить продолжительность договора отчасти потому, что съемщик не представлял достаточных гарантий, но также и потому, что чем короче был срок, тем проще им было повышать свои требования, держа съемщика под угрозой устранения и используя соперничество крестьян между собою. В Берри, где договоры заключались на три, шесть, либо девять лет, придумали в тех случаях, когда договаривались на самый продолжительный срок, оставлять посередине договора «год выбора» (*une année de choix*), благодаря чему в действительности срок договора сводился к четырем с половиной годам; что же касается локатерий, то вошло в обычай сдавать их вовсе без договора. На провинциальном собрании в Берри один из докладчиков самыми мрачными красками обрисовал участь колона: «итак, вы усматриваете три важных момента в существовании рабочих (*manoeuvres*) и половников: во-первых, у них нет никакой собственности; во-вторых, никакого постоянного местожительства; в-третьих, они фактически подсудны землевладельцу, либо его фермеру, который под видом тяжбы может наложить на них две очень серьезные кары: конфискацию или изгнание».¹ Являлось, следовательно, неизбежным, чтобы увеличение арендной платы, на которое жаловались на севере Франции, проявилось точно так же, хотя и в иной форме, и в областях половничества, где необеспеченность съемщика была еще сильнее.

Обычно господин и колон поровну делили зерно и приплод скота. Но это равенство было чисто-теоретическим. Прежде всего вставал вопрос о поземельных повинностях: о десятинах, феодальных оброках и королевских налогах. Оливье де-Серр был того мнения, что они должны делиться поровну, таково же было и толкование парламента Бордо.² В действительности же, если колон нес только половину повинностей, это был минимум его обложения. Что касается десятины и шампара, действительно, повидимому, споров не происходило: они исчислялись до раздела, с валового продукта. Что же касается мелких повинностей, чинша, особенно же налогов, — их землевладелец старался переложить на половника. «Владелец платит только двадцатину» — говорит наказ Сердона, в Орлеане; «нам же прихо-

¹ №№ 18—21, 47—49, 69—74, 112.

² №№ 30, 31, 37, 76.

³ Arch. parlem. LXXIII, 330. 2 сентября 1793 г. декрет, изданный по поводу петиции одного трибунала в дистрикте Аржантона.

⁴ №№ 63—69, 110.

¹ Цитировано у Lemoine, указ. соч., стр. 60.

² По Пейро (Peugaud) указ. соч., стр. 90.

дится платить и ренту и двадцатину», — говорит население Отюнуа; что касается королевской барщины, она всегда ложилась на съемщика. Некоторые договоры подтверждают указания крестьян; другие, однако же, свидетельствуют, что еще не повсюду владельцы добились своего.

Во-вторых, спор происходил из-за оброков («Services»), — натурой — масло, дичь, пряжа, которые требовались от колонов и которые все увеличивались, — и из-за денежного оброка, который хотели им навязать: в Перигоре его называли «испольная рента» или «rente colonique». В Исси Л'Евек она, как кажется, была от 60 до 200 ливров. В Отюнуа половники утверждали, что таким образом их доля в конце концов сводилась самое большее к одной четверти. Как мы видим отсюда, существующая в XIX в. тахе colonique — давнего происхождения; для ее оправдания и тогда прибегали к тем же аргументам, как и в наши дни: дескать, только половник пользуется молочными продуктами, мелкой птицей, плодовым садом, огородом, ветвями, срезанными при чистке леса; порой он получает дрова для хлебной печи, или даже для очага; следует также учитывать цену за наем строений и проценты на ссуду, предоставляемую владельцем. Оброки и подать (les services et la redevance), переложенные на колонов, якобы восстанавливали так называемое равновесие. Но при таком рассуждении не учитывались разные виды барщины.

Барщина являлась тяжелым бременем; половника использовали для самых разнообразных целей: для ремонта, для перевозки землевладельца, для обработки резервированной земли и даже для домашних надобностей, например, в Анжу женщины с метерии обязаны были стирать на господина. Иногда число и продолжительность этих видов барщины были определены, но чаще они зависели от усмотрения. Существование их восходит к самому возникновению половничества; легко можно себе представить какие злоупотребления мог позволять себе землевладелец и тем более генеральный фермер.

Вопрос о ремонте тоже был поводом для столкновений и вымогательств; в Отюнуа, например, жалуются, что господин заставляет производить повторные обследования, которые дорого обходятся для съезжающего половника, заставляет его оплачивать повреждения, независимо от него происшедшие, не исправляя, однако же, затем строений. Он клал деньги себе в карман и принуждал следующего съемщика принимать усадьбу в таком виде, как она была, и так поступал и дальше. Окончательно отравляла взаимоотношения отчетность метерии. Колон не умел ни читать, ни писать; принужденный полагаться на свою неверную память и слова господина, он обычно считал себя обокраденным; если дело доходило до суда, землевладельцу и генеральному фермеру верили на слово, в силу знаменитой статьи «господин и слуга», отмеченной только во времена Второй империи (1868).¹

¹ Два наказа Отюнуа отлично резюмируют вопрос о разделе плодов. Ла-Комель подле Беврэ, (La Comelle-sous-Beuvray): 1) Ныне почти все землевладельцы

При испольщине виноградной дело обстояло еще хуже, по крайней мере в Лотарингии: при разделе урожай исчислялся в переводе на деньги, исходя из налога на вина, устанавливаемого без всякого участия виноградарей, причем разница в качестве разливов ни в коей мере не учитывалась.¹

сдают в аренду свои домены; землевладельцев (cultivateurs) выбирают и с ними договариваются фермеры. Однако же, отнюдь не давая им половины продукта, они так обременяют их повинностями, что те едва получают одну четверть. Они заставляют земледельцев вносить им ежегодно более или менее значительную сумму в зависимости от стоимости домена; отягощают их рентами и двадцатинами; оставляют за собой несколько юнпных земли, которую половники обязаны возделывать, ничего себе с нее не беря. Словом, они их обременяют свыше меры, так что к концу договорного срока они почти всегда совершенно разорены. Такое лихоимство заслуживает порицания, так как половный договор является своего рода товариществом, где каждая сторона должна бы иметь половину. Нижеподписавшиеся требуют, чтобы были приняты действительные меры для предупреждения такого злоупотребления. 2) Фермерам дается вера по вопросу о ссудах, которые они представляют в течение договорного срока; большинство арендаторов не умеет читать и не может вести книг; следовало бы обязать их производить подсчет в конце каждого года, иначе надо верить половникам. А что касается тех фермеров, которые умеют писать, их надобно обязать вести книги, которые бы заверялись местным судьей. Если эти предосторожности не предотвратят всех злоупотреблений, они предупредят многие из них. Issy-l'Évêque: „(8) Коммуна требует, чтобы в соответствии со старым обычаем, земледелец, возделывающий землю для другого, если только он не получает жалованья и пищи от хозяина земли или от фермера, получал бы по крайней мере половину чистого урожая всех плодов земли и не принуждался бы никаким соглашением, — которое будет объявлено недействительным, — отдавать господам, или фермерам деньги, или какую-либо долю из своей половины плодов, под каким бы названием это ни делалось, и не принуждался бы к уплате каких-либо налогов, взимаемых с земли, ни к каким починкам, кроме тех, к которым обязан съемщик, ни к уплате какой-либо ренты, за исключением половины десятины сеньериальных рент, под страхом, что господин или фермер будут наказаны как лихоимцы. — (9) Как ни мало остается средств у земледельцев, господа и фермеры нашли еще способ лишать их и этих средств: это злоупотребление осмотрами. Нет ничего естественнее и справедливее, как требование, чтобы имение поддерживалось в хорошем состоянии тем, кто его возделывает, но и нет ничего отвратительнее, когда под этим предлогом совершенно разоряют земледельца. В самом деле, земледелец может отвечать только за разрушения в имении, происшедшие по его вине; однако, его заставляют отвечать за все случившиеся повреждения, от какой бы причины они ни происходили, причем он не получает за это никакого вознаграждения. Господин или фермер кладут себе в карман деньги, потребованные после осмотра, произведенного при выходе земледельца, покидающего имение, и обязывают нового земледельца сделать все поправки за свой счет. Дабы воспрепятствовать таким злоупотреблениям, коммуна требует, чтобы при вступлении земледельца в пользование имением производился подробный осмотр и опись всех исправлений, которые необходимо произвести, и чтобы господин или фермер были обязаны сделать их за свой счет, не перекладывая их на земледельца, и чтобы этот последний был принуждаем оставлять имение в хорошем состоянии лишь в том случае, если он его в таком и получил.

¹ Ancy-sur-Moselle (бальяж Вик): „Было бы справедливо, чтобы ежегодный налог с вина, после сбора винограда взыскиваемый с виноградаря, устанавливался лицами не заинтересованными, которые к тому же учитывали бы качество вина и условия кантонов. То же: Féy (бальяж Метца). Многие наказания областей виноградарства также жалуются на необходимость платить налоги (бальяж Вик), Plarreville и Tignomont (бальяж Метца); последний заявляет, что половники принуждены также доставлять подпорки для лозы. В 1793 г. жители Lessy (дистрикт Метц) изложили новую претензию: начиная с 1788 г. урожай винограда был средней. Землевладельцы не могли возместить ссуд, данных половникам, и требовали возврата

Довольствуясь требованием отмены института генеральных фермеров, петиционеры выказывают большую умеренность, ибо при этом ими подразумевается, что, будучи поставлены лицом к лицу с самими землевладельцами, они добьются сносных условий. В действительности, зло, от которого они страдали, было и более давним по происхождению и более глубоким; генеральные фермеры лишь усиливали его; исчезновение их не принесло бы исцеления от него, необходимо было, чтобы закон защитил половника от землевладельца. Кое-кто это понял. В своем октябрьском регламенте 1789 г. юре из Исси л'Эвек постановил, что впредь арендные договоры будут сроком по крайней мере на три года, независимо от прежних условий. Он обязывал половников иметь счетную книгу, пронумерованную и заверенную постоянным приходским комитетом; он регламентировал осмотр строений и обязывал землевладельца производить исправления, стоимость которых принужден был внести ему колон; и наконец, разбор всех спорных случаев он вверял постоянному комитету.¹ Со своей стороны и юре в Морнэ выразил пожелание, чтобы никакие случаи лишения аренды не могли иметь места иначе как по приговору мирового судьи.² Но помимо всего этого во многих случаях крестьяне еще утверждали, что имеют право на полную половину продукции.³ Повидимому, в 1790 г. жители Перигора отказались платить *impôt colonique*,⁴ а регламент юре Кариона запрещал господину требовать что-либо сверх его половины.

Между тем Учредительное собрание само подлило масла в огонь: ввиду того, что с 1 января 1791 г. десятина должна была исчезнуть, оно декретом 1 декабря 1790 г. предписало съемщикам вносить ее землевладельцу. С другой стороны, не

их, угрожая арестом имущества; состоялось уже несколько судебных постановлений в этом духе; если виноградники ничего не принесли, тем не менее виноградари их, возделывали, как всегда; „добросовестная работа в течение года, значит, велась даром? Это хуже, чем при старом режиме“. Петиция требует, чтобы долги эти были аннулированы (F^{no} 320, 14 мая 1793 г.). Это значило бы ввести в практику половничества гарантию минимума заработной платы половнику, независимо от того, каков урожай. В метерях полевой культуры в голодные годы землевладельцу волей-неволей приходилось на практике идти на это. (См. выше стр. 100, прим. 6).

¹ №№ 48, 63—64, 65, 71

² № 62

³ №№ 7, 17, 63, 70, 116

⁴ Бюсьер, цитир. соч., сообщает, что в Lèguilhac 15 августа 1790 г. писец муниципалитета, разъясняя человеку шестидесяти половников декреты относительно феодальных прав, упомянул, повидимому, и половническую ренту или налог с колон; потом он отрицал это, уверяя, что говорил об его уничтожении лишь в том смысле, что такая мера впоследствии может быть постановлена Учредительным собранием. Департамент сместил его на следующий же день, предписав ему публично опровергнуть свои слова и передать суду. В июле 1793 г. департамент счел необходимым разъяснить крестьянам, что отмена феодальных прав ни в чем не изменяет половничества. В представлении крестьян половническая рента, повидимому, уподоблялась феодальной. Относительно этого пункта Бюсьер не приводит никаких разъяснений.

могло быть сомнений и в том, что, если землевладелец, в соответствии с декретом 15 марта 1790 г., произведет путем выкупа погашение всех поземельных оброков, он пожелает извлечь для себя из этого выгоду. Чтобы не оставалось никаких сомнений, Законодательное собрание, отменяя без выкупа феодальные права, на которые нельзя было предоставить первичных актов (*titre primitif*) постановило, что съемщик должен сверх арендной платы вносить землевладельцу шампар.¹ Таким образом для крестьянина, который не являлся землевладельцем, исчезали самые существенные выгоды реформы. Выше мы говорили о затруднениях, порожденных этими постановлениями в областях денежной аренды. Однако, они являлись незначительными по сравнению с областями половничества. В первом случае вопрос представлялся в совершенно ином виде: можно было утверждать, что, устанавливая прежде размер денежной аренды, землевладелец учитывал повинности, которые несет съемщик, и должен был теперь воспользоваться их отменой; что же касается половника, он смотрел на себя, как на компаньона хозяина, вошедшего в половинную долю; на его взгляд, повинности также следовало поделить поровну, — отчисление десятины из валового продукта соответствовало этому правилу. Правило это уже было нарушено, когда его принудили платить королевские налоги; он протестовал против этого злоупотребления и требовал отмены несправедливости. Как же было ему не возмущаться теперь, видя, как Национальное собрание еще усиливает ее? Тем более, что содержание духовенства было возложено на нацию, и ему приходилось платить налог, заменивший десятину. Самое меньшее, на что он мог согласиться, — это, чтобы на будущее время закон предоставлял сторонам право самим договариваться по этому вопросу.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что раздавались бурные протесты и происходили волнения. В 1790 г. в Перигоре, в Керсе, в Шарентской области (*pays Charentais*), крестьяне, считая, что феодальные права уничтожены, отказались платить землевладельцам поземельные ренты, которые те имели обыкновенно взимать до раздела, с тем, чтобы вносить их сеньеру.² В 1791 и в 1792 гг., когда десятина была отменена, и землевладельцы пожелали взимать ее вместо духовенства, в Ландах про-

¹ Декрет 25 августа 1792 г., статья 14

² Движение это известно главным образом, как противофеодальное, но не приходится сомневаться в том, что крестьяне оспаривали у владельцев и право пользования совокупностью оброков, которое они считали отмененным или же отмены которого стремились добиться. В 1791 г. в Сент-Аман-де-Монмор, шарентской деревне, была сооружена виселица со следующей надписью: „тут могла аристократов; половникам воспрещается платить ренты своим господам“. (Нац. арх. D XXIX, 17, обращение департамента к гражданам. 10 июня 1791 г.). 14 ноября 1791 г. в Комитет земледелия было представлено анонимное письмо с требованием декрета о предоставлении десятины половникам, дабы привязать их к Революции, „которую в Монтобане поддерживают одни только они“. Комитет оставил его без рассмотрения (Gerbaux et Schmidt, II, 455).

изошло восстание половников.¹ Во время плебисцита 1793 г. многие первичные собрания протестовали против декрета Учредительного собрания.² Несколько коммун, например, Arjuzaux (Ланды)³ и Saint-Martin-des Champs (Монна),⁴ принесли жалобы непосредственно Конвенту. В июле 1793 г. половники департамента Жер, — возможно, возбужденные плебисцитом, — подняли восстание.⁵ В департаменте Шер кюре Птижан советовал своим пасомым не уступать.⁶ В Перигоре и в Шаранте, Ру-Фазильяку пришлось вмешаться, чтобы предупредить волнения; по его предложению Комитет общественного спасения провел декрет 1-го числа II месяца II года (22 октября 1793), запрещающий землевладельцам требовать десятину и феодальные права с тех половников, которые работали без договора или же на основе договоров, заключенных после издания декретов, отменивших эти повинности.⁷ Принцип, установленный Учредительным собранием, сохранялся, следовательно, для более раннего периода, а на будущее время вопрос оставался открытым: Конвент ограничился запрещением употреблять ненавистные термины «десятина» и «шампар», на деле же не запретил взимать их, заявив, что не намерен мешать соглашению сторон. И не приходилось сомневаться, что землевладелец, вооруженный правом устранения арендатора, попытается сохранить в своих интересах упомянутые повинности. Хотя налог с колонов, *taxe colonique*, был более давнего происхождения, но, конечно, и на его развитие

¹ A. Richard. Les troubles agraires des Landes en 1791 et 1792. В *Annales Historiques de la Révolution française* IV (1927), стр. 564 и след.

² Riffaterre цитир. соч. стр. 353—4. Jars (Cher); Saint Paurçain (Allier); Ayen (Corrèze); Villebrunier (Lot-et-Garonne); кантон Le Dergue (Aveyron). Половники департамента Соны и Луары заявляли протест еще в 1792 (№ 67); коммуны Châtel-de-Nouveau и Gisy (Ollier) в начале 1793 г. обращались с петициями в Конвент. (№ 8) См. №№ 49, 116.

³ № 38.

⁴ Porée. Sources manuscrites de l'histoire de la Révolution dans l'Yonne I. 1.200, № 477; обращение от 28 августа 1793 г.; почти все земледельцы являются половниками из половинной доли продукта; землевладельцы заставляют их уплачивать десятину и *terrage* полностью; в случае отказа земледельцев, землевладельцы вызывают их на суд мировых судей, которые и присуждают их к уплате; наши земледельцы указывают вам на то, что в прежние времена десятина и *terrage* уплачивались на поле, с общего продукта землевладельца и пахаря; хозяин платил свою половину точно так же, как и земледелец: в настоящее время, когда отменены возмутительные права, землевладелец хочет, чтобы его половник из половинной доли уплачивал все.

⁵ Bregail. Une insurrection des bordiers dans le Gers en 1793 в *Bulletin de la Société du Gers*, 1901 г., стр. 173. Около 10 июля половники подняли восстание в дистриктах Mirande, Mélan и Montesquieu; 14-го они собрались в Миранде, заявляя, что снимут голову с каждого землевладельца, явившегося требовать десятину, «которая принадлежит нам целиком».

⁶ Campagnac. Le curé Petitjean в «*Révolution française*» XLV (1903), стр. 431; он советовал не платить и сам платить отказался.

⁷ После издания закона 17 июля 1793 г. департамент Dordogne обнародовал инструкцию с разъяснением, что отмена феодальных прав отнюдь не имеет отношения к *rente colonique*. Доклад Ру-Фазильяка и декрет опубликованы в *Arch. Parlem.* LXXVII, 410—411.

это оказало благоприятное влияние, — самое название десятины сохранилось в Ландах и в Арманьяке вплоть до наших дней.¹ Возможно, что во время террора землевладельцы считали нужным соблюдать известную осторожность,² не говоря уже о том, что не раз реквизиции вынуждали их довольствоваться уплатой в ассигнациях. Тем не менее, столкновения не прекращались, как то доказывают и петиции и требования со стороны многих судебных властей на местах разъяснений от Конвента, который отсылал всех к постановлению, изданному им в брюмере.³

Действительно, примирить регламентацию с правом земле-владения здесь было гораздо труднее, нежели в областях денежной аренды. С того момента, как государство установило максимальные цены на зерно и фураж, было бы естественно таксировать и размеры арендной платы. Вмешательство же в раздел самого продукта было бы делом несравненно более серьезным; оно означало бы решительный удар по принципу свободы соглашения и по римскому понятию собственности. Однако же, юридическое определение половничества предоставляло выход. Крестьянин, согласно обычаю, рассматривал его как товарищество, а следовательно, закон мог его регламентировать. С другой стороны, поскольку робеспьеристы, так же как и крестьяне, допускали, что понятие собственности не дает еще неограниченных прерогатив, и что закон в праве их определять, им представлялся прекрасный случай применить тут свою доктрину и пожать при этом плоды популярности.

Как уже было нами отмечено, половники удовлетворялись бы меньшим: можно было бы постановить, чтобы арендный договор заключался публично, как они и предлагали это, в присутствии муниципалитета или мирового судьи; чтобы счетная

¹ A. Richard, цитир. статья; Logé, цитир. соч., стр. 52—53; в XIX веке взимание десятины было обычным явлением в Верхнем Арманьяке; часто встречалось оно и в восточной части нижнего Арманьяка (из одиннадцатой части), реже в западной; с вина же она бралась повсюду. Другие авторы исследований половничества не отмечают ее. Но уже в 1792 г. половники департамента Соны и Луары утверждают, что отмена десятины и сеньериальных прав повлекли за собой увеличение единовременных взносов («des belles mains») и барщины (№ 67).

² См., напр., обращение одного из них к Конвенту в мессидоре III г. (№ 107).

³ Постановление о переходе к очередным делам, в ответ на петицию половников кантона Sos (департамент Ло-и-Гаронны) относительно десятины, взимавшейся одними только землевладельцами и притом исключительно в их пользу. Подобное же постановление от 13 брюмера II г. в ответ на петиции многочисленных санюлолов Верхней Вьенны, которые до своего отправления в армию сняли в аренду земли у «богатых фермеров» с обязательством уплачивать, кроме аренды, еще и сеньериальные ренты, а теперь, когда эти повинности отменены, отказываются их платить. Подобное же постановление от 27 нивоза II г. в ответ на петицию Портье, делегата от первичного собрания кантона Mourgeon (?) (департамент Аллье), требующую отмены десятины «как для землевладельцев, так и для колонов, с обязательством для колонов платить половнику налогов». (Сагон. Les droits féodaux № 158). Постановление о переходе к очередным делам в ответ на запрос мирового судьи из Андело (Верхняя Марна) (там же № 166); другое от 26 прериаля II г., в ответ на запрос суда в дистрикте Châtre (департамент Индре): имеет ли землевладелец право требовать десятину и ренту, которые получал до их отмены? — ответ утвердительный (там же, № 177).

книга была поставлена под такой же контроль, а спорные случаи разбирались бы посредниками. В термидоре II г. коммуны кантона Рошмонтань (Сен-Сюльпис в департаменте Ньевр) вновь потребовали подобного рода мероприятий. Даже достаточно было бы упразднить генеральных фермеров. Так как Революция ничего этого не сделала, эти последние продолжали свою деятельность, налог с колонов (la taxe colonique) и барщина увеличивались или сохранялись в силе, и в 1913 г. в палате депутатов оказалось возможным описать положение половников и изложить их жалобы в тех же выражениях, которые сто с лишним лет назад употреблялись санкюлотами II г.

Глава четвертая

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Существует и другая сторона аграрного вопроса, более или менее освещенная в других петициях, — регламентация земледелия. Сельский кодекс, вотированный Учредительным собранием, давал крестьянину право эксплуатировать свою землю, как ему угодно; отныне он повсеместно мог путем огораживания избавиться от права выгона на паровые и сжатые поля (vaine pâture), а главное, он больше не подчинялся обязательному севообороту; правда, на деле последний исчезал лишь постепенно и медленно, но Учредительное собрание уже нанесло ему косвенно серьезный удар, воспретив выгон на поля, которые засеивались кормовыми травами. Конвент не отменял этого принципа, провозглашенного в 1791 г.; в его прениях он никогда не оспаривался; больше того, в параграф XVII декларации прав 1793 г. он внес принцип свободы сельскохозяйственной культуры. Мы не будем здесь детально исследовать этого вопроса. Следует только напомнить, что большинство сельского населения и добрая половина горожан не одобряли состоявшегося решения, и что у нас нет оснований предполагать, чтобы по этому пункту робеспьеристы не разделяли точки зрения своих коллег.

Сельский пролетариат и сами мелкие землевладельцы-хозяева (exploitants) почти всегда сохраняли, — и не из одной толькой рутины, но движимые подлинной выгодой, — приверженность к традиционным обычаям. Так как разведение скота было для них главным источником существования, они не могли обойтись без права свободного выгона. Но уже при старом порядке оно было под угрозой, с одной стороны, вследствие уменьшения площади пара, происходившего по мере того, как распространялись некоторые культуры, вроде масличных растений, марены и виноградной лозы, или же пашни превращались в леса, в плодовые сады, засеивались травами, с другой — вследствие огораживания лугов. Свобода эксплуатации и запрет, наложенный на поля с кормовыми травами, естественно ускорили эту эволюцию. Озабоченные вопросом своего существования, крестьяне кроме того были напуганы и все прогрессирующим уменьшением площади

зерновых культур.¹ Самые бедные упорно защищали права «гланжа» и «шомажа», к отмене которых стремились фермеры, — точно так же как и обычай жать серпом, не употребляя косы, которая, подрезая колос у самой земли, не оставляла для них никакой поживы.² Во многих отношениях аграрное восстание 1789 г. дало им возможность вернуть позиции, утраченные ими с XVII века.

¹ В наказах встречаются требования запретить обращение под виноградники земель, пригодных для культуры злаков, или же установить известную пропорцию; в некоторых высказывается пожелание, чтобы виноградная лоза недавней посадки была вырвана: Essoles, Pissefontaine près Triel, Vernouillet-sur-Seine (Paris hors les murs); третье сословие бальяжа Туля; Autray, Housseville (бальяж Везелисе); Jouy-aux-Arches, Onville, Waville (бальяж Метца); Ancy-sur-Moselle (бальяж Вик); Chervey (бальяж Труа); Soullaines, Quincy (Анжерское сенешальство). Третье сословие бальяжа Ламарш; Béars и Bouzies. Labastide, Luzech и Saint-Cayrouse, Saint-Michel (Кагорское сенешальство); третье сословие Марсельского сенешальства — Fai (бальяж Алансона) и Souvigné près de la Ferté-Bernard (департ. Maine) протестуют против распространения посева кормовых (herbages); Фэ также высказывается против кормовых трав; на них нападают и в окрестностях Парижа, (Paris hors murs); запрещение сеять люцерну на ржаных полях, (Coubert, Jagny, Longperice) сократить посевы люцерны до одной четверти общих посевов (Mandres) сократить их до одной шестой, так как они лишают бедных возможности гланжа и сбора соломы на покрытие крыш (Villeron). Точно так же высказывается и третье сословие бальяжа de Nogent-sur-Seine, Courtavon, Cranpey, Romilly (бальяж Труа). В Moissy-Cramayel (Paris hors murs) желают запрета разводить леса; в Keprich (бальяж de Dieuze) заменять хлеб мареной; в Ruzieux (бальяж de Mirécourt) сажать картофеля больше одной меры на семью: он вызывает эпидемии, падеж скота и т. д.

² Гланж был предметом бурных споров в деревнях; в период жатвы приходы наводнялись беднотой из окрестных мест и бродягами-нищими, и обычай этот легко вырождался в грабеж; впрочем, и зажиточные люди тоже, не краснея, занимались гланжем; а с другой стороны зажиточные земледельцы старались вовсе его упразднить к ущербу честных бедняков, — они заставляли своих детей и слуг заниматься сбором колосьев, или же выгоняли в поле стада сразу же после уборки снопов. Дворянство и третье сословие, а также и многие приходы Булоннэ требуют, чтобы право гланжа было сохранено исключительно за детьми, стариками и инвалидами, имеющими удостоверение, между тем как другие приходы хотят запретить крупному земледельцу выгонять стада на сжатые поля раньше истечения установленного трехдневного срока (то же и Le-Pin, подле Ланьи, в Парижском превоте). Во время Революции в Собрания поступали петиции в противоположном смысле; в защиту гланжа — бедняки Tugny, Bray, Lavone, Artens, Senancourt, Happencourt, Dury (департамент Aisne) — 29 июля 1790 г.; нищие и калеки Bezu-la-Forêt, избирательный округ Лиона, 3 августа 1790 г. (F¹⁰, 284); отцы семейств в Мерю (Oise) 18 фруктидора II г. (F¹⁰, 210); анонимная записка, август 1790 г. (F¹⁰, 284); петиция жителей Farceaux август 1790 г., и муниципальных служащих и большинства жителей Gaillarbois, подле Andelys, сентябрь 1790 г., — о том, чтобы сохранить для жителей гланж (F¹⁰, 284). Против гланжа: анонимная записка из Пикардии, июль 1790 г.; другая от Ленуара, бывшего сеньера Brillon (Эра и Луара), август 1790 г.; третья от Лембара, бывшего королевского судьи в Тарасконе, 10 июля 1790 г. (F¹⁰, 284); петиция муниципалитета и жителей Монсеах les-Bray (Сена и Марна), 21 июня 1791 г.; национального агента в Corbeil, 14 февраля II г.; Юре, бывшего почтмейстера и земледельца в Pont-sur-Yonne, 29 прериаля II г. (F¹⁰, 285); Жуанне, землевладельца и мирового судьи в Arc-sur Tille-Cot-d'Or, 14 прериаля II г. (F¹⁰, 212b); революционного комитета в Longjumeau, 28 флореаля II г. (F¹⁰, 453). Впрочем, большинство враждебных петиций ограничиваются требованием строгой регламентации; Жоанне требует полной отмены гланжа. Право шомажа и вопрос об употреблении косы, делавшем его

Они уничтожали часть огораживаний, всюду восстановив свободный выгон. Они вернули в свое владение леса, преданные на разграбление¹. Но с точки зрения законности они ни на шаг не продвинулись вперед, ибо едва только в деревнях восстановится порядок, как можно будет, опираясь на Сельский кодекс, отнять у них все преимущества, которых они добились явочным порядком. И однако, их петиции, — очень многочисленные вплоть до 1791 г., — в позднейшие года почти не настаивали на всем этом. В картонах Комитета земледелия мы скорей находим такие петиции, которые показывают, что порядки, созданные восстанием, продолжали существовать вопреки Сельскому кодексу, и понятно, что деревенская беднота этим удовлетворялась².

Но в вопросе о севообороте и способах земледельческой культуры конфликт попрежнему был довольно сильным. Может возникнуть предположение, что против свободы земледельческой культуры протестовала лишь батрацкая масса, не ведшая самостоятельного полевого хозяйства, или возделывавшая только огород, и что все землевладельцы, фермеры и полovníки должны были являться ее сторонниками.

Когда просматриваешь указы и петиции, то поражаешься, видя, что посевы кормовых трав были гораздо больше распространены, чем мы это себе представляем, — по крайней мере так обстояло дело в наиболее плодородных и процветавших областях. При старом режиме трудно было защитить их от права vaine pâture; повидимому, это удавалось только во Фландрии благодаря ее кутюмам и в Эко и Камбрези благодаря ордонансам интендантов. Ютныне вопрос решен был для всей Франции, и преимущества кормовых культур нам представляются такими бесспорными, что, кажется, все сельские хозяева, должны были бы

призрачным, также являются предметом горячих споров; смотри, например, указы бальяжа Этампа (Angerville, Courances, Maison Oisonville, Thianville) и петиции бедных жителей Pertin, коммуны Muel (Ile-et-Vilaine) 6 июля 1790 г.; девяти жителей из Ribenont (департ. Aisne) 23 июня 1790 г. (F¹⁰, 210), некоторых жителей в Merville (Beauce) 29 августа 1790 г.; синдиков и жителей Saint-Vaast de Longmont, Sainstines, Nery и Vaucelles (Ваза) 1790 г.; жителей Gricourt (Aisne) 20 фруктидора II г. (F¹⁰, 284); против права шомажа: записка некоего Леклерка, бывшего окружного мэра, 22 августа 1791 г. (F¹⁰, 284); в защиту косы постановление избирательного собрания дистрикта Roponne 26 июля 1790 г. (там же).

¹ Lefebvre, G. Les paysans du Nord, стр. 407, 601, 719; по вопросу о vaine pâture в последние годы старого порядка и во время Революции см. две статьи M. Bloch. «La lutte pour l'individualisme agraire dans la France du XVIII-e siècle» в Annales d'histoire économique et sociale, 1930.

² Впрочем, нельзя сказать, чтобы вовсе отсутствовали петиции в защиту права свободного выгона и против огораживания. Даже в позднее время, например 5 мессидора II г. «санкюлоты, составляющие народное общество в Parly» (дистрикт Auxerrois), протестуют против закона, разрешившего свободу огораживания (имеется в виду Сельский кодекс, законченный 29 сентября 1791 г.): «закон этот мог быть создан только богачами и для богачей в такое время, когда свобода была еще только простыми словами, а равенство — химерой». Они желают, чтобы права свободного выгона были восстановлены, как прежде, или чтобы по крайней мере землевладелец мог производить огораживание не иначе, как с одобрения генерального совета коммуны (F¹⁰, 285).

заявить себя сторонниками Сельского кодекса. Действительно, они до известной степени хорошо использовали предоставленную им свободу, особенно, когда максимум на зерно заставил их заняться разведением других культур. Однако, их сопротивление было сильнее, чем мы могли бы предположить. В ноябре 1792 г. прокурор коммуны Турвилль подле Фекана (Fécamp), отмечая, что в течение трех последних лет контракта фермер обычно засеивает паровые поля, доводя их тем самым до истощения, указывает на необходимость собрать в главном городе кантона и лучших представителей землевладельцев и фермеров для обсуждения ряда сельскохозяйственных вопросов, список которых он приводит, дабы установить добрые обычаи и составить протокол собрания, который бы имел юридическую силу: все должны были бы его придерживаться»¹. Еще любопытней записка муниципалитета Васкеруис (департамент Eure) от 24 брюмера III г. В ней содержится донос на гражданина Дюамеля, владеющего сотней акров пашни и не возделывающего ее как следует, хотя ему и давали советы и указывали, как бы следовало поступить «в соответствии с обычаями дистрикта». «У него двадцать акров засеяно клевером, они ничего не приносят Республике... часть засеяна ячменем и приносит малый урожай, так как этот злак не подходит к составу почвы. Меньшая часть под овсом, такой посев лучше всего подходит к почве, но он сеет его мало»². Что касается сельского пролетариата, его точка зрения не вызывает сомнений. В наказе Coubert в Парижском преводе, уже требовалось восстановление свободного выгона на луга, причем выдвигался тот неожиданный довод, что отмена его заставит фермеров прибегнуть к посеву кормовых трав, а это «настолько истощит пар, что и не заметишь, как земля станет бесплодной». Начиная с 1793 г. и вплоть до III г. раздаются протесты против их распространения, так как последнее должно усилить голод; петиции исходят не только от народных обществ в деревнях и городах, но также, например, и от мэра коммуны Villegart (кантон Расу-сюр-Еуре)³ или от народного общества в Bossé (департамент

¹ Нац. арх. F¹⁰, 320.

² Нац. арх., F¹⁰, 210. 28 нивоза III г. муниципалитет этот снова вернулся к тому же вопросу (F¹⁰, 233).

³ Петиция Кадо, мэра в Виллегаре, относится к 28 вандемьера III г. (F¹⁰, 233): «Земледельцы моей и соседних коммун позволяют себе засеивать свои высококачественные земли люцерной, клевером и т. д. ... И каждый такой акр земли, нынче превращенный в прекрасный кормовой луг, дает корм скоту, а людям не дает ничего, между тем как в прежние годы он обычно приносил двадцать центнеров пшеницы». Кадо требует декрета, запрещающего пускать под кормовые травы свыше одной двадцатой части первоклассной земли, а землю второго и третьего сорта отводить под них не иначе, как «с ведома муниципалитета и после того как он обсудит, нуждается ли это поле в перемене культуры для поднятия его производительности». Всякий земледелец, относительно которого муниципалитетом будет признано, что он изыл из-под производства продукта, являющегося для человеческого существования предметом первой необходимости, излишнее количество возделываемой им земли, обратив ее под производство продукта, потребного для скота, и сделал это в видах личной выгоды, — будет обя-

Sarthe), в данном случае лишь принявшего предложение, исходящее от мирового судьи.¹ Во время плебисцита 1793 г. самый принцип свободы землепользования подвергся резкой критике на многих первичных собраниях в деревнях.²

Другие факты свидетельствуют о том, что общинное чувство сохранялось незатронутым в деревнях. Во время Революции сельские муниципалитеты энергично защищали свое традиционное право устанавливать сроки косьбы, жатвы, сбора винограда; Учредительное собрание сохранило лишь право устанавливать срок сбора винограда и то только в отношении не огороженных виноградников.³ Мелкие хозяева повсюду жаловались, что земле-

зан в установленный Конвентом срок поднять столько нови, сколько «муниципалитет найдет у него излишка земли». См. также № 102.

¹ Петиция общества Бесе относится к 29 сентября 1793 г. (F¹⁰, 285): «после обнаружения максимума земледельцы стали отводить треть или четверть всей земли под клевер: «вы не раз видели, как в какой-нибудь ферме первоклассные земли размером от десяти до пятнадцати арпанов остаются целых два года под клевером, который пускается на семена, а остальную часть года служат для свободного выгона. Эта же земля дала бы каждой ферме по 300-400 буассо хлеба». Общество требует, чтобы земледельцам, «чьи земли были разбиты на обычные поля за пять лет до той счастливой эпохи, в которую мы живем, было запрещено менять севооборот на их землях... отводить больше одной двадцатой доли обычного поля под семена клевера, если только эта земля пять лет назад не была поделена на четыре полосы и не возделывалась всегда таким способом.

² Riffaterre, цитир. соч., 347. Кантон Mainpville (департамент Eure): воспретить земледельцу отводить свыше одной двенадцатой части земель под люцерну: «они сеют ее в неумеренном количестве». Кантон Ceton (департамент Orne): муниципалитеты должны установить размеры поля, отводимого под кормовые травы. (Собрание состояло из поденщиков.) Безземельные кантона Vibraye (департамент Сарты): распространение лугов и лесов делает рабочую силу излишней. Ряд секций кантона Lagny (департамент Сены и Марны) указывает на то обстоятельство, что если не регламентировать культуры, землевладелец сможет «лишить граждан продукта своих земель, пуская их под посевы, ненужные или противные благу и народной выгоде». Одна из этих секций предлагает ограничить площадь парков и посева других культур, кроме хлебов; подобное же предложение приняли секции Boissy-Saint-Georges, Croissy, Chanteloup большинством 152 голосов против одного; в Boissize-la-Bertrand — 169 против 241. В Issy, подле Парижа, вопрос о регламентации не был включен в повестку дня.

³ Петиция Гуйяра, бывшего мэра Суассона, оштрафованного муниципалитетом Кюсси за то, что он 9 октября 1790 г. без разрешения начал сбор винограда (F¹⁰, 320); установление срока сбора винограда муниципалитетом Расу-сюр-Еуре, где еще в 1790 г. было 15 гектаров виноградников (Isambard. La révolution à Racy-sur-Eure (стр. 105). Жалоба муниципалитета Chateinois (департамент Мейсе), установившего сроки косьбы и наказавшего нарушителя: постановление это было, на основании Сельского кодекса кассировано 28 июля 1793 г. трибуналом дистрикта Нефшато (F¹⁰, 284); петиция генеральных советов коммун кантона Pierrefitte (дистрикт Saint-Mihiel), направленная к установлению сроков косьбы и жатвы б. д. (F¹⁰, 285). Высшие власти не были единодушны в этом вопросе: дистрикт Сомюр 21 сентября 1791 г. отнесся к вопросу об установлении сроков сбора винограда благосклонно; департамент Мэны и Луары враждебно (F¹⁰, 320). Мнения земледельцев тоже разделились: Бушерон в Жуаньи враждебен (Gerbaux et Schmidt, т. I, 573, 8 октября 1790 г.); Генно, в Аваллоне, 31 августа 1790 г. Барде-де Нандижон, прево в Вермантон, 9 октября 1790 г. благосклонно одобряют установление сроков виноградного сбора (F¹⁰, 284). Своё право надзора муниципалитеты простирали и дальше. В мае 1790 г. Ламурэ, фермер в Bretigny-sur-Orge, сообщает, что муниципалитет оштрафовал его на

дельцы, имеющие по несколько упряжек, отказываются вспахать у них поля, либо же требуют чрезмерной платы; они желают, чтобы это было вменено им в обязанность, и была бы установлена плата за такие работы.¹ Закон 6 сентября 1793 г., имевший ввиду обеспечить земледельческие работы на период жатвы во II г., дал им временное удовлетворение; равно и закон 29 сентября, предписывавший установление максимума на заработную плату, позволил муниципалитетам таксировать пахоту и подводы.²

Уже было отмечено, что и сама буржуазия не без колебаний и оговорок допускала свободу в области земледелия. Одни опасались злоупотреблений, которые могли допускать фермеры, или же были убеждены, что всякое новшество заслуживает осуждения; в договорах долго продолжало встречаться запрещение менять севооборот или сроки полевых работ; генеральный совет департамента Нижней Сены 5 декабря 1790 г. потребовал, чтобы, вопреки принципу свободного соглашения, провозглашенному Учредительным собранием, было особым декретом регламентировано право пользования соломой под конец договора съезжающим фермером.³ Другие считали, что земледельцев следует обязать вводить проверенные опытом улучшения, так округ Villeneuve-sur-Lot предложил I вантоза II г. обязать их отводить известную часть земель под кормовые травы.⁴

Что касается городского населения, оно целиком было на стороне регламентации, ибо было заинтересовано в преобладании зерновых культур и легко приходило в тревогу, когда ему указывали на новшества, которые могли пойти в ущерб его удовольствию.

Закон 16 сентября 1793 г. показался недостаточным: не прекращались требования более суровых мер для обеспечения засева пашни хлебом и наказания нерадивых земледельцев и землевладельцев.⁵ Многочисленные народные общества требовали,

четыре луи в пользу бедных, потому что он оборвал листья и прополол поле на протяжении 80 арпанов, где рожь была слишком густой (F¹⁰, 284).

¹ Наказ Jaignes (Парижское превоте): землевладельцев следует обязать вспахать землю для тех, у кого ее не больше одного — двух арпанов, за обычную плату, соответствующую ценам на продукты. 14 мая 1793 г. Мориз, агроном в Эврэ требует установления максимальной платы за пахоту (крупные земледельцы отказываются обрабатывать чужую землю; другие же требуют по 90 ливров с акра); таково же требование комитета надзора в Моëте (дистрикт Шатильон на Сене 1793) (F¹⁰, 284); см. № 27, 45, 49, 103; в период максимума подобные жалобы были нередки, и, нормируя заработную плату, муниципалитеты часто устанавливали и тариф на пахоту и подводы.

² По поводу этого закона см. Mathiez. La vie chère et le mouvement social pendant la terreur, стр. 449; G. Lefebvre. Les paysans du Nord, стр. 698.

³ F¹⁰, 320.

⁴ F¹⁰, 331. См. также: донесение одного члена департамента Ланд от 27 брюмера III г. (F¹⁰, 212); петицию Делаacro, земледельца в Jaulsy, дистрикт Компьена, от 13 вантоза II г. (там же); записку Маннье, члена комитета надзора в Loulay-sur-Egrenne, дистрикт Домфрона, направленную к запрещению „отвратительного обычая поднимать цепину под посевы гречихи“. (F¹⁰, 285).

⁵ Петиции, направленные к регламентированию культуры: народного общества в Отэне от 20 апреля 1793 г. (F¹⁰, 284); департамента Сарт от 5 декабря 1793 г.; народного общества в Монпелье, одобрена департаментом от 21 сен-

чтобы были возвращены под зерновые культуры земли, отведенные под виноградники, пастбища и кормовые травы.¹

тября; общества друзей свободы и равенства в Ля-Рошели от 19 сентября; народного общества в Морлаксе от 20 сентября; народного общества в Кондоме от 4 сентября II г. (F¹⁰, 264); республиканского общества в Коидоме от 28 сентября 1793 г.; народного общества в Руане от 28 первого месяца II г. (F¹⁰, 232); народного общества в Мане (Mans) конце сентября 1793 г.; народного общества в Avesne, вантоз II г. (F¹⁰, 285); записка комитета надзора в Марсели, от 28 брюмера II г. (F¹⁰, 331).

Петиции, направленные к регламентированию соотношения площадей разных культур: общества друзей конституции в Сент-Эспри (Ланды) от 7 сентября 1793 г. — „предписать засев обычного количества земли“ (F¹⁰, 264); республиканского общества в Вилле-Коттере от 11 вантоза II г. — „обязать фермеров отвести по арпану с сохи под картофель, по поларпану под овощи“, Арто-старшего из Sainte-Réparate, дистрикт Экс „предписать в будущем году засеять по меньшей мере одну шестую земли, засеянной в этом году“ (F¹⁰, 320), народного общества в Монтришаре (департамент Эндра-и-Луары) от 27 брюмера II г. — „предписать засадить картофелем по меньшей мере одну двадцатую пашни, — ограничиться предложением было бы недостаточно“ (F¹⁰, 315).

¹ Против посева кормовых трав: народное общество в Отэне 29 августа 1793 г. (F¹⁰, 284); народное общество Сен-Флорентэна: засеять зерном все земли, отведенные под кормовые травы, 18 брюмера II г. (F¹⁰, 285); народное общество в Ножане-Республикане (бывшем Rotrou), 4 флореала и 12 мессидора II г.: „они за несколько последних лет чрезвычайно размножились“; среди причин голода „несомненно следует указать и это чрезмерное распространение кормовых трав, засеваемых в течение восьми, десяти лет подряд;“ на этот счет существуют репрессивные законы. Оно желает познакомиться с ними (F¹⁰, 285).

За ограничение маслосносных зерновых культур: общество друзей республиканской конституции в Yvetot, сентябрь 1793 г. (F¹⁰, 2126); граждане Готье и Дешам, в Дьеппе, 8 марта 1793 г. (F¹⁰, 320); П. Башелье, уполномоченный первичного собрания кантона Гранкура (дистрикт Нефшато), первый месяц II г. (F¹⁰, 232); петиция „Республиканцев Руана“, направленная к распространению на всю Республику постановления департамента Нижней Сены (см. стр. 126, прим. 2), первый месяц II г. (F¹⁰, 232); ср. № 85. Вернуть под хлеба земли, засеянные мареной: народное общество в Бонюсе, дистрикт Карпантра, 25 жерминаля II г. (F¹⁰, 264); сократить площадь, занятую виноградниками, и вырвать недавние насаждения лозы, или же вообще те, которые занимают земли, пригодные для культуры злаков: Матье, секции Гренельского Фонтана, ливоз II г. (F¹⁰, 285). Шампань: дистрикт Жуанвилля, 25 брюмера II г.; гражданин Жакмар в Витри-на-Марне, 22 вантоза II г. (F¹⁰, 285); народное общество в Gué-sur-Seine и Mussy, (департамент Об.) б. д. (F¹⁰, 264). Долина Луары: революционное общество Блуа, 23 первого месяца II г. (F¹⁰, 284); муниципалитет Монтришара — по требованию народного общества, 17 октября 1793 г.; жители Шиннона, 9 октября 1793 г.; народное общество в Вуврэ, 28 вантоза II г.; народное общество в Gièr, 13 жерминаля II г. (F¹⁰, 285); революционный комитет в Божанси, 19 вантоза III г. (F¹⁰, 212 в); Тартиво, земледелец в Курсель-ля Ривьер, подле Питивьера, жерминаль II г. народное общество в Амбуаре, 2 жерминаля II г. (F¹⁰, 331); Генеральный совет департамента Эндра и Луары, 28 брюмера II г. (F¹⁰, 320). Протесты редки: граждане Виллебарона (департ. Лауры и Шеры) высказались с большой резкостью, — плювиоз II г., — против петиции народного общества в Блуа (F¹⁰, 285). Центр: народное общество в Бурже, 2 жерминаля II г. (F¹⁰, 264); Ларбо, гражданин дистрикта Кюссе (F¹⁰, 285); см. № 38. Бургундия и Конте: народное общество в Beaume-le-Jura, жерминаль II г., и национальный агент дистрикта Макон, 30 плювиоза II г. (F¹⁰, 264); народное общество и собрание жителей в Тоннере, 9 ливоза II г.; гражданин Сонно, в Клюни, 30 сентября 1793 г.; адрес департамента Соны и Луары, плювиоз II г. (F¹⁰, 285); республиканское общество Шатильона-на-Сене, 28 брюмера II г. (F¹⁰, 320) — Эльзас и Лотарингия: коммуна Кайзерсберг (Верхний Рейн), февраль 1790 г. (F¹⁰, 284); департамент Мерты, 10 брюмера и 9 плювиоза II г. (F¹⁰, 320 и 285); (соображения по поводу трудностей регламентации — Марешаля, владельца вино-

Санкюлоты ожидали, что революционное правительство, озабоченное тем, чтобы обеспечить продовольствием страну, блокированную союзниками, не преминет их удовлетворить. Действительно, под их давлением в некоторых местах администрация и даже комиссары Конвента решались на это. 29 июня 1793 г. департамент Aisne постановил, чтобы впредь до решения Конвента земледелец обязан был сохранять обычную трехпольную систему: озимые, яровые и пар, и запретил заменять зерновые культуры культурами, непригодными для питания человека.¹ 13 сентября департамент Па-де-Кале и 10 октября дистрикт Лилля одобрили подобные же меры. 7 сентября дистрикт Дьеппа, с одобрения комиссара Конвента Луше, запретил засеивать сурепицей больше одной двадцатой пахотной земли, а департамент Нижней Сены распространил эту меру 17 сентября на весь округ. 5 вантоза II г. Гарнье де-Сант предписал вырвать лозы, насаженные в долине Луары, начиная с 1789 г. В департаменте Шеры Мишо ограничился тем, что запретил новые насаждения.² В проект относительно способов изжить голод Лоран Лекуантр внес 30 апреля 1793 г. запрещение менять севооборот на землях, предназначенных для культуры злаков.³

Декрет 16 сентября 1793 г. ограничивался тем, что обеспечил засев земель, не дав никаких предписаний относительно их назначения под ту или иную культуру. Но в первые месяцы II г., когда влияние эбертистов было очень сильным, и центральная администрация стала в свою очередь склоняться к крайним мерам: в бумагах Комитета земледелия существуют доклад и проект декрета, относящиеся к фримэру и имевшие в виду воспрещение всяких новых насаждений виноградной лозы и предписание вырвать те, сбор с которых за последние два года не превысил на

градников в Ромреу, 8 плювиоза II г. (F¹⁰, 285). Аквитания: народное общество в Sarlat, 30 вантоза II г. (F¹⁰, 232); анонимная петиция из Мюссидана, 20 прериала II г. (F¹⁰, 266); народные общества Монпона (департамент Дордонь), 4 нивоза II г., и Кондома, 10 нивоза II г. (F¹⁰, 285). Лангедок: обновленное народное общество в Saint-Paul-de-Fenoilhèdes, 1 жерминаля II г.; народное общество в Sette (sic), 5 фримера II г.; гражданин Сальз в Сент-Андре (дистрикт Лодев), брюмер II г.; народные общества Нима, 20 брюмера II г., и Безьера, фример II г. (F¹⁰, 285). Многочисленные нормандские петиции направлены к возвращению лугов под пахоту: Лефель, конституционный кюре Экмовилля (департамент Кальвадос), 22 сентября 1793 г. (F¹⁰, 212 b); гражданин Роже из Пон-Л'Евека, 13 сентября 1793 г.; народные общества в Гурне, 7 октября 1793 г. и в Ножан-ле-Ротру, 2 сентября 1793 г. (F¹⁰, 264); три секции коммуны Лизье, 23 брюмера II г. комитет надзора и жители Вельера, кантон Орбек (Кальвадос), 13 плювиоза II г. (F¹⁰, 285); муниципалитет Бьенфэт, дистрикт Лизье, 7 января 1794 г. (F¹⁰, 331); народное общество Ферте-Бернар, 14 вантоза II г. (F¹⁰, 233); см. № 54; граждане Толэн, из Формантена, и Манерб (дистрикт Пон-Л'Евек) протестуют против мероприятия подобного рода (F¹⁰, 331).

¹ F¹⁰, 264.

² Mathiez. La vie chère, стр. 444—446. Lefebvre. Les paysans du Nord, 702 Arch. nation. F¹⁰, 264, Gerbaux et Schmidt, III, 348. Постановление департамента Па-де-Кале. было опубликовано Жакобом в Annales historiques de la Révolution Française, 1925, стр. 206.

³ Arch. parlem., XIII, 632.

одну треть расходов по эксплуатации.¹ Решение вопроса было отложено: было принято постановление произвести сначала анкету, к которой, впрочем, так и не приступили. Поучительно сравнить с этим проектом доклад, составленный Комиссией по продовольствию в конце вантоза в ответ на постановление департамента Нижней Сены относительно масленосных злаков, постановление, состоявшееся уже полгода, назад, но только что ей сообщенное: она его критикует самым решительным образом и не колеблясь усматривает в подобных мероприятиях дело рук «ложных революционеров», разоблаченных Робеспьером «в докладе 18 плювиоза»; и хорошо еще, если она согласна допустить, что администраторы Нижней Сены повинны не в злонамеренности и конспирации, а только в невежестве и заблуждении.²

¹ F¹⁰, 226. В декаду, когда будет обнародован декрет, местная администрация должна обследовать виноградники; на первый день декады муниципальные агенты созовут всех фермеров и земледельцев округа; основываясь на их мнении, они составят протокол, — откладывать его составление нельзя больше, чем на декаду; затем они отдадут распоряжение владельцу или же арендатору виноградников, предназначенных к уничтожению, и дадут им подписать в конце протокола обязательство сообразоваться с ним; если они откажутся исполнить это постановление, или пренебрегут им, муниципалитет после двукратного требования, произведенного с трехдневным промежутком, поставив обо всем в известность собрание по этому случаю первичное собрание, произведет засев за счет ослушников, которые сверх того уплатят штраф в двойном размере по сравнению с обложением лучшей земли в коммуне.

² F¹⁰, 232. Постановления дистрикта Дьеппа и департамента Нижней Сены были пересланы 14 вантоза в Комиссию по продовольствию двумя ее агентами. Доклад отмечает, что на Севере с начала войны уменьшилась культура сурепицы и что Франция лишена голландского растительного масла. С другой стороны, «взгляд, будто, расширяя посевы злаков, можно в той же пропорции увеличить урожай их, являясь мнением, правда, достаточно распространенным, тем не менее составляет грубое и поистине губительное заблуждение... Мы убеждены поэтому, что вы не можете заодно с дистриктом Дьеппа считать, будто сельские хозяева, засеивая сурепицей земли, которые, по его словам, должны быть засеяны злаками, приносят в жертву своим личным интересам существование своих братьев; не станете вы также заодно с ним думать, что это подлый проект, достойный Питта и Кобурга, угрожающий нам впереди всеми ужасами голода. Наоборот, кажется, Питт и Кобург могли бы радоваться, если бы, в силу неосновательных опасений, мы отвели под хлеба все поля, обычно засеваемые растениями, которые, не являясь, правда, совершенно необходимыми для жизни, не менее того полезны, для промышленности и торговли. У ложных революционеров, — сказал Робеспьер в своем докладе 18 плювиоза в национальном Конвенте, — желание предупредить зло всегда является основанием, чтобы его увеличить. На Севере резали кур под предлогом, что они пожирают зерно, и оставили нас без яиц; на юге вставал вопрос о том, чтобы уничтожить шелковицы и апельсиновые деревья под тем предлогом, что шелк — предмет роскоши, а апельсины — излишество. Это все одна и та же система и один и тот же план: шла уже речь о том, чтобы вырвать оливковые деревья; теперь национальный агент дистрикта Реоль, департамента Вес д'Амбез, предлагает нам уничтожить часть виноградников; кто знает, может быть, завтра другие департаменты запретят культуру льна, конопли, кормовых трав и вообще всего, что не относится к злакам, под тем специфическим, обольщающим массы предлогом, что надобен хлеб? В результате подобных мероприятий мы станем самой бедной нацией Европы, ее данником в отношении всех остальных жизненных потребностей. Нужно, чтобы культивировались все средства существования без помехи и ущерба друг для друга; одного хлеба недостаточно для

13 жерминаля постановлением Комитета общественного спасения было аннулировано не только это мероприятие, о котором было доведено до его сведения, но и все подобные ему, которые могли бы быть приняты где-либо в другом месте, на том основании, что Конвент один имеет право предписывать изменения в распределении культур. Тем не менее муниципалитетам «попрежнему вменялось в обязанность следить» за обсеменением полей, так чтобы часть, отведенная хлебу, оставалась во всяком случае не менее значительной, чем прежде; в общем директива сводилась к тому, чтобы ничего не изменять в существующем в настоящий момент соотношении. Санкюлоты не всегда высказывали удовлетворение таким разрешением вопроса, бывали случаи сопротивления¹; тем характернее представляется поведение Комитета.

Мы уже знаем, что после падения эбертистов он заметно изменил свою экономическую политику; ослабил, настолько мог, регламентацию, являющуюся в его глазах всего-навсего мерой военного времени, пригодной для снабжения армии всем необходимым, для поддержания курса ассигнаций, которую, однако, нужно было свести к минимуму, а не развивать систематически, как того желали санкюлоты в целях установления режима «справедливых цен» и преобразования общественного порядка¹. Мы

наших защитников. Неужели в такой момент, когда продовольствие этого года едва обеспечено, подобает прибегать к расширению посевов, уменьшая вследствие значительного расхода семян наши наличные запасы для того, чтобы удовлетворить якобы предстоящую нужду, которой, по всем вероятностям, и не будет, так как, повидимому, налицо все данные, чтобы предстоящий урожай был одним из самых обильных, какие только мы видели за несколько последних лет, а многочисленные закупки за границей обеспечивают на ближайший год значительные запасы. Встречаются также дистрикты, обрекшие на исчезновение посевы кормовых и приказавшие их вырвать». (Нетрудно заметить тенденциозный характер этого доклада. Некоторые предложения санкюлотов могли быть нелепыми. Но вообще-то они хотели не запрещать всякие другие культуры, кроме хлебов, как это утверждает доклад, а только регулировать их посев, что отнюдь не мешало развитию всех этих культур и не создавало «помехи и ущерба для них», а, напротив, должно было привести к их гармоническому развитию; в действительности, доклад, не говоря этого прямо, оспаривает самый принцип регламентации; для внесения гармонии в сельское хозяйство он полагается на принцип свободы. Что касается оптимизма, выказываемого им по поводу урожая II года и запасов, поступивших из-за границы, то он чисто-официальный.)

¹ См. донесения Коке (Coquet), национального агента в дистрикте Нефшатель, от 13 фруктидора II г. и 17 брюмера III г. (F¹⁰, 210). 5 вантоза несколько членов народного общества провели постановление о том, чтобы некий Дюваль, владевший в окрестности фермой, одно из полей которой было в 1787 г. отведено под пастбище, вернул его под пашню. Он не послушался: 11 фруктидора приглашение было повторено «очень незначительным большинством». Положение критическое, доносит Коке: если Дюваль станет упорствовать, могут объявить, что он «утратил доверие общества», имеет ли право он, национальный агент, запретить обществу нарушать постановление Комитета общественного спасения от 13 жерминаля? 24 фруктидора Комитет отвечал утвердительно, но общество заупрямилось; новое письмо от 24 вандемьера вызвало сильное возмущение; в течение трех дней обсуждали вопрос — брать ли обратно прежнее постановление: по всей вероятности с этой необходимостью смирились, все же 10 брюмера общество объявило, что Коке утратил его доверие.

² Mathiez. La vie chère. тл. IX. Lefebvre, Guynet et Sagnac. La Révolution française в серии „Peuples et Civilisations, издаваемой под ред. Halphen et

видим, что та же тенденция взяла верх и в вопросах сельского хозяйства.¹ Постановления закона 16 сентября 1793 г. ничем не были подкреплены, и если, как это и было естественно в заблокированной стране, сохранялось в силе обязательство возделывать землю, все же крестьянину была, хотя бы в принципе, предоставлена свобода сеять что ему угодно. Правда, весной и летом II года местная администрация и комиссары Конвента не раз, с одобрения правительства, вмешивались в применение права свободного выгона (vaine pâture), но делалось это с тем, чтобы, временно отменив право выгона на луга, предупредить недостаток фуража, жертвой которого рисковала стать армия; делалось это в ущерб бедным крестьянам и к выгоде остальных, не перестававших требовать, чтобы свободный выгон был отменен, и им не приходилось бы огораживать поля.²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся теперь на основе этих разнообразных и разрозненных петиций представить себе, чем стала бы деревня, если бы пожелания наших крестьян оказались, худо ли, хорошо ли, удовлетворенными.

В пределах возможного, все отцы семей, благодаря разделу национальных имуществ и общинных земель, стали бы собственниками, не став, однако, равными по земельным своим владениям, ибо каждый сохранял бы отцовское наследие, общинные же земли были бы разделены по числу душ, к большей выгоде многочисленных семей; что же касается национальных имуществ, — то при условии, что каждому была бы обеспечена минимальная собственность, — большинство сельского населения, несомненно, высказалось бы за распродажу остального фонда.

Крупные владения, не подвергшиеся национализации, остались бы неприкосновенными и нетронутыми, но они были бы, в обязательном порядке, поделены на мелкие хозяйственные единицы, самая крупная из которых не должна была бы превышать участка, обеспечивающего скромный достаток семье, нанимаю-

Sagnac, т. XIII, стр. 243—245; G. Lefebvre., Le commerce extérieur en l'an II* в Révolution Française, 1925.

¹ Постановление 13 жерминаля подписано одним Р. Линде. Видимо, он, как и Карно, сыграл крупную роль в эволюции экономической политики. Но нет следов никакого противодействия со стороны робеспьеристов.

² Например: постановление дистрикта Sarre-libre (Sarrebourg), 26 прериаля II г., одобренное департаментом Мозеля 7 мессидора (F¹⁰, 212 и 320); постановление дистрикта Эпиналя, 5 мессидора II г.; постановление народного представителя Пфлиге, в Нанси, 13 мессидора II г., одобряющее решения дистриктов и генеральных советов коммуны относительно отвода в запас по крайней мере половины их лугов. Там, где эта предосторожность не была принята, будет отведено три четверти; отава будет распределена пополам между землевладельцами и жителями, пропорционально количеству скота у тех и других (F¹⁰, 207). Комиссия земледелия и ремесел начала с того, что предложила дистрикту Эпиналь взять обратно свое постановление, как незаконное; затем 29 термидора сообщила ему, что утверждает постановление народного представителя.

щей, однако, в помощь себе обычный персонал слуг и служанок, а во время жатвы и сбора винограда и всегдашнюю вспомогательную силу. В крайнем случае землевладелец может сам эксплуатировать одну из своих ферм, но не больше, а лучше, чтобы он не эксплуатировал ни одной. Всякое укрупнение хозяйства запрещено; дробление же, напротив, разрешено, благосклонно принимается общественным мнением и, если возможно, то и поощряется законом. Землевладелец обязан сдавать свои земли непосредственно крестьянам, на разумный срок, по умеренной цене, не устраняя прежнего съемщика без уважительных причин; муниципальные власти, мировой судья или же арбитры, взятые из сельского населения, участвуют в заключении договора и заставляют соблюдать как букву его, так и смысл.

Право собственности в сущности остается расчлененным в соответствии с привычными понятиями сельского населения: землевладельцу и его фермеру — урожай, первый покос и, самое большее — отава; общине — свободный выгон на пар и поля после жатвы или покоса; неимущим — глантаж и шомаж; обычные права на леса, пустоши и болота соблюдаются. При всяком преобразовании в области земледелия, — идет ли речь о том, чтобы заменить одну культуру другой, изменить способы обработки, или же начать подымать новь, — обязательно считаться с этими коллективными правами и получать согласие общины.

Другими словами, большая часть крестьян охотно воспрепятствовала бы развитию сельского хозяйства в коммерческом и капиталистическом направлении, потому что оно, по крайней мере вначале, могло пойти на пользу только небольшой кучке людей и уменьшить средства существования остальных. Крестьянин не столько стремится производить на продажу, сколько хочет обеспечить свое существование; или, другими словами, он больше заинтересован в распределении, чем в производстве. Именно так рассуждают всегда бедняки. Крестьяне революционной эпохи превратились в XIX веке в фабричных рабочих, — что и разрешило во Франции аграрный кризис, — но они не перестали рассматривать вещи под тем же углом зрения.

Сравнивая эту «потенциальную» программу с предложенным 8 вантоза Сен-Жюстом мероприятием, к которому сводится вся аграрная политика робеспьеристов, поражаешься, какое огромное расстояние их разделяет. Сен-Жюст хотел создать известное количество совсем мелких землевладельцев; он применял более радикальные способы, нежели Учредительное собрание, но в сущности он лишь расширял его дело. Он ни словом не обмолвился относительно регламентирования эксплуатации земель, относительно крупных ферм, полоничества, различных форм земледельческой культуры, другими словами, фактически он солидаризировался с Учредительным собранием. Между тем робеспьеристам не остались неизвестными петиции, одна за другой поступающие из деревень. Они должны были давать себе отчет в том, что, выступи они на защиту мелких хозяев и полоников,

они привязали бы к себе гораздо более значительную массу приверженцев, нежели стремясь удовлетворить одних неимущих. Недочеты их аграрной политики, по всей вероятности, объясняются их общественным происхождением. Монтаньяры не были крестьянами; даже те из них, кто знал деревню, рассматривали сельскохозяйственные вопросы с точки зрения города и его продовольствия и с точки зрения общегосударственных интересов. Условиям существования сельского населения они уделяли довольно мимолетное внимание, или, во всяком случае, не в достаточной мере вникали в рассмотрение элементов, из которых оно слагалось, и присущих этому населению потребностей. По этому вопросу ничего нельзя найти в «Размышлениях» Сен-Жюста, и очень характерно, что, как уже сказано, у Кутона, например, было весьма поверхностное представление о законодательстве монтаньяров относительно продажи национальных имуществ. С другой стороны, монтаньяры принадлежали к буржуазии, читали экономистов, а в деревнях им приходилось вступать в отношения главным образом с зажиточными крестьянами. Невольно склоняешься к мысли, что робеспьеристы сами были враждебны регламентированию землепользования в различных его видах. В основном все и сводится к этому.

Пусть не возражают нам ссылкой на принятие ими максимума; подобно другим членам Комитета общественного спасения и самого Конвента они приняли его нехотя, по принуждению, и применяли лишь в качестве меры общественного спасения, необходимой, самое большее, до окончания войны. Их социальным идеалом была демократия мелких самостоятельных собственников, независимых крестьян и ремесленников, свободно работающих, и свободно обменивающихся продуктом своего труда. Несомненно, государство должно было вмешиваться, с тем, чтобы при помощи законов о праве наследования и прогрессивного обложения воспрепятствовать возникновению слишком крупных состояний; равным образом должно оно было всеми средствами и, в частности, при помощи даровой или дешевой раздачи земли, способствовать развитию мелкой собственности. Но в то же время оно должно было доверять индивидуальной инициативе и, следовательно, поддерживать свободу труда и мириться с известным социальным неравенством. На протяжении XIX в. обе эти тенденции можно будет без особого труда встретить у демократов — интервенционистов и даже у социалистов — утопистов. С успехами капиталистической экономики возможность их применения становилась все меньше и меньше. Робеспьеристы не могли этого предвидеть, но факт сам по себе ясен: допуская, подобно другим парламентариям революционной эпохи, принцип экономической свободы, — за исключением тех случаев, когда отступления от него требовались военными обстоятельствами, — они предоставляли ему свободное поле действия, а для социальной истории Франции, как и для ее аграрной истории — это главное.

Впрочем, — надо еще раз об этом напомнить, — политика монтаньяров в полной мере определялась социальным состоянием Франции. Несомненно они бы заняли другую позицию по отношению к аграрному вопросу, если бы крестьяне образовали блок с целью вынудить даровую раздачу национальных имуществ и регламентировать землепользование; в таком случае им уступили бы, как пришлось уступить в вопросе о безоговорочной и простой отмене феодальных прав, которой они единодушно потребовали. Но в деревнях, в той же мере как и в городах, партия санкюлотов не была классовой партией: в ее рядах насчитывалось не мало земельных собственников и зажиточных фермеров; точно так же и интересы мелких и средних хозяев были не те, что у поденщиков (*journaliers*), вынужденных существовать исключительно своим трудом. Нет ничего невозможного в том, что робеспьеристы давали себе отчет что, став с полной определенностью на сторону этих последних, они ускорили бы распад партии санкюлотов, чье единство и так уже было поколеблено максимумом, противопоставившим подмастерье хозяину-владельцу мастерской и купцу. Здесь мы подходим к одной из основных характерных черт французского общества, ибо, как бы далеко мы ни заглядывали вглубь его истории, сельское население Франции нигде не отличается тем гомогенным характером, какой оно представляет в XVIII в. в центральной и восточной Европе; рабочий (*journalier*), *bordier*, половник, землевладелец в течение веков и веков существуют в нашей деревне; согласны между собой и единодушны они бывали лишь в тех случаях, когда выступали против аристократии.

Таким образом робеспьеристам не легко было сформулировать действительную и понятную программу аграрной политики, а, в таком случае на лицо основания, правда, деляческого порядка, но крайне настоятельные, в силу которых, быть может, они и воздерживались от принятия такой программы. Их принято изображать отвлеченными теоретиками. Несомненно, у них были свои принципы, они были очень озабочены будущим устройством Республики; в этом отношении чувства их разделял весь Конвент; и права его на славу как раз в том, что посреди хичего трагических обстоятельств он продолжал, например, работать над созданием Гражданского кодекса и организацией народного просвещения. Не следует, однако, забывать, что самой важной задачей, властно стоявшей перед этими людьми, было спасение Революции; для этого надобно было организовать победу, а следовательно, обеспечить прочность правительства, которому это было поручено. Чтобы справиться с такой задачей, приходилось маневрировать изо дня в день, в зависимости от обстоятельств, с самым реалистическим оппортунизмом, «подразделяя затруднения». На эту именно точку зрения и следует встать при изучении политики Робеспьера и его друзей, и тогда не трудно будет понять, почему они откладывали на более позднее время

рассмотрение этого сложного и чреватого трудностями аграрного вопроса.

Однако же, для истории революционного правительства не имеет особого значения, примем мы ту или другую из этих гипотез, или же предпочтем все три. Основной факт таков: война давила слишком тяжелым бременем на народные массы; что могло послужить противовесом? От уничтожения десятины и самых важных из реальных феодальных прав фермеры, половники, все, кто не был собственником земли, ничего не выиграли; большинству из них ничего не досталось и из национальных имуществ; чтобы привязать их к революционному правительству, обещаний, данных неимущим в вантозских декретах, было недостаточно. Были на руках и другие козыри, но с них не пошли.

ДОКУМЕНТЫ¹

Aisne

1

Петиция Шапюи, юре в *Chacrise*, почтовая станция *Soisson*.²
27 февраля 1790 г. (F¹⁰ 212 B).

Критика пара. «Не является ли самым ужасным бичом в природе крупный земледелец, имеющий земли по 7—8 сох? Не было бы несравненно выгоднее раздать эти земли возможно большему количеству земледельцев?»

2

Прошение прихода *Crécy-au-Mont*.³ 28 мая 1790 г. (F¹⁰, 332).

Он приветствует Национальное собрание за то, что оно уничтожило аристократию. «Удушим же окончательно эту аристократию; пусть наше превосходное собрание не оставит никаких ее следов, дабы она не смогла возродиться. Все же существует класс граждан, в котором она царит попрежнему: это крупные земледельцы (*grands cultivateurs*), о которых мы и намерены здесь говорить; стремясь раздавить всех, кто не так богат, как они сами, они не допускают этих людей увеличивать свои владения». Они хотят использовать декабрьский декрет 1789,⁴ запрещающий коммунам поднимать новь на пустопорожных землях, чтобы помешать тому, что так часто разрешалось королем. «Но этим не ограничивается эта аристократия, один земледелец обрабатывает по две-три фермы и таким образом создает себе пашню в восемь-десять сох,⁵ прибавляя к ней кроме того еще мелкую аренду, которую он перебивает у мелких земледельцев». Ютсюда и проис-

¹ Документы эти расположены в алфавитном порядке названий департаментов и пронумерованы подряд. За исключением особо оговоренных случаев, они почерпнуты главным образом из Национального архива. Нередко в них упоминается арпан, без всякого иного обозначения: королевский арпан был равен 51,07 ара; обычный арпан — 42,21 ара.

² Округ Суасона, кантон *Quilchy-le-Château*.

³ Округ Лана кантон *Concy-le-Château*.

⁴ Декрет 11 декабря 1789 г.

⁵ Относительно исчисления размеров „сохи“ см. № 52.

текает, что один человек существует там, где могло бы существовать четверо, что «часть рабочих не занята ввиду того, что одна крупная пашня легко возделывается при меньшем количестве рабочих, чем если бы ее поделить на три или четыре части; это порождает нищенство, так как работы нет, либо же заработок очень мал, их же делает заносчивыми, делает их полными господами во всем околотке благодаря тому, что у них власть над рабочими, боящимися увольнения». Такая площадь в десять сох легко может быть обработана восемью сохами, что избавляет от налога на двух лошадей. Между тем департамент облагает землю из расчета 18 сох, как в те времена, когда крупные земледельцы встречались не так часто. При распределении налога приходится делать это в ущерб мелкоте.

«Эту записку не к чему передавать в Бюро земледелия, так как оно состоит в большей части своей из крупных землевладельцев, а в пленум Национального собрания».

3

Адрес генерального совета коммуны *Rozet-Saint-Albin*, дистрикт *Château-Thierry*,¹ 16 декабря 1792 г. (F¹⁰, 320).

Имеется ввиду ограничить каждого земледельца максимальной площадью в три сохи.² Число фермеров в таком случае возросло бы в полтора раза; заброшенные фермы стали бы населенными; рабочие были бы заняты и не находились бы в зависимости от одного человека; хлебные рынки снабжались бы лучше. Тут же требование отмены патентов и уплаты налога натурой, который должен взиматься на полях пропорционально количеству урожая и вноситься фермеру; последнего нельзя брать из среды крупных земледельцев.

¹ Округ Шато-Тьерри, кантон Нелли-Сен-Фрон (*Neully-Saint-Front*).

² В прежнее время в сельскохозяйственной практике северной области Франции преобладала обычно трехпольная система: пашни были поделены на три полосы, одна предназначалась под пар, другая под хлеб, третья под яровые (ячмень, овес). В 1789 г. еще встречалось, особенно на севере и востоке, много деревень, где такое деление применялась на всей пахотной земле (*arable*), так как севооборот был обязателен для всех. Это — знаменитая трехпольная система, встречающаяся в Англии (*open field*) и в Германии (*Dreifeldwirtschaft*); см напр. А. Meitzen. *Siedlungen und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen* (1895). G. Des Marez. *Le problème de la colonisation franque et du régime agraire en Belgique* (*Mémoires de l'Académie de Belgique*, вторая серия, выпуск 4, 1926) и главным образом Marc Bloche *Les caractères originaux de l'histoire rurale de France* 1931 г., т. XIII, в „Изданиях института в Осло по всеобщей истории цивилизации“. К сожалению, до сих пор нет ни одного исследования, которое бы давало нам сведения относительно тех областей Франции, где применялась эта система, и относительно того, что от нее сохранилось к 1789 г. Принудительный севооборот был отменен Сельским кодексом 1791 г., но на практике он его надолго пережил, и до сих пор существуют его следы.

Петиция народного общества в *Neuilly-sur-Oucq*,¹ 6. д. (отослана в Комиссию земледелия и ремесл 7 прериаля II г. — 26 мая 1794 г., F¹⁰, 285).

Требует раздела ферм; некоторых ферм достало бы на четверых земледельцев.

Адрес муниципалитета *Rozet-les-Menils*, бывшего *Rozet Saint-Albin*,² 4 мессидора II г. — 22 июня 1794 г., (F¹⁰, 264).

Он ссылается на записку одного патриота, которую полностью и одобряет, дальше следует изложение ее содержания. «В обществе никто не может пользоваться своей собственностью иначе, чем в соответствии с общественным интересом. Если моральное равенство и не предписывает равенства состояний, то во всяком случае оно требует, чтобы они не становились орудием угнетения... Если крупные хозяйства (*les grandes cultures*) одновременно приносят ущерб и общественному процветанию и частным интересам подавляющего большинства населения, закон может их ограничивать, не посягая при этом на право собственности, поскольку дело идет только о способе пользования». Крупное хозяйство разводит скота меньше, чем мелкое — «хозяин помышляет только о том, чтобы набить амбары». В наших местах на 20 арпанах могли бы пропитаться четыре коровы, и приплоду могло бы быть по две головы в год, между тем как на ферме в 400 арпанов нет и тридцати голов рогатого скота; встречаются имения по шесть сох земли, где его еще меньше; получается разница от 30 голов, самое большее, и до 140, — какое количество ферма могла бы прокормить, будь она поделена.

«Мы далеки от мысли, свойственной дикарям, вернее же порожденной издыхающим деспотизмом, мысли о равном разделе, который, обещая человеку счастье естественного состояния, повел бы к ниспровержению общественного порядка: возрождение человеческого рода не может приводить его обратно к колыханию. При всем ложном своем энтузиазме враги революции распознаются по их преувеличениям. Враги народа обещают ему золотой век и навязывают свои вздорные понятия мудрому законодателю, чьего благоразумия они опасаются... Гражданин Изоре говорил о хозяйстве в 300 арпанов, как о хозяйстве предельного размера, которое может находиться в руках одного человека.³ Сделаем в области нравственной то, чего желали бы в физической природе; небольшое, тщательно обрабатываемое поле, ограниченный ясный горизонт, — вот что потребно для ра-

¹ Революционное название *Neuilly-Saint-Front*, главного пункта кантона в округе Шато-Тьерри.

² См. выше стр. 135, примеч. 1.

³ См. выше стр. 134, прим., 1. По всей вероятности, речь здесь идет о королевском арпане, он такой же, как в Лане (*Laon*).

зумного счастья; предел этот в 300 арпанов, составляющих много больше площади в три сохи, представляется нам справедливым и достаточным: площади в одну соху, приносящей достаток собственнику, фермеру мало; площадь в две сохи дает ему возможность существовать, но не обеспечивает его на случай потерь; площадь в три гарантирует от всех случайностей, но заставляет строить свое хозяйственное благополучие на разведении скота; в четыре несет за собой изобилие и на развалинах равенства утверждает гордость и леность».

Если возразят, что крупные хозяйства нужны для опытов, в интересах прогресса, следует ответить, что правительство может выделить часть земель эмигрантов, вверив их с этой целью комитетам земледелия; оно может также устроить, в крупных имениях сельскохозяйственные школы. На вопрос, какой момент считать благоприятным для этого, ответ гласит, что нужно действовать немедленно. «Республики сильны при своем возникновении... прочность пружины зависит от первоначальной закладки».

Дистрикт должен составить ведомости с указанием для каждой коммуны размеров каждого хозяйства, имен владельцев и фермеров, с перечнем построек и скота, со списком граждан, работающих или работавших прежде в этом хозяйстве. На основе этих ведомостей департамент предложит максимальный размер. Для департамента *Aisne* он должен быть в 240 арпанов. Если одно имение (*exploitation*) равно четырем сохам, землевладелец обязан будет обрабатывать одну из них или же сдавать в аренду предпочтительно жителям коммуны и на условиях, «которые те найдут выгодными»; если в нем свыше 400 арпанов, его должны эксплуатировать двое земледельцев; если землевладелец не может сам возделывать выделенную ему часть, всякий платежеспособный гражданин должен быть допущен в качестве съемщика, с обязательством выплатить фермеру ту неустойку, которую внес бы землевладелец; если сложатся двое или несколько граждан коммуны, чтобы снять землю, отказывать им нельзя; фермер, уступающий излишки своей земли, обязан продать своему преемнику лошадей и остальной скот, ставший излишним, по цене, установленной коммуной в порядке арбитража. Само собой разумеется, фермер не сможет занимать больше одного хозяйственного строения и не будет иметь права присоединять другие участки к полям, относящимся к его усадьбе; если бы даже землевладелец пожелал довести имение (*culture*) до 240 арпанов, он прежде всего должен расширить скотный двор. С каждого сельского дома, пригодного для того, чтобы явиться центром усадьбы (*exploitation*), должен взиматься двойной налог с недвижимости (*mobiliaire*) до тех пор, пока он не будет выполнять этого своего назначения; и напротив, всякий землевладелец, обрабатывающий землю, должен быть освобожден от этого налога, и его доля должна быть разложена на землевладельцев того же дистрикта, сдающих землю в аренду.

Каждое имение (exploitation) обязано держать скот в количестве, которое впредь до создания комитетов земледелия устанавливается муниципалитетом, и нести добавочное обложение пропорционально дефициту скота.

Арендные договоры должны быть сроком по крайней мере на 18 лет. Существующие договоры, срок которых короче, могут быть расторгнуты до 1 вантоза по требованию фермера или землевладельца, желающего лично хозяйничать, с уплатой неустойки, размер которой устанавливается арбитром.

Дальше записка излагает правила, которые следует принять, чтобы регламентировать употребление урожая злаков, а также торговлю скотом. И, наконец, она запрещает разные статьи арендного договора вроде pot de vin, «булавок» и т. п.

6

*Петиция возрожденного народного общества в Hargicourt.
21 термидора II г. — 8 августа 1794 (F¹⁰, 320).*

Требует, чтобы не разрешалось увеличивать размеры усадьбы свыше чем по сто арпанов² на сезонный посев, — во-первых, ввиду неудобств, которые крупные фермы представляют в отношении продовольствия (они плохо возделываются; амбары в них не достаточно просторны, зерно держится в скирдах, и часть его пропадает и т. д.), во-вторых потому, что «вы пожелаете, конечно, уравнивать слишком непропорциональные состояния».

Allier

7

Ходатайства перед муниципалитетом многочисленных половников и виноградарей в Billy³ 13 июня 1790 г. (F¹⁰, 212).

В течение восемнадцати-двадцати последних лет многие арендаторы имений (domaines et locataires) стали требовать тяжелых повинностей, встречаются и землевладельцы, поступающие точно так же. Такова повинность поставлять большое количество гречихи «roug gain de survine» сверх половинной доли, да кроме того полностью все семена гороха, сеющегося в локатерии. В случае отказа почти все они рискуют вновь попасть на положение простых поденщиков. Они требуют, чтобы урожай делился точно пополам и таким же образом поставлялись семена.

¹ Округ Сен-Кентэн, кантон Кетле.

² См. стр. 135, прим. 2. Под арпаном здесь понимается королевский арпан (5,07 ара) либо же сен-кентэнский septier, равнявшийся 80 verges по 22 фута и 11 дюймов и составлявший 1129 квадратных сажень (toises), или же 42,88 ара; во втором случае 100 арпанов на посев, в общем составляют усадьбу в 128 гектаров — 66,34 ара.

³ Округ Palisse, кантон Varennes-sur-Allier.

8

*Письмо Монтена избирателя в Girsu.¹ 23 октября 1792.
(F¹⁰, 320).*

Землевладельцы не могут столкнуться с колоннами относительно десятины и подати. «Колон все время твердит, что, уничтожив безвозмездно десятину, закон имел в виду его интересы точно так же, как и интересы землевладельца: землевладелец истолковывает закон в свою пользу, стремясь воспользоваться им полностью, а земледелец (laboureur) вовсе его не понимает; он говорит, что всегда возделывал землю исполу, всегда поставлял за свой счет необходимые для обработки стальные орудия, платил половину налогов, и на его долю всегда выпадало всего больше грудов. Десятина распространена среди всех колоннов, и мы слышим, как недовольные постоянно говорят между собой, что, пояись только неприятель во Франции, они первые придут ему на помощь. Уверю вас, дорогой гражданин, что эмигрантам об этом известно, и что все это гораздо важнее, чем кажется».

9

Записка гражданина Бургуэна, администратора в округе Cerilly.² 28 ноября 1792 г. (F¹⁰, 330).

«Продавать крупные участки земли в руки одного лица значило бы наносить ущерб сельскому хозяйству; наша цель была бы упущена; но если и поделить имения (то есть хозяйства — exploitations) — это тоже было бы неудачно, и земледелие пострадало бы, особенно в Аллье, где рабочих рук не много.

Среднее имение (un domaine commun) состоит из 200—300 mesures³ земли и дает от 15 до 20 возов сена. В каждом имеется от четырех до шести быков, от восьми до десяти коров, от восьми до десяти свиней, по пятьдесят, шестьдесят, а то и по сто овец или баранов. Чтобы вести все это хозяйство, достаточно двух-трех мужчин с женами и детьми, которые уже с десятилетнего возраста могут пасти скот. Быки потребляют сено и солому и дают удобрение для полей. Разбейте такое имение на участки по три-четыре арпана — ни один землевладелец не будет в состоянии держать скот за отсутствием достаточного количества земли, сено станет ненужным, так как не будет скота, который бы его потреблял; а не будет скота, не будет больше и удобрений, и для обработки земли вместо двух пар рук, которых до сих пор было достаточно, понадобится пятнадцать».

¹ Округ Moulins, кантон Souvigny.

² Главный город кантона в округе Montluçon.

³ После введения десятичной системы mesure, употребляемая в Серилли, считается равной десяти ара; объем воза соответствующий.

Петиция граждан *Châtel-de-Neuvre*,¹ б. д. (получена 27 февраля 1793) (F¹⁰, 320).

Они требуют: 1) упразднения генеральных фермеров, 2) чтобы колонны воспользовались отменой десятины, 3) отмены в деревне налога с недвижимости (*mobiliaire*) и патентов.

Ardennes

11

Записка о земледелии Колло, сборщика в коммуне *Libreville*,² 1 термидора II г. — 19 июля 1794 г. (F¹⁰, 212 B).

На востоке Франции земледельцы (*cultivateurs*) небогаты; имущество их составляет главным образом скот; мало состоятельны и землевладельцы, число которых возрастает вследствие продажи земель эмигрантов; цена на пахотную землю, недавно стоившую от трех до четырех ливров арпан, поднялась теперь до 10 и 12 л.

Автор предлагает муниципалитету составить ведомость землям, принадлежащим не земледельцам (*non-laboueurs*), и поделить их на столько участков, сколько плугов найдется в деревне; участки должны быть одинаковые и по возможности округленные, независимо от того, кто владелец. Муниципалитет путем жеребьевки распределит их между земледельцами в соответствии с количеством плугов у каждого. Распределение это будет иметь силу на три года.

Плату за аренду пашни муниципалитет будет устанавливать ежегодно, в соответствии с ценой на продукты и при содействии трех землевладельцев и трех земледельцев (*laboueurs*).

Aube

12

Записка гражданина Бюиссона, земледельца близ *Troyes*, б. д., пометка о передаче в Комиссию земледелия и ремесл 24 брюмера III г. — 14 ноября 1794 г. (F¹⁰, 212 B).

Он обращает внимание на преимущества мелкого хозяйства, где работают на быках, перед крупным, обрабатываемым при помощи лошадей. В последнем земля делится на три поля, так как там нужен овес (рожь, овес, *sombre*,³ или же кормовые травы); в мелком всего два поля — рожь и *sombre*. В заключение он указывает на необходимость установить максимальное количество арпанов, которым может располагать земледелец (*cultivateur*).⁴

¹ Округ Муэн, кантон Монте.

² Революционное название *Charleville*.

³ Это выражение обычно употребляется во множественном числе и означает землю под паром (*jachères*).

⁴ Арпан, принятый в Труа, — обычный арпан (42,21 ара).

13

Петиции гражданина Кувера, национального агента в *Tours*. Помечено *Russy*¹ 10 плювиоза II г. — 29 января 1794 г. (F¹⁰, 264).

Он, наряду с другими мероприятиями, требует чтобы никто не имел права обрабатывать земли — собственной или арендованной — свыше участка стоимостью в 2000—2500 ливров. «Как! в наших департаментах встречаются богатые фермеры, которые прибирают к своим рукам землю, карманы которых набиты ассигнациями; притом же они не платят никаких налогов, меж тем как какой-нибудь несчастный отец семейства, имеющий от 400 до 500 или 600 ливров дохода, обременен налогами, умирает со своей семьей с голоду и презираем этими негодными себялюбцами, скупцами, преследующими только свою выгоду и приносящими зло государству».

«Я в разных обществах выступал со своими предложениями, но люди того сорта, о котором я только что говорил, всегда успешно отклоняли их и изображают меня в качестве какого-то смутьяна».

14

Петиция жителей *Bazenville*.² (Коммунальный архив в *Caen*) (D 3, f 26).

Дистриктом Байе она была отослана для отзыва в муниципалитет в *Caen*, так как ферма, на которую в ней указывается, принадлежала госпиталю этого города (*Hôtel Dieu*). В *Caen* она рассматривалась 2 мессидора II г. (20 июня 1794 г.).

Петиционеры указывают на то, что ферма в 230—235 акров³ обрабатывается всего одним земледельцем (*cultivateur*), срок договора которого истекает в ближайшее время, и требуют, «чтобы ее поделили на несколько участков, дабы плоды земледелия не были сосредоточены в руках у одного человека». Муниципалитет в *Caen* назначил двух комиссаров для ознакомления с вопросом на месте.

Каков был результат, нам неизвестно.

15

Записка Жана Нееля, земледельца в *Epinau-sur-Odon*,⁴ — 22 термидора II г. — 9 августа 1794 г. (F¹⁰, 285).

Комитет надзора коммуны, где он проживает, представил в Конвент скрепленную визой муниципалитета записку, о которой он не был поставлен в известность и которая обвиняет его в

¹ *Tours-en-Bessin et Russy* — коммуны округа. *Bayeux* в кантоне *Trevières*.

² Округ *Bayeux* кантон *Ryes*.

³ В этой области акр обычно равнялся 31,712 ара.

⁴ Округ *Caen*, кантон *Villers-Bocage*.

спекуляции землей на том основании, 1) что он взял в аренду вторую ферму; но ведь у него девятеро детей, а обе фермы вместе идут всего за 4500 ливров аренды. В кантоне не много найдется фермеров, которые бы не платили постолько же и даже больше; 2) что он передал от себя одну ферму в аренду; действительно, восемь лет назад, он пересдал ферму, которую обрабатывал в течение двенадцати лет, потому, что ему не удалось снять ферму, расположенную рядом, а та была очень далеко от его жилища. На этой операции он зарабатывает 50 ливров в год; но он значительно улучшил эту ферму; 3) что он засадил два акра дроком или морским тростником; это сделано им, чтобы получить удобрение.

16

Жители, составляющие неимущий класс в коммуне Manvieux¹ кантона Cheux² дистрикта Саен, — Национальному Конвенту, 11 вандемьера III г. — 2 октября 1794 г. (F¹⁰, 210).

В коммуне никогда не было общинных земель; национальных имуществ в ней находится всего четыре арпана из земель Сен-Сепюлькр в Саен. Купивший их сам их обрабатывает. «Неимущий класс этой коммуны существовал лишь благодаря обработке нескольких участков земли, расположенных в окрестных коммунах и принадлежавших приходу и бывшим аббатствам Сент-Этьенн в Саен и Леон-Сен-Мишель. Но эти земли были куплены земледельцами, имеющими собственную землю (par des propriétaires cultivateurs), и теперь почти все, кто их арендовал по мелочам, собрали свой последний урожай; им приходится распродавать целиком или частично свой скот и благодаря этому утратить единственный источник своего существования. Народные представители, существует способ прийти им на помощь, способ этот уже предлагался вам различными коммунами; он состоит в том, чтобы поделить крупные фермы». В Манвье есть 570 акров земли; часть ее принадлежит гражданину Дерми; он обрабатывает, сколько ему надо для собственных его потребностей, а остальное поделит на несколько ферм; наследники же Массье, владеющие по меньшей мере 350 акрами, сдают их в виде всего двух ферм, из которых одна равняется 200 акрам. Если бы сократить размеры этих ферм до 100 или 120 акров каждую, а остальное сдавать мелкими участками, сотня семей могла бы прокормиться на одном, полутора, двух акрах каждая. Доход от них благодаря этому только возрос бы. Муниципалитет поддержал их ходатайство и обратился в дистрикт; но последний, признав их жалобы обоснованными, объявил, что бессилён что-либо сделать, ввиду отсутствия соответствующего закона.

¹ Округ Ваеух, кантон Ryes.

² Округ Саен, кантон Tilly-sur-Seulles.

Cher

17

Записка жителей Châteauneuf,¹ представленная в Национальный конвент 1 августа 1793 г. (F¹⁰, 284).

1) В наших кантонах встречаются фермеры, арендующие по двадцати ферм и больше; отсюда спекуляция зерном. 2) Необходимо запретить, по мере истечения срока договоров, арендовать больше четырех ферм и то лишь под условием лично их возделывать. «По крайней мере бедного земледельца (laboureur) не будут проглатывать живьем». 3) Десятина не уничтожена для тех, кто живет с одной только фермы. 4) Фермеры сами оплачивают во время жатвы рабочих у своих половников и говорят последним: не продавай хлеба; у тебя есть время; ведь, как только таксу отменят, неизвестно, что он будет стоить. 5) Земледелец не станет от этого богаче, ибо после жатвы его прижмут, и ему придется платить фермеру хлебом. 6) Большая часть субарендаторов — половники; следовательно, фермер должен был бы покрывать половину расходов на кузнеца, шорника, каретника. Половнику, снимающему землю непосредственно у землевладельца, «живется не плохо», остальные же входят в долги, попадают в полную зависимость, и, если урожай хорош, им приходится его отдавать целиком, чтобы расквитаться с долгом из страха быть в противном случае прогнанными.

Côte-D'Or

18

Заявление двадцатичетырех, «не имеющих никакой собственности» отцов семейств из коммуны Echigey, кантон Aiserey, дистрикт Saint-Jean-de-Losne², 20 брюмера II г.-10 ноября 1793 г. (F¹⁰, 320).

У Жана Пуллетье, бывшего военного комиссара в Дижоне, заключенного в указанном городе в тюрьму, трое сыновей в эмиграции. Он владеет в Echigey 700 journaux земли, которую и сдавал им прежде в аренду. Они просили его попрежнему ее им предоставлять в аренду, но он отвечал, что «их дети ушли воевать против его сыновей, пусть они и просят себе земли у Национального конвента,» и сдал свои имения бывшему garde général de la maîtrise Мэгро, у которого десять тысяч ливров ренты, а детей нет. Мэгро передал землю от себя двум чужакам. Генеральный совет коммуны вынес постановление сохранить эти земли за ними при условии уплаты 8000 ливров, условленных в договоре с Мэгро. Они предлагают помимо того еще 200 ливров на бедных.

¹ Главный город кантона в округе Saint-Amand-Mont-Rond.

² Echigey (петиционеры пишут Essigev) и Aiserey, ныне коммуны в кантоне Genlis, округ Дижона.

Петиция муниципалитета в Vonges¹, 6 вантоза II г. — 24 февраля 1794 г. (F¹⁰, 320).

Жан Клод Никола Перренэ, бывший сеньер Гробуа, сдал в аренду земли в Вонж двум фермерам, которые таким образом арендуют по меньшей мере 350 journaux земли и 200 soixtures луга.² «По соседству с этими двумя фермерами бедным землепашцам и поденщикам нечем существовать. Эти граждане-фермеры сколачивают изрядные состояния, меж тем как бедняк принужден сидеть, сложа руки, а если он снимет один journal земли или же одну soixture луга, они желают получить по десять мер (mesures) пшеницы с journal, каждая mesure по 32 фунта весом, и по одной soixture по 100 фунтов приблизительно с болотного луга, а по прежнему договору было — soixture в 20 фунтов, а с journal земли по 6 мер по 32 фунта».

Со времени издания закона 11 сентября фермеры объявили продукцию со своей земли в 12 mesures, меж тем как другие земледельцы объявили ее по 16.³

«Вот почему, граждане представители французского народа, мы просим вас притти всей вашей властью нам на помощь и снизить цену на земли указанной фермы в Вонже, на землю упомянутого Перренэ, дабы мы имели возможность существовать и заработать себе на жизнь. В нашей стороне достаточно земель для работы, если бы упомянутые фермеры не захватили всего в свои руки».

Рассуждение о сельском хозяйстве гражданина Жуанне земледельца и мирового судьи в Arc sur-Tille,⁴ Жерминаль II г. — март — апрель 1794 г. (F¹⁰, 264).

Он считает необходимым применить «решительные меры» для борьбы с крупным хозяйством: 1) земледелец не должен заводить хозяйство размером свыше того, что можно возделывать одной сохой; 2) он не должен «передавать предприятие» и обязан сам его возделывать; если обстоятельства вынуждают его к «передаче», он обязан произвести ее по цене контракта, без лихвы.

¹ Округ Дижона, кантон Pontallier-sur-Saône.

² В Бургундской равнине journal и soixture равняются 34,28 ares, Loutchisky. De la petite propriété en France avant la Révolution et de la vente des biens nationaux; Revue historique, t. L. IX, p. 88—89).

³ Речь идет о законе 11 сентября 1793 г., вволившем национальный максимум на зерно и кормы. Он предписывал производить перепись урожая.

⁴ Округ и кантон Дижона.

Петиция народного общества в Nuits¹, 2 термидора II г. — 20 июля 1794 г. (F¹⁰, 285).

«Эгоистичные и алчные фермеры дерзко захватывают земли... Вы должны поразить мечом закона всех фермеров, которые возьмут и затем станут удерживать за собой земли, которых не в состоянии возделывать лично».

Eure

Записка Мориза, члена сельско-хозяйственных обществ в Évreux и Auché. Évreux, 4 мая 1790 г. (F¹⁰, 207).

Указав на значение унаваживания, а следовательно и разведения скота, он говорит в заключении: «Как нам кажется, мы в настоящей записке в достаточной мере доказали, что если ферма состоит из слишком большого количества земель, фермер не в состоянии унавозить зимой весь посев, а при незначительном количестве унавоженной земли, притом же унавоженной в недостаточной мере, урожай не может быть обильным. Мы постоянно видим, как мелкие фермы сдаются по цене, относительно вдвое превышающей цену крупных, хотя земля приблизительно одного и того же качества». Ему известен случай, когда один землевладелец (particulier), не имея возможности продать имение за хорошую цену, распродал ее мелкими участками и получил вдвое больше.

Поэтому он предлагает Национальному собранию «постановить, чтобы крупные церковные фермы были поделены на небольшие участки и розданы, под поручительство, тем, из участников торгов, кто больше предложит, и чтобы сдавать их можно было лишь тем, кто включит в контракт обязательство с первого же года завести упряжки из сильных, крепких кобыл вместо коней, случать их ежегодно с заводскими жеребцами, и кроме того засеивать четвертую часть земли кормовыми травами, чтобы иметь возможность растить молодняк — быков, коров, лошадей и мулов». Да кроме того необходимо запретить продажу навоза и соломы. «Что же касается излишков земель, отнятых от фермы, то если они будут сдаваться тому, кто больше предложит, доход с них удвоится; унаваживать их будут по крайней мере раз в два года, и зерно будет в изобилии». Сдавать в аренду надо по два либо по три акра; тысячи поденщиков (journaliers) будут тогда избавлены от необходимости идти в услужение, оставаться бедняками или же покидать свои деревни.

¹ Предполагаю, что речь идет о коммуне Nuits-Saint-Georges, округ Beaune; существует, однако, коммуна того же названия и в Yonne, округ Tonnerre, кантон Ansy-le-Franc.

Три с половиной четверти коров принадлежит им; поэтому следует сохранить общинные угодья и пастбища по обочинам (для овец имеются земли под паром).

Вторая записка Мориза. Evreux, 13 ноября 1790 г. (F¹⁰, 232).

Он напоминает об указаниях, заключающихся в его записке от 4 мая, и в частности о том, что три четверти общего количества коров находится в руках поденщиков (journaliers). Так как десятина упразднена, им больше не приходится обращаться к сараю юре для прокорма своей коровы зимой. «Чтобы устранить всякую двусмысленность и выразить пожелания самих рабочих — поденщиков (journaliers), с которыми мы поделились нашими соображениями относительно этой важной сельскохозяйственной операции, следует раздробить земельные участки и сдавать их участками в полакра или самое большее в три vergées.¹ Таким путем самый бедный поденщик (journalier) получит полакра или три vergées, смотря по тому, сколько он сможет унавозить и обработать как следует. Кроме того, раз участок будет невелик, он смелее станет набавлять цену и не постыдится за тем, чтобы надбавить к обычной цене каких-нибудь 40 су или 3 ливра». Если участок будет равняться четырем, шести, восьми либо десяти акрам «несчастный поденщик (journalier) ни в каком случае не осмелится гнаться за ним, скажет, что для него это слишком трудно, что он не в состоянии обработать такое количество земли, что он может разориться. Если же поденщики не будут участвовать в торгах, земля вся достанется зажиточному земледельцу (laboureur) и притом по низкой цене. Хуже унавоженная, хуже возделанная, отнюдь не возрастая в цене при продаже, она в их руках будет приходить в упадок и станет продаваться по все более низкой цене, — среди зажиточного крестьянства существует своего рода мания слыть крупными земледельцами; чтобы пользоваться этим пышным титулом, они должны возделывать большое количество земли», хотя и не в состоянии, за неимением скота, возделывать ее как следует. Поэтому-то «нам весьма желателен декрет, запрещающий всякому земледельцу, возделывающему свыше сорока акров земли, участвовать в торгах на эти мелкие участки и даже запрещающий ему снимать и более крупные фермы, если у него нет по меньшей мере десяти коров и трех сот овец».

Национальное собрание отнюдь не должно упускать из виду, что если такое количество деревенских рабочих (journaliers de campagne) станет мелкими хозяевами, сильно уменьшится количество благотворительных мастерских, которые могут сделаться настоящим бременем для нации. Став самостоятельными земледельцами (cultivateurs), они пожелают расширять свое хозяйство.

¹ Акр (81,712 ара) содержит 4 vergées.

«Чтобы пойти навстречу их пожеланиям, Собрание должно также постановить, что через три года все сколько-нибудь обширные участки земли, сданные в аренду крупным земледельцам (laboueurs) за неимением претендентов на них из числа поденщиков (journaliers), будут точно так же раздроблены и станут сдаваться небольшими, от полуакра до трех верже (vergées) участками, поденщикам (journaliers), которые несомненно подымут на них цену». Более чем вероятно, что бывшие сборщики десятины, содержатели постоянных дворов и харчевен, городские возчики, бесчисленное количество граждан, утративших то социальное положение, в котором они находились при старом режиме, пожелают опять стать земледельцами. Мы надеемся, что и сами владельцы крупных ферм, увлеченные примером Национального собрания, пожелают современем поделить их.

Петиция жителей Brey,¹ 17 октября 1792 г. (F¹⁰, 320).

Отмена десятины пошла на пользу одним лишь зажиточным земледельцам (laboueurs), которые в настоящее время прибирают к рукам все зерно и все корма. Остальному люду нечем прокормить коровы. Нельзя ли предоставить муниципалитету право вести учет урожая и обязать их снабжать, по справедливой и разумной цене, жителей — в соответствии с потребностями каждого — соломой, шедшей прежде на уплату десятины? Земледелец (laboureur), у которого 60 акров пахоты на посев, должен был бы отдавать в счет десятины от 1100 до 1200 колосьев; получающий десятину держал бы молотильщика; в настоящее время все это остается в амбаре у земледельца (laboureur), который не держит ни одного лишнего молотильщика и не вывозит хлеба на рынок.

Если бы размеры ферм были ограничены 25 акрами на поле (sole), злоупотреблений было бы меньше; а у них ее от 30 до 40 на посев (saisor). В некоторых приходах встречаются земледельцы, у которых по две-три фермы и даже больше; а если сдается кусок земли в один-два акра, они захватывают и его. Только у них и есть запряжка; бедняку приходится умолять их, чтобы они вспахали ему поле; они же соглашаются на это лишь в свободное время и за чрезмерную плату; они пользуются этим для того, чтобы окарнать поле бедняка, и отказываются от межеванья.

Составители петиции указывают, что за исключением нескольких зажиточных земледельцев (laboueurs), под ней подписались все граждане коммуны, т. е. 30 человек из 38. Среди подписавшихся — мэр, прокурор, нотабли, один из крупных земледельцев, имеющий по 60 акров на поле.

¹ Округ Bernay, кантон Beaumont-le-Roger.

Петиция Коммуны Prey, 1 ноября 1792 г.

Приводится у Gerbaux et Schmidt. Procès-verbaux des commissaires d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Legislative et de la Convention, 2 т. 32.

Она имеет в виду, раздел крупных ферм; нами не найдена.

Eure et loire

Петиция «всех граждан» в Bouville, 8 б. д. Пометка о передаче в Комитет земледелия 29 декабря 1792 г. (F¹⁰, 320).

Граждане Багено, из Орлеана, приобретя несколько ферм у г-д Монбуассье и других, хотят объединить их: вместо двух земледельцев (cultivateurs) один станет возделывать 240 сетье (setiers)⁴; половники будут устранены; землевладельцы не в состоянии будут производить полевые работы сами. Следует установить размер фермы в 150 сетье.⁴

Петиция народного общества в Illers, 5 28-го I месяца II г. — 19 октября 1793 г. (F¹⁰, 244).

Она отмечает роковые последствия укрупнения ферм и разрушения строений в кантоне Illier. Один земледelec (cultivateur) не должен бы обрабатывать свыше 190 сетье по 100 перш (perches), что дало бы ему возможность засеять рожь на 40 сетье и такое же количество пустить под яровое.⁴

В департаменте Эры и Луары встречаются фермеры, имеющие от 200 до 600 сетье; отсюда недостаток скота и пониженное плодородие почвы. По недостатку лошадей и навоза они часто земли запускают. Тот же, у кого всего два либо три сетье, принужден обрабатывать их с помощью крупного фермера, этой помощи он добивается с трудом и за дорогую плату.

Петиция народного общества в Boulay-la-Société, бывшем Boulay-Thierry, 6 29 плювиоза II г. — 17 февраля 1794 г. (F¹⁰, 285).

«Люди, сумевшие соединить в своем лице два превосходные свойства — добродетель и таланты, встречаются среди обездо-

ленных точно так же, как и среди тех, кто живет в достатке. Первые, будучи принуждены жить трудом своих рук, сильнее бы наслаждались плодами своего земледельческого труда нежели вторые, имеющие возможность пользоваться этими плодами лишь потому, что первые работают на них.»

Постановить, чтобы самые крупные фермы не превышали 150 арпанов, по 50 на поле; чтобы ни один земледelec не мог возделывать двух ферм, хотя бы он и ссылался на то, что вторая идет за счет его детей; чтобы каждый земледelec имел на ферме приличное жилье; чтобы всякий человек, принадлежащий к иному состоянию — торговец мукой, мельник, содержатель харчевни, почтарь и т. д., становясь фермером, должен был бы выйти из него; чтобы ни один мельник не мог держать двух отдельных мельниц, если только он не держит их уже свыше полугода.

Петиция муниципалитета Bullou¹, 21 жерминаля II г. — 10 апреля 1794 г. (F¹⁰, 331).

Гражданин Ленуар, бывший прежде нотариусом в Париже на ул. Траверсьер-Сент-Онорэ, Бютт-де Мулэн № 21, бывший сеньер Bullou, владеет большим имением (exploitation), образовавшимся из нескольких объединенных им земель. Если бы это имение поделить на три части, получились бы усадьбы (exploitations) по 40—50 арпанов, что было бы выгодно для Республики.

Gers

Адрес общества в Lognonne, 2 30 флореаля II г. — 19 мая 1794 г. (F¹⁰, 285).

Общество постановило требовать, «чтобы в видах пресечения алчности богатых фермеров и покровительства санкюлотам, ни один гражданин не мог арендовать свыше одной метерии».

Петиция народного общества в Lisle-Jourdain, 3 6 фруктидора II г. — 23 августа 1794 г. (F¹⁰, 331).

Она отмечает скупку земель, принадлежащих нации и частным лицам, гражданами, которые сами не занимаются земледелием, и требует, чтобы никто не мог арендовать земли свыше того, что ему по средствам и силам самому обработать. «Да поразит меч закона того, кто нарушит это благотворное постановление».

¹ Округ Châteaudun, кантон Brou.

² Или la Rounieu, округ и кантон Condom.

³ Главный город кантона в округе Lombez.

⁴ Округ Evreux, кантон Saint-André-de-l'Eure.

² Publication de la Commission de recherche et de publication des documents, relatifs à l'histoire économique de la Révolution.

³ Округ Châteaudun, кантон Bonneval.

⁴ В Дюнуа сетье равнялось 42,21 ара; 240 сетье составляют 101 гектар 30,40 ара; 150 сетье — 63 гектара 31,50 ара.

⁵ Главный город кантона в округе Chartres.

⁶ См. на стр. 135, прим. 2. В Дюнуа арпан был равен 100 перш по 20 кв. фут, 120 сетье составляют 50 гектаров 65,20 ара.

⁷ Boullay-Thierry, округ Dreux, кантон Nogent-le-Roi.

Записка Форестье, администратора департамента, 12 декабря 1790 г. (F¹⁰, 332).

Речь идет о том, чтобы притти на помощь нищете. «Высокое Собрание пока еще ничего не сделало для неимущего класса; оно интересовалось только землевладельцем и капиталистом».

«Значительное количество национальных имуществ окажется не распроданным, потому что двенадцатую часть цены надо уплачивать наличными; бедняк не в состоянии этого сделать. Почему бы не продать ему в кредит, с выплатой в 99 лет, небольшой части этих самых земель? Я бы все их распродавал таким образом. Конечно, были бы случаи неуплаты, недоимок, зато в общем правительство извлекло бы в пять раз больше, чем получит при нынешнем способе продажи. Не было бы надобности в ассигнациях; существовали бы процентные бумаги, которые можно было бы вручать государственным кредиторам; принося процент, они принимались бы ими с большей охотой, так как после выкупа или погашения пожизненной ренты люди не будут знать, что делать с бумажными деньгами или же у государства окажется одним фондом в обращении меньше».

Дальше он рассматривает вопрос о разделе общинных земель, который сопряжен с большими трудностями. По его мнению, поделить их следует на возможно большее количество наделов и пустить с торгов, с выплатой в 20, 30, 40 или 99 лет и с уплатой 5%; плату за них надо вносить государству на покрытие долга, а процент пойдет в пользу коммуны, одна треть на облегчение поземельного налога, другая на облегчение подушных повинностей; на последнюю треть будет содержаться благотворительная мастерская. Надел может получить лишь тот, кто прожил в коммуне пять лет или же, проживая в другом месте, имеет в ней половника.

Второй надел можно получить лишь при условии, что все соискатели удовлетворены. Если и после этого останутся наделы, их следует раздавать наиболее беднейшему населению, по душам, а не по хозяйствам, и без всяких иных платежей, кроме уплаты налога. «Если останется непроданной часть национальных имуществ, их следует распределить таким же образом».

Indre

33

Адрес гражданина Бертрана, бывшего департаментского администратора, Комитету общественного спасения. Indre — город. 17 нивога II г. — 6 января 1794 г. (F¹⁰, 285).

Он заметил, что в течение последних лет в областях виноградарства богатые землевладельцы стремились разводить вино-

¹ Революционное название Châteauroux.

град. Прибрать к рукам фермы и сократить количество продовольствия — таков план этих контрреволюционеров. Он требует декрета, который бы предписывал: 1) поделить фермы, 2) на землях, пригодных для зерновых культур, вырвать виноградную лозу.

34

Адрес народного общества в Argenton, 1 20 флореаля II г. — 9 мая 1794 г. (F¹⁰, 285).

Оно приветствует наказание изменников и заговорщиков. «Это не единственный враг, с которым мы должны бороться; существует множество других, не менее опасных, которые под маской патриотизма являются источником всех злоупотреблений, совершаемых в деревне. Это крупные фермеры, ставшие в настоящее время подлинными тиранами; покарать немедленно этот класс себялюбцев, которые из своих богатств оплачивают козни контрреволюционеров, и приглашает вас народное общество. Они сеют уныние в народе, скупают товары, не соблюдают максимума; они собирают в своих руках земли: население находится у них в неволе; занимаются они главным образом торговлей скотом, «цена на который неимоверна». Конвент просит постановить, чтобы фермы были поделены, и чтобы ни в одной не было свыше определенного количества земли.

Isère

35

Петиция гражданина Лорана, Saint Marcellin, 30 августа 1792 г. (F¹⁰ 320).

Землевладельцам, имеющим больше тысячи арпанов земли, — лугов, виноградников и пр., — следует запретить приобретать другую поземельную собственность; те, у кого уже имеется больше этого количества, должны уплачивать поземельный налог в двойном размере. Это будет в значительной мере благоприятствовать сельскому хозяйству, и, открыв многочисленным гражданам доступ к собственности, будет способствовать укреплению конституции.

36

Адрес подлинных санкюлотов коммуны Montferrat, 2 4 вантоза — 22 Февраля 1794 г. (F¹⁰, 285).

Они выражают удовлетворение тем, что Революция ниспровергла феодализм. Удержался, однако, «феодальный пережиток, бесчеловечный, исполненный произвола, вполне заслуживающий внимания монтаньяров: мы имеем в виду то употребление, кото-

¹ Главный город кантона в округе Châteauroux.

² Округ La-Tour-Du-Pin, кантон Saint-Geoire.

рое наш бывший сеньер делает из своих ферм. Это не значит, что мы приравниваем его к большинству бывших аристократов, подлых эмигрантов; до настоящего времени он всегда выказывал перед нами патриотизм». Они ставят ему в упрек только следующее: семь его ферм составляют половину коммуны; фермеры его неуступчивы; если к ним обращаются с требованиями подмоги, у них оказывается нехватка рабочих рук; если какой-нибудь бедняк просит сдать ему в наем арпан земли, они отказывают. Словом, это чужаки, гордецы, которым дела нет до того, что множество бедняков сидит без работы, а их собственные земли плохо возделаны.

Вывод: надобно разделить крупные фермы. 25-ти журна (journaux) заглаза одному гражданину. Того, кто владеет 100 journaux, надо принудить отказаться от 75 из них.

Jura

3

Народное общество коммун Maupal и Augea,¹ состоящее из земледельцев (cultivateurs), б. д. Поступило 28 мессидора II г. — 16 июля 1794 г. (F¹⁰, 264).

«Богатые себялюбцы, прирожденные враги равенства, хотят воспользоваться преимуществами новой конституции, не делясь ими с неимущим и трудолюбивым классом». Они пожелали и сократить, насколько это в их силах, преимущества, обеспеченные сельским жителям благодаря завоеванию свободы; они, если можно так выразиться, захватили в свои руки имения; они понимали в аренду все земли, принадлежащие землевладельцам, не занимающимся лично хозяйством, и жадно высчитывая стоимость урожая с полей и ценность отмененных несправедливых повинностей, которыми они были обременены, они нашли способ, пересдавая от себя землю в аренду бедному земледельцу, продавать ему благодеяния революции, являющейся делом ваших рук». Надобно уничтожить эти чудовища, «торгующие нашим потом». «Постановите, чтобы никто не мог арендовать земли больше того, что может сам обработать».

Landes

38

Петиция муниципалитета в Arjuzanx², 25 июля 1793 г. (F¹⁰, 264).

Выразив одобрение конституции, он требует указаний, «дабы вывести нас из затруднительного положения и установить мир и спокойствие как в нашей коммуне, так и в других коммунах

¹ Округ Lons-le-Saulnier, кантон Beaufort.

² Округ Mont-de-Marsan, кантон Morceaux.

у нас в округе». «Уничтожена ли десятина в равной мере как для землевладельца, так и для половника, — ибо отсюда самые сильные волнения и в нашей коммуне и во многих других. Когда мы требуем от колонов и половников повиновения закону, они отвечают: — пусть выполняет законы тот, кто получает выгоду. Мы принуждены, говорят они, платить, десятину и судебные издержки, как и в 1790 г. Мы платим все, говорят они, а хозяева — ничего; отсюда ясно, что конституция для богатей, а не для бедняков. Некоторые из них сильно потратились; они отказались платить десятину господам ввиду отмены налога; господа их подали на них в суд; там их приговорили уплатить все, как было при старом режиме; они апеллировали в округ; там было то же и еще их присудили к уплате издержек судебных, как в 1790 г. Это сильно раздражает их». Другие требования имеют в виду уменьшения поземельного налога и налога с недвижимого имущества, присылку законов («если мы их иногда получаем, так только разве случайно») и «чтобы в кантоне был оставлен священник» для удобства населения.

Loiret

39

Протоколы Народного общества в Montargis (Архив Лауре, L 212, ff 7 и сл.)

24 мая 1793 г. «Один из членов, в видах поощрения сельского хозяйства, предложил поручить корреспондентскому комитету обратиться с адресом к Конвенту, прося его постановить, чтобы землевладелец не мог лично или через посредство других лиц приобретать земли, если будет доказано, что его владения достаточны для того, чтобы удовлетворить его потребности и до некоторой степени способствовать удовлетворению потребностей прочих граждан; чтобы земледелец (laboureur) не мог брать в аренду больше одной фермы, ни присоединять к ней какую-либо другую manouvrierie, и чтобы декрет имел обратную силу в применении к фермерам, которые за последние шесть лет купили manouvrieries и домены. Предложение это, сделанное из любви к общему благу, тем не менее показалось чреватым всякими затруднениями обществу, считающему, что должно быть разрешаемо свободное владение землей точно так же, как и свободное обращение земли». Вопрос переносится на следующее заседание.

31 мая. Возобновляются прения по поводу предложения гражданина Камелэна. «Предложение это вызвало обмен мнений, на основании которого общество, принимая во внимание, что в свободной стране невозможно стеснять право распоряжения собственностью и неполитично налагать оковы на земледелие, постановило перейти к порядку дня».

Lot-et-Garonne

40

Записка Бурбье, администратора дистрикта Casteljaloux¹, 8 Фруктидора II г. — 25 августа 1794 г. (F¹⁰, 321).

Наряду с другими мероприятиями она советует постановить, чтобы всякое лицо, не владеющее собственностью, имело право взять в аренду на десять лет одну десятую арпана первоклассной земли, выплачивая владельцу в пятикратном размере сумму платимых им за нее налогов, и чтобы владелец не имел права отказывать, если генеральные советы коммуны и дистрикта подержат просьбу.

41

Вторая записка Бурбье, 1 брюмера III г. — 22 октября 1794 г. (F¹⁰ 212 B).

Она преследует ту же цель. Генеральные советы должны принимать решение, «ознакомившись предварительно с затребованным участком земли, который должен являться возможно менее невыгодным для владельца; выбирать же следует собственника наиболее состоятельного и наиболее небрежно возделывающего поля».

Maine-et-Loire

42

Письмо Р. М. Clémenceau,² Cholet, 24 брюмера II г. — 14 ноября 1793 г. (F¹⁰, 285).

Он находится в командировке в дистрикте Cholet. «Принцип мой — война дворцам, мир хижинам; водворение на землю всех истинных санкюлотов, а, следовательно, раздел крупных имений бывших дворян». Не должно сохраниться ни одного замка, ни одна хижина не должна быть сожжена. Следует «поделить все земли эмигрантов на мелкие фермы по 60—70 буасселе (boisselées)³ поселить там отцов семейств, имеющих детей, с тем, чтобы стоимость своих ферм они выплачивали в государственную казну». Им надо передать строительный материал снесенных зданий и разрушенных замков. «Эти новые фермеры будут привязаны к республике чувством признательности, основание для которой всегда будет у них перед глазами. Крупных состояний, принес-

¹ Главный город кантона в округе Nérac.

² Так написано в подлиннике, тем не менее, нет оснований сомневаться, что автором этого письма является René Mathurin de Clémenceau, судья в трибунале дистрикта Saint-Florent, в 1791 г. проживавший в Beaupréau, затем член Законодательного собрания, впоследствии Совета пятисот.

³ Размер буасселе в Анжу изменялся в зависимости от местности; в среднем оно равнялось 5,5—7 ара.

ших столько зла в прежнее время нашей стране, не будет, так как последует запрет для каждого республиканца быть арендатором или собственником больше, чем одной из таких маленьких ферм».

43

Колло и Билльо, члены Комитета общественного спасения, уполномоченные по переписке, Комитету земледелия 9 жерминаля II г. — 29 марта 1794 г. (F¹⁰, 285).

Они пересылают Комитету извлечение из письма национального агента в дистрикте Анжер, который сообщает, что дробление имений эмигрантов идет полным ходом, и происходит тщательный раздел национальных имуществ; по поводу всего этого он делает следующее замечание: «Это дробление очень хорошо, но если за этой процедурой не следить тщательно, недоброжелательные люди, прикрываясь народными интересами, могут злоупотреблять ею и причинить республике, может быть, непоправимый ущерб. Нам грозит недостаток мяса и лошадей, и если раздробить крупные метерии, единственно способные разводить молодняк, можно, под видом исполнения закона, поставить Республику в такое положение, что она не в состоянии будет возместить свои потери».

Заканчивают Колло и Билльо так: «Вы должны обсудить насколько эти опасения основательны».

Manche

44

Записка Москерона, бывшего городского эшевена в Cherbourg, в настоящее время находящегося в Maison nationale, улица Фоссе Сен-Жермен-л'Оксерруа. 7 флореаля II г. — 26 апреля 1794 г. (F¹⁰, 331).

Он советует воспретить фермерам сохранять за собой больше 50 арпанов.

Meurthe

45

Петиция Народного общества в Vic,¹ б. д. (анализ ее Комиссией земледелия и ремесл), 16 жерминаля II г. — 5 апреля 1794 г. (F¹⁰, 331).

Земледельцы (cultivateurs), которые прежде имели возможность арендовать земли, не могут их больше достать. В записке требование, чтобы земли, лежащие под паром, были реквизированы и сданы в аренду по заявкам муниципалитетов и с разре-

¹ Главный город кантона в округе Château-Salins.

шения дистриктов, с правом пересдачи их и чтобы земледельцы (laboueurs), отказывающиеся обрабатывать землю для других, подвергались наказаниям.

Член Комиссии Жуенно приписал внизу: «Эта последняя мера может повести к спекуляциям, ажиотажу и интригам».

Moselle

46

Дистрикт Вриеу — Комиссии земледелия 7 фримера III г. — 27 ноября 1794 (F¹⁰, 233).

В убеждении «что в намерение Национального Конвента входит поощрение всеми возможными способами сельского хозяйства», он всегда «с величайшей заботливостью» выполнял декрет 3 июня 1793 г., статью 5, параграф 2, повелевающий делить имения эмигрантов «поскольку это будет возможно сделать, не обесценивая отдельных ферм либо доманов». При оценке и разделе каждого имения комиссары стремились в каждый участок включить достаточное количество jours земли пахотной и лугов, чтобы составить ферму (un corps de ferme); однако, постановление это, предусмотренное указанным выше законом, почти повсюду обходится. Граждане, сделавшие себе профессию из перепродажи этих земель, приобретают с торгов важнейшие участки и через день или через несколько дней перепродают их по частям, разоряя этим земледельца. Такие проделки не только отпугивают покупателя, но, если так будет продолжаться, земледелие серьезно пострадает, — оно нуждается в усиленном поощрении, ввиду развития пастбищ, а вместо того его подрывают».

Черновик ответа комиссии находится в той же папке: инкриминируемый процесс — законен. Да кроме того, если некоторые участки делятся после продажи, зато другие объединяются. Таким образом достигается равновесие.

Nièvre

47

Письмо народного общества Брута Великого, ¹ 25 нивога II г. — 14 января 1794 г. (F¹⁰, 285).

В нем анализируется принятое 14-го числа постановление, направленное против крупных ферм.

«В департаменте Ньевр фермы доходностью от 20000 до 50000 ливров обычно и почти неизбежно, приняв во внимание характер почвы, включают в себе все, что потребно для земледелия и торговли, — луга, виноградники, леса, поля, железные руды, печи, пруды и мельницы». Конечно, фермер не может заниматься

¹ Saint-Pierre-le-Moûtier, главный город кантона в округе Nevers,

всем. Он отдает предпочтение лесу и железу; это надежней и почетней, чем земледелие; земли он поэтому сдает земледельцам, но он смотрит на них в сущности как на возчиков, как на чернорабочую силу; если урожай хорош, он пустит всю землю под пастбища.

«Главное основание конституции — равенство; она стремится к тому, чтобы нечувствительным образом сократить большие состояния; это не удастся, если и впредь будет допускаться существование крупных ферм, арендаторы которых всегда наживаются на крупных состояниях».

Нужно, следовательно, воспретить крупные фермы. В вопросе о размерах и цене общество полагается на Конвент.

48

Петиция земледельцев (des laboueurs) кантона Roche-la-Montagne, бывш. Saint-Sulpice, ¹ 10 термидора II г. — 28 июля 1794 г. (F¹⁰, 502).

Направлена против богатых фермеров. Петиционеры требуют, чтобы фермеры и земледельцы (cultivateurs) назначали каждая сторона по эксперту для проверки договоров, для заключений по жалобам земледельцев (laboueurs) и аннулирования «обременительных» статей в договоре.

Петиция одобрена генеральными советами коммун Jean-aux-Amognes, ² Roche-la-Montagne и Montigny-aux-Amognes и генеральным советом Народного общества в Вопа. ³

49

Петиция коммун кантона Guérigny, ⁴ б. д., (F¹⁰, 320).

Против фермеров и против взимания десятины, которое они производят в свою пользу. Требования: запрещения арендовать больше одной фермы, причём обрабатывать ее фермер обязан сам; уничтожения передачи ферм; запрещения восстанавливать десятину; приказа зажиточным земледельцам (aux laboueurs) вспахивать землю мелких земледельцев, с тем, чтобы те рассчитывались за это поденной работой; разрешения муниципалитетам допускать в качестве земледельцев (cultivateurs) только лиц, получивших удостоверение в цивилизме.

¹ Округ Nevers, кантон Saint-Benoît-d'Azy.

² Saint-Jean-aux-Amognes, который подобно Montigny-aux-Amognes принадлежит к округу Nevers, кантону Saint-Benoît-d'Azy.

³ Округ Невр, кантон Saint-Saulge.

⁴ Округ Невр, кантон Pougues.

Петиция Жана-Луи Пюша «из Golzaucourt,¹ между Cambrai и Régionne, проживающего у Жюльена Лекока, на улице Кальвер», б. д. (получена 7 апреля 1790 г.) (F¹⁰, 284).

«Милостивые государи, постановите, пожалуйста, чтобы богатые уступили даром или на иных условиях землю тем, у кого ее нет. Найдется ли существо, достаточно бесчеловечное, чтобы отказать в этом?» Это необходимо сделать, чтобы «положить конец угнетающей нас нищете». «В земле нет недостатка». Откажет только «скупец, желающий по очень высокой цене продавать бобы, горошек, картофель и пр.»

Рапсодия наблюдений, представленная Национальному Конвенту гражданином коммуны Carpellebroucq,² кантона Bergues, дистрикта Bergues, Северного департамента, который уже пять лет, как разбит апоплексическим ударом и по настоящее время не мог появиться ни на одном первичном избирательном собрании, дабы изложить там нижеследующие свои мысли и воззрения. 21 фримера II г. — 11 декабря 1793 г. (F¹⁰, 320).

«В интересах упрочения французской республики и поддержания равенства желательно, чтобы все сельские жители возделывали хоть по несколько арпанов или мер (mesures) земли, будь то собственность или же аренда.

«Но я с прискорбием замечаю, что все захвачено крупными земледельцами (grands cultivateurs) в ущерб поденщикам (journaliers) и малосостоятельным лицам. Если где и продается или сдается в аренду каких-нибудь шесть-семь арпанов земли, большей частью их покупают или арендуют крупные земледельцы (grands cultivateurs).

«Поденщик (journalier) считает себя счастливым, если ему удастся подыскать себе где-нибудь жилье и несколько арпанов земли, где бы он мог поднять свою небольшую семью, дать ей кое-какое воспитание; однако же, очень часто случается так, что по истечении срока договора ему приходится уходить с этой земли, и он не знает, куда деться. А между тем многие земледельцы (cultivateurs), в ущерб другим гражданам эксплуатируют по две-три крупных фермы, в которых нередко насчитывается по 400—500—600 арпанов земли,³ что подчас составляет большую

¹ Gouzeaucourt, округ Cambrai, кантон Marcoing.

² Carpellebroucq, округ Dunkerque, кантон Bourbourg. Петиция приводится in-extenso.

³ Под арпаном петиционер, повидимому, разумет „меру“, (mesure) принятую в Берге и равняющуюся 44,1 ара, возможно, однако, что он имеет в виду „меру“, принятую в Касселе и равняющуюся 35,3 ара.

часть коммуны, в которой он (!) занимает первое место, управляя ею в своих интересах и к ущербу прочих лиц, которые не решаются голосовать за других активных граждан, достойных занять это место; происходит это оттого, что часть жителей работает на него, другие же запуганы им или привлечены на его сторону другими способами, противными общему благу.

«Обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что некий бывший советник, пенсионер, в городе Дюнкерке, владеет примерно 400—500 арпанов земли в трех фермах, возделывает их за свой счет с помощью наемных слуг, в ущерб другим лицам, которые могли бы, уплачивая разумную цену, просуществовать на них и воспитать детей; такие случаи идут в значительной мере в ущерб населению. Многие молодые парни женились бы, если бы могли найти пристанище на какой-нибудь ферме, либо другое жилье.

«Еще обращаю ваше внимание, что в течение двадцати пяти или тридцати последних лет в двух или трех коммунах разрушено и погибло свыше пятидесяти мелких усадеб (fermes) по двадцать, тридцать и сорок арпанов, — одни крупнее, другие мельче, — а земли сданы крупным земледельцам (à des grands cultivateurs).

«В интересах общества следовало бы, чтобы Национальный Конвент постановил восстановить и заново отстроить те разрушенные усадьбы, принадлежащие к которым земли были за последние 20—30 лет включены в другие фермы, и запретил бы земледельцам обрабатывать по две фермы, независимо от того, собственные они или арендованные.

«Вспоминаю я также, что в 1750 г. был издан ордонанс, или постановление, запрещавшее земледельцам эксплуатировать по две фермы, но с ним не считались.»¹

«В случае, если бы два или три лица располагали двадцатью либо двадцатью пятью—тридцатью арпанами арендованной земли, двое из них могли бы держать лошадь для производства пахоты у себя и у третьего; это связывало бы их взаимной дружбой и братством; теперь же, если какому-нибудь мелкому земледельцу (un petit cultivateur) нужно вспахать землю, ему не найти никого, кто бы ему помог это сделать в нужный срок, ибо средних земледельцев мало, а крупные не хотят за это братья, разве только по высокой цене.

«Еще обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство: некий гражданин из коммуны Сен-Пьерребрук, тех же кантона, дистрикта и департамента, владелец небольшого замка и двух ферм подле замка, составляющих примерно двести арпанов земли, с некоторого времени сам ведет на них хозяйство, в ущерб другим лицам, и нередко принужден покупать рожь и другое зерно и даже корма для своего скота. А раньше, когда он их сдавал в аренду, у каждого съемщика ежегодно были для про-

¹ См. G. Lefebvre. Les Paysans du Nord, стр. 53. Речь идет об ордонансе интенданта Сешелля, он соответствовал кутюмам приморской Фландрии.

дажи и хлеб и другое зерно, хотя каждому из них приходилось кормить по пять-шесть душ детей; это доказательство плохого ведения хозяйства, которое наносит ущерб общему благу и интересам населения.

«Еще одно замечание: было бы очень полезно для общего блага, чтобы национальные имущества продавались мелкими участками, и чтобы было запрещено одному лицу покупать по несколько участков, или же инкорпорировать их в другие имения, дабы создавать большое хозяйство. Так делается во многих местах, а в этой коммуне многие мелкие фермы были даже проданы, хотя строения в них принадлежали арендаторам; одним из них оставили по два-три арпана земли; других заставляют разрушать строения, или же оставлять их по произведенной оценке, после того как уничтожат договоры, заключенные в присутствии эшевенгов, и инкорпорировать землю в более крупные хозяйственные единицы.

«Если бы земля Французской республики была поделена между большим количеством рук, обработка ее была бы лучше и урожай обильнее; у нас было бы сильнее развито соревнование и лучше бы работала промышленность; весьма нередко рабочий лучше знает работу, чем хозяин, на которого он работает; если бы ему удалось найти и снять несколько арпанов земли, он бы поднял ее качество, и другие люди менее умелые, могли бы воспользоваться этим.

«Обращаю внимание ваше на то обстоятельство, что в дистрикте Азербрук и в одной части дистрикта Берг вы с трудом могли бы найти каких-нибудь пять-шесть земледельцев (cultivateurs), эксплуатирующих по сто арпанов земли; зато земли там лучше возделаны и засеиваются ежегодно; во всей коммуне вы редко найдете в год два-три арпана под паром.

«В другой части дистрикта Берг, где много крупных хозяйств, земледельцы принуждены каждые три-четыре года оставлять под паром значительную часть своих земель. Таким образом здесь урожай меньше, нежели в других местах, где имеются только мелкие и средней величины хозяйства; это и доказывает, что крупные хозяйства вредны и приносят ущерб обществу.

«Если случается, что сдается небольшая ферма или пастбище (pâture) в семь-восемь арпанов, очень часто их снимают крупные земледельцы и от себя передают строение с небольшим огородом какому-нибудь поденщику (journalier), не давая ему разрешения пользоваться травой для коровы или другого скота.

«А если бы, наоборот, рабочий мог снять небольшую ферму или пастбище, где бы мог развести и кормить несколько коров и другой скот, он почтал бы себя счастливецом; а, умри он прежде своей жены, ей бы не пришлось сразу же обращаться за подачками в приход; у нее бы кое-что осталось для существования ее и детей и она бы скорей нашла возможность вторично выйти замуж за какого-нибудь честного сельского рабочего (domestique), нуждающегося в жилье; и он бы работал на пользу

населению. Если бы вся земля в Республике была распределена таким образом!

«Вот на моих глазах и сейчас прокурор нашей коммуны, земледелец, собственник, примерно, восьмидесяти арпанов земли в двух фермах, которые он эксплуатирует сам, сдает постройки с огородами одному поденщику (journalier).

«Вот другой — владелец фермы, мельницы и двух выгонов, где был дом и другие строения, разрушенные в этом году. Крупные земледельцы (cultivateurs) жалуются, что мало рабочих; рабочие жалуются, что не могут найти земли в аренду, что всю снимают крупные земледельцы.

«Если Национальный Конвент постановит распродать все церковно-приходские земли и земли госпиталей на условии уплаты 4% пожизненной или вечной ренты, он должен воспретить приобретать их тому, у кого есть другая собственность, либо же эта его собственность будет конфискована в пользу нации, так как надо иметь в виду, что иначе богачи пожелают сдать ее беднякам из пяти и шести процентов; бедняк или рабочий (ouvrier), смогший приобрести эти земли, построит на них дом, который, — он будет это знать, — он сохранит для себя и для своих детей, если станет ежегодно платить ренту за свое приобретение.

«Все эти замечания были высказаны во время составления первых наказов в 1789 г., но во многих коммунах наказания составляли или диктовали крупные земледельцы; они их не внесли туда.¹

«Писано в Каппельбруке, 21-го дня фримера месяца, второго года Французской республики, единой и неделимой.

П. Грнев. (P. Groeneve)»

Oise

52

Записки Левассора (Levassor) из Crépy-en-Valois.² Первая без даты, передана 3 февраля 1790 г. для доклада в Комитет земледелия; вторая датирована 21 ноября 1792 г., в это время Левассор был прокурором коммуны. (F¹⁰, 224 и 284).

В 1789 г. Левассор был избран в выборщики и на собрании бальяжа вошел в состав комиссаров, которым было поручено редактировать наказ. «Я написал отдельный наказ, который и был полностью включен в генеральный наказ бальяжа. В числе других требований я настаивал и на уменьшении слишком крупных хозяйств.» «При чтении этого наказа на собрании выборщиков, большей частью состоявших из земледельцев-ферме-

¹ Относительно аграрных условий в приморской Фландрии см. G. Lefebvre, Les paysans du Nord. Данный документ мне не был известен, когда я писал эту книгу. Читатель согласится, что он подтверждает мои выводы. Сравни №№ 56—58.

² Главный город кантона в округе Senlis.

ров (fermiers-laboureurs), я с удовлетворением видел, что почти все они признали, что хозяйство площадью в три-четыре сохи, т. е. в 225—300 арпанов в королевской мере, состоящих из 100 верже по 22 фута в верже,¹ является достаточным, чтобы занять производительно и с пользой силы хорошего землепашца; подавляющее большинство приняло это положение и подписалось под ним».²

Стараниями одного негоцианта, представлявшего город на собрании бальяжа, постоянный комитет в Крепи, представил в Национальное собрание записку с требованием «раздела сдаваемых в аренду земель».

Что касается соображений, приводимых самим Левассором, они в существе своем одни и те же, и мы ограничимся тем, что резюмируем записку 1792 г. Он указывает на то, что приобретение земель в одни руки (ассарAGEMENT) доходит «нередко до 600, 1200, 1400 арпанов» и ведет за собой следующие неудобства:

1) Урожай зерна падает. «Факт неоспоримый, что если один спекулянт арендует до десяти сох, урожай он снимает в пропорции к восьми», благодаря недостаточной затрате труда. Если у земледельца четыре сохи земли, приносящие ему каждая по 225 мешков зерна, и если, заарендовав пятую, он получит с нее лишь половину этого урожая, это тем не менее принесет ему добавочный доход, сильно превышающий соответствующие затраты. К тому же крупный фермер платит треть или четверть того, что приносила бы аренда по частям.

2) Идет спекуляция зерном. «Закон 16 сентября (1792) под страхом тягчайших наказаний предписывает землепашцам вывозить на рынок количество зерна, наложенное на них по зерновым ведомостям; для виду они подчиняются; но, входя в соглашение со скупщиками зерна, вывозят на рынок лишь проданные заранее мешки и объявляют стоимость их значительно выше настоящей, чтобы никому их не продать. Таким образом, рынки становятся просто-напросто очагами разных махинаций и скупок, производимых помимо всякой конкуренции, не считая того, что тайком перевозится по ночам.»

3) Скотоводство принорится в жертву культуре зерна. Если соху в 75 арпанов поделить между 25 жителями, у них будет 25 коров и около 20 телят ежегодно, меж тем как и крупный земледelec, у которого в руках соединено 300 арпанов, вырастит самое большее столько же.

4) Число бедняков возросло. В Нельи, подле Санлиса,³ ком-

¹ Королевский арпан равняется 51,07 ара; 225 арпанов составляют 114 гектаров 90 75 ара; 300 арпанов — 153 гектара 21 ар.

² Действительно, третье сословие Стёру-ен-Валоис требует, чтобы земледелец был ограничен четырьмя сохами, если только не арендует имения, принадлежащего одному владельцу; в таком случае оно может быть крупнее (Arch. parlem., III 79). Фамилия петиционера фигурирует в VI томе Arch. parlem., на стр. 585, но он там значится Левассор (Levasseur).

³ Neuilly-en-Thelle — главный город кантона в департаменте Senlis.

муне было передано 90 арпанов для распределения их между тридцатью бедняцкими хозяйствами, по три арпана на хозяйство, с условием, чтобы по смерти одного из съемщиков участок его переходил к тому из жителей, не имеющих собственности, кто первый вонзит лопату в поле, — в этой коммуне нет бедняков. У Луи, бывшего епископа в Страсбурге, был управляющий Френе, впоследствии старший писец в главном контроле ведомства финансов, которого Левассор хорошо знал. Френе замечал, что в Эльзасе фермы были укрупнены в хозяйственные единицы по 1000—1200 арпанов, сдававшиеся по 7 ливров за арпан; тысячи крестьян оставались без дела. Он поделил эти имения на небольшие аренды (marchés), оставив не свыше чем по 200 арпанов на ферму; арендная цена повысилась до 21 ливра за арпан и принесла прелату на целый миллион ливров больше.

В 14 лье от Парижа один бенедектинский приор поступил так же с участком вокруг одного населенного поселка и получил тот же результат; управляющий герцогини Мазарини тоже.

5) Спекулянты, арендующие фермы (ассарateurs de fermes) являются в своих приходах настоящими тиранами. Они заставляют именовать себя сборщиками налогов, устанавливают податные списки, устанавливают количество земли, которое им угодно записать в них на свое имя, определяют размеры налога с облагаемых, о чьем доходе они отлично осведомлены, нередко облагая максимально самых сырых, «не осмеливающихся оспаривать ведомость, составленную фермером, от которого они получают работу, так как при первой жалобе им грозит безработица... Нет другого такого мстительного существа, как фермер; нет такого корыстного существа, как фермер.» Они пользуются доверием у администрации и пустили корни в собраниях. Левассору известен некий фермер, бывший членом комиссии выборщиков и избранный депутатом в Генеральные штаты.

«Обобщим примеры. В Пикардии почти все крупные домены поделены между жителями в соответствии с силами каждого из них; все жители коммуны несут круговую ответственность за взнос аренды. Этот раздел земель настолько освящен обычаем — к благоденствию жителей, — что ни один крупный землевладелец не осмелится посягнуть на него, не опасаясь больших для себя неприятностей. Цена аренды справедливо повышается в соответствии с требованиями времени. И жители делят между собой земли в справедливой пропорции. Там, где установлены такие обычаи, драгоценные для блага отдельных личностей и для блага общества, землевладелец (un particulier) или крупный земледelec, который бы осмелился посягнуть на них, подвергся бы величайшей опасности, так как вызвал бы вокруг себя общее отчаяние. Каков результат всего этого? Народ там состоятельный, он не прозябает, а живет, и Пикардия поставляет на рынок огромные излишки, не урезывая потребностей своего населения.

«Кому неизвестно, что во многих местностях Бретани бывшие сеньеры являются владельцами всех земель, но все население

каждый год допускается к обработке почвы соответственно производимой ежегодно разверстке.»¹

Во Фландрии, где всякий житель либо владеет землей, либо арендует ее, нет земли под паром; точно так же и благосостояние Нормандии является результатом дробления если не собственности, то по крайней мере аренды. Даже в Валуа встречаются приходы с неблагодарной почвой, которые вносят сносное существование благодаря дроблению земли. «Я знаю приходы, располагающие какими-нибудь 200 арпанов, которые, будучи в обработке у 40—50 семей, приносят достаток, невиданный на лучшей почве долины, и напротив того, другие приходы, на расстоянии мили или двух, находятся в упадке, хотя их земля — лучшая в крае, потому что вследствие ведения крупного хозяйства населению достаются только склоны гор, *les rideaux*, либо скалы.»²

И наконец, вопрос этот имеет большое политическое значение. «Если Конвент, подобно двум предшествующим законодательным собраниям, сохранит этот и в физическом и в моральном отношении опасный порядок, он почти ничего не сделает для свободы и счастья деревни. В самом деле, какое имеют значение его правосудность и благодеяния для двух третей нации, не владеющих ничем, или весьма малым, и при нынешнем порядке вещей не имеющих даже надежды на то, что получат что-нибудь в собственность или в пользование? Никакие выгоды не доходят до них.

«Не столько сами налоги угнетают бедноту, как главным образом прямая невозможность существовать и уплачивать их. Национальное собрание уничтожило барщину, соляной налог, талью, ополчение и много других прежних повинностей, произвольных и раздражающих; оно спасло земли от самого страшного бича — от дичи; все это были великодушные постановления, в которых, однако, большая половина населения, лишенного собственности и аренды, не видит для себя никакой пользы, а между тем всякий гражданин, ничем не заинтересованный в том, что законодатель сделал для общества, из равнодушного, каким он мог быть, становится вовсе безучастным; если он нервен, как борзая, он убегает прочь; если он смел, он становится опасным в обществе: что ему терять? Если такой гражданин неправ, он не может даже в этом убедиться, поскольку закон молчит и ничего не сделал для него, не защитил его. . .

«Граждане законодатели! Разве не было бы дальновидным и в высшей степени справедливым, не говоря уже обо всех других соображениях, предоставить работу и средства существования стольким гражданам всех классов, которые в общем потрясении потеряли все и остались в величайшей нужде? Обратите ваши

¹ Автор, повидимому, имеет в виду степи и пустошопорожные земли, которые обрабатывались через большие промежутки времени. Относительно Бретани см. работу Sée, указанную на стр. 92, примеч. 4.

² *Les rideaux* это участки, возделываемые по откосам плато. См. Demangeon. *La plaine picarde*, 1905. Aufrère. *Les rideaux picards*. (Annales de géographie, 1929).

взоры на это огромное количество граждан, национальных гвардейцев и солдат, вооружившихся на защиту республики и наших законов, и сообразовите заранее подумать о том, чем они станут по окончании своих почетных функций? Не повелевают ли законы справедливости и гуманности предоставить им всем источник существования?

«Потребовать *in actu* пропорционального раздела земель и приходов между деревенским населением значило бы потребовать операции, если не вовсе невозможной, то во всяком случае рискованной: . . . вследствие слишком поспешного преобразования мог бы быть нанесен ущерб сельскому хозяйству, большое количество земли — подвергнуто риску плохой обработки.» К тому же и нельзя нарушить все контракты. Но следует подать крестьянам надежду, чтобы «поднять у них дух».

Вследствие этого он предлагает следующие мероприятия:

1) Договоры, заключенные на 9 лет, сохраняются в силе. Договоры, сроком на 18 лет, в тех случаях, когда аренда превышает 3 сохи, будут сведены на 9, если только земля, находящаяся в эксплуатации, не принадлежит одному и тому же владельцу. Контракты, заключенные после голосования (а не обнародования) этого декрета, будут объявлены недействительными. Договоры, не заверенные официально, не признаются, если на них нет бесспорной даты, притом же предшествующей закону.

2) Ни один землепашец не будет иметь права эксплуатировать в силу договора, заключенного до голосования закона, свыше трех сох, включая сюда луга, виноградники, пруды и пр., если только арендованная им земля не принадлежит одному и тому же владельцу. Излишки он должен будет передавать от себя в аренду участками по три арпана, из них один хорошей земли, другой средней, третий плохой, в первую очередь лицам, у которых ее недостает до трех арпанов; но в пределах до шести арпанов, и притом предпочтительно перед всеми другими, должен он сдавать землю национальным гвардейцам-волонтерам, которые служат в нынешнюю войну и получают следуемый им отпуск, с условием, однако, чтобы они не имели права спекулировать своей привилегией. Арендатор представит поручительство в уплате аренды, иначе она будет взиматься из урожая по рыночной цене зерна и с условием возврата арендатору соломы и фуража.

3) После истечения сроков договора нельзя будет сдавать одному землепашцу больше трех сох, или же количества, потребного ему, чтобы довести размер эксплуатируемой им земли до трех сох. Собственная земля съемщика учитывается в этой предельной норме. Землевладельцы могут эксплуатировать все, чем владеют, но если у них меньше трех сох, снимать в аренду землю для увеличения своего хозяйства они не могут.

4) Любой земледелец волен не подчиняться ограничению размеров ферм. Но если он снимет четыре сохи, он будет платить за $4\frac{1}{4}$, если 5 — за $5\frac{1}{2}$, если 6 — за $6\frac{3}{4}$, если 7 — за 8, если 8 — за $9\frac{1}{4}$ и т. д.

Размышления о земледелии граждан кантона Lieuvilliers,¹ дистрикта Clermont, б. д. Пометка о передаче в Комитет земледелия 13 декабря 1790 г. (F¹⁰, 212 B).

Скопление ферм (ассарAGEMENT des fermes) в одних руках (они имеют в виду хозяйства в 10—12 сох) вредно как с точки зрения сельскохозяйственной, так и с общественной. «Поденщики, которых они (фермеры) нанимают, живут в нищете, так как принуждены соглашаться на такую заработную плату, какую им со-благоволит дать; нередко также они еще гонятся за тем, чтобы брать в аренду мельницы, которые дали бы занятие еще целой семье, причем бедняку тогда представлялась бы возможность ехать на любую мельницу по своему желанию, между тем как теперь он принужден ехать на мельницу к фермеру, а иначе у него не будет работы».

В Laneuvilleroy, деревне в 200 дымов, «имение» поделено, и налицо всего две нищенствующие семьи. В Рувиллье, где сорок дымов, земля сдается большими участками, двадцать семейств просят милостыню.

Поэтому они требуют, чтобы размеры ферм были ограничены четырьмя сохами.

Среди многочисленных подписей — мировой судья Лаплас, кюре в Льевиллье Девержи, кюре в Ламескуре Фаскелль; мэры Анживиллье, Льевиллье, Киньера, Эркинвилля, Авреша; выборщик Луи Гренье.

Orne

54

Петиция санкюлотов кантона Collimer,² помеченная Saint-Julien, подле Le-Mesle-sur-Sarthe,³ 16 октября 1793 г. (F¹⁰, 212 B).

Составлена Делавинем, мировым судьей, которому было поручено передать Конвенту «пожелания санкюлотов нашего кантона».

Свирепствует голод. Причина его в том обстоятельстве, что пущено под покосы огромное количество земли, «которая не приносит нам ничего»; это дело рук крупных землевладельцев. Благодаря этому тот, у кого была одна ферма, хозяйничает теперь на трех и даже на четырех; единственная его забота — разводить лошадей. «Напрасно нам станут говорить, что в урожайные годы край приносит зерна больше того, что надобно, чтобы прокормиться в течение года; такие годы стали очень редки, как мы замечаем, с тех пор, как пошла эта укладка зерна для прорастания в навоз («les couchages»).

¹ Округ Клермон, кантон Сен-Жюст, в который входят также и коммуны, поименованные в этом документе дальше.

² Collimer, округ Mortagne, кантон Provenchères.

³ Saint-Julien-sur-Sarthe округ Алансон, кантон Méle.

Они требуют:

1) Чтобы земли, за последние тридцать лет отведенные под покосы, к марту будущего года были возвращены под пахоту.

2) Чтобы ни один земледелец (аусан particulier) не держал больше одной фермы, а превышающие эту норму контракты были аннулированы.

3) Чтобы тяжесть налогов была переложена на травосеяные луга.

4) Чтобы комитетам надзора было поручено исполнение декрета и наложение штрафов на нарушителей его, землевладельцев и фермеров.

Следуют многочисленные подписи.

55

Письмо Дюпреза, администратора в дистрикте Alençon, 5 термидора II г. — 23 июня 1794 г. (F¹⁰ 212 B).

Он одобряет раздел имуществ эмигрантов; хорошо было бы оставлять от 30 до 36 арпанов¹ пашни и луга в соответствии с величиной каждой усадьбы-фермы. Излишки можно было бы поделить на участки по 4 арпана; это было бы «к выгоде республики и частных лиц». Пастбища (les herbages) делить не следует; это повело бы к созданию слишком большого количества изгородей и дорог. В Нормандии считают, что чем больше пастбище, тем оно лучше.

Во втором письме от 17 термидора он настойчиво повторяет: пашня требует заботы и рук, между тем как один человек в состоянии эксплуатировать (faire valoir) большое пастбище (un grand herbage).

Pas-de-Calais

56

Записка трех коммун в Calais: Oye² (подписали четверо жителей, из них один церковный староста и один бывший церковный староста), Marck³ (двенадцать подписей), Saint-Pierre³ (восемнадцать подписей, среди них синдика и писаря). 13 декабря 1789 г. (F¹⁰, 210).

Уже в течение ряда лет владельцы ферм не поддерживают больше строений, а часть их даже уничтожили; таким путем они все время объединяют по несколько ферм в одну. Следовало бы при наличии от 30 до 40 мер (mesures⁴) земли обязать их восстановить строения. Следовало бы также ограничить размеры ферм этой цифрой. Можно доказать, что в течение последних сорока

¹ По всей вероятности, королевский арпан (51,07 ара).

² Округ Saint-Omer, кантон Audruicq.

³ Округ и кантон Calais.

⁴ Mesure — 44,10 ара.

лет многие землевладельцы разрушили строения, распродали материалы и лес, а землю сдали как «расчищенные земли» (terres epillées). От этого они, однако, не получают такой выгоды, как некоторые думают, — крупный фермер во время жатвы не может найти достаточно рабочих рук.

57

Петения Лёльетта, содержателя харчевни под вывеской Лисы, на дороге из Кале в Булонь. Помечена 10 марта 1790 г. в Saint-Inglevert¹ (F¹⁰, 284).

Встречаются фермы, состоящие из 600 и даже 800 арпанов или мер (mesures). Не надо разрешать фермеру или землевладельцу снимать больше 150 арпанов. Землевладельцу это пойдет на пользу. Он получит со своих земель на одну шестую больше, а нация увидит увеличение урожая хлебов на одну четверть.

58

Проект улучшения важнейшего из занятий — земледелия, представленный Национальному Конвенту республиканским и монтаньярским обществом в коммуне Offekerque,² 3 жерминаля II г. — 23 марта 1793 г. (F¹⁰, 264).

«Граждане, народные представители, во все времена друзья закона, истинные санкюлоты, составляющие наше общество, были озабочены прежде всего тем, что могло повести к общему благу и к поднятию общественного процветания, а также и к упразднению всякого деспотизма, в какой бы отвратительной форме и где бы он ни осмеливался проявить себя. Поэтому-то, граждане, отцы народа, в нашей записке речь идет не больше не меньше, как о том, чтобы одним ударом уничтожить аристократию и дать нашим неимущим друзьям, истинным республиканцам, способ предоставить средства к существованию их многочисленным семьям, сократив слишком крупные размеры поземельных владений (exploitation), которые только причиняют вред обществу и ущерб интересам республики. Причины же этому таковы.

«Земледелец, занимающий больше трех или четырех сот мер (mesures), не может возделывать их во время. Поделенная между тремя либо четырьмя землепашцами, земля эта принесет гораздо больше.

«И разве с самого установления конституции все бедные санкюлоты не требовали постоянно этого столь необходимого ограничения? Сколько записок и адресов послано было разными коммунами и в последнее время большим количеством республиканских обществ, не перестающих вопить по этому поводу? Делалось это из боязни увидеть, как возродится в лице наших

крупных арендаторов (de nos gros occureurs), деспотизм и тирания, а отчасти для того, чтобы доставить трудящимся (aux artisans) наслаждение обрабатывать небольшой участок земли, который бы дал им средства к существованию». . . «Мы видим, как в коммунах, где почти все жители наделены хоть небольшим участком земли, крупные арендаторы (les gros occureurs) хотят отнять ее у них; мы с отвращением наблюдаем поведение этих алчных эгоистов, стремящихся каждодневно присоединять к одной ферме другую, и чаще всего ферму своего соседа. Мы видим, что за последние двенадцать или пятнадцать лет почти половина ферм в нашем крае была разрушена.

«1) Ради блага и выгоды Республики желательно было бы, чтобы количество арпанов в каждой ферме не превышало 140—150 и то при условии, чтобы они принадлежали одному землевладельцу, и чтобы к ним не присоединяли никакого другого жилья.

«2) Чтобы землевладельцам, разрушившим на фермах усадьбы ради присоединения их к другим аренда, было предписано отстроить их заново.

«3) Цель такого ограничения размеров состоит в том, чтобы облегчить страдающее человечество и дать нашим неимущим братьям сладкое удовлетворение иметь возможность в любое время присоединиться к нашим храбрым братьям по оружию для защиты своего маленького надела, в котором заключен для них единственный источник существования; надобно понять, что бедный санкюлот может рассудить следующим образом, сказав: «неужто нас избавили от деспотизма и тирании для того, чтобы отдать в добычу крупным земледельцам, и какую это собственность должен я защищать, не имея самого что ни на есть маленького надела, даже маленького уголка, где бы я мог устроить себе жилье.

Б. Исаак, председатель.
Ж. М. Кретъен, секретарь».

59

Адрес Национальному Конвенту Ж. Ф. Эда; Avesnes Égalité (бывшее Avesnes-le-Comte),¹ б. д., получен 21 мессидора (II г. ?) — 9 июля 1794 г. (F¹⁰, 236).

По поводу продажи национальных имуществ. «Многие из этих ферм следовало бы перепродать заново. В большинстве случаев продажа национальных имуществ в начале производилась целиком, одним земельным участком; продавали ферму в 400 арпанов земли и больше, и никто не заботился о том, чтобы на торгах было много соискателей, так как эти продажи частью производились по сговору (par cabales), что было не трудно сделать, так как покупщики этих земель в большинстве случаев

¹ Округ Булонь, кантон Marquise.

² Округ Saint-Omer, кантон Audruicq.

¹ Главный город кантона в округе Saint-Pol.

являлись родственниками или друзьями первых администраторов дистрикта.

«Фермеры эти так могущественны, что в нашем краю трое из таких землевладельцев владеют вместе пространством земли длиной примерно в два лье и шириной в пол-лье, и это еще не самые крупные.

«Если продажа будет производиться заново, ее следует производить небольшими участками».

60

Наблюдения гражданина Бубера, члена дистрикта, над состоянием культуры зерна в дистрикте Сент-Омер, 18 брюмера III г. — 8 ноября 1794 г. (F¹⁰, 266).

Он находит, что посевы зерна уменьшились, и приписывает это обстоятельство главным образом максимуму, но отчасти и дроблению земель, как следствию продажи национальных имуществ, так как Конвент не сохранил фермы в неприкосновенности. Сверх того он позволил еще и расторгать договоры, что привело в уныние фермеров, уже понесших убытки от самого факта продажи, ввиду того, что фермы духовенства сдавались дешевле других.

Тем не менее он благосклонно относится к мелкому хозяйству. «Мы с сожалением видели, как один землепашец хозяйничал на такой массе земель, какую не в состоянии охватить надзором самый деятельный человек. Земли были возделаны плохо или посредственно. А рядом было расположено несколько арпанов, обещавших обильный урожай; их обрабатывал какой-нибудь поденщик (journalier). Сравнение этих отличных друг от друга полей должно породить мысль о разделе земель, с тем, чтобы таким путем сделать их плодороднее. Я не сторонник крупного хозяйства, но я всегда видел в фермах единственные житницы изобилия. Люди, размышлявшие над сельскими работами, знают, что тот, кто возделывает каких-нибудь несколько арпанов, не продает зерна и сеет только для личного и своей семьи потребления; излишки урожая идут у него на откармливание скота. Нет сомнения, что многие земледельцы (particuliers), поделив между собой земли, достигнут благосостояния, которого не знали прежде. Тот, кто питался главным образом хлебом и молоком, будет есть масло и говядину; вследствие достатка увеличится население деревень; продукт земли будет им потребляться, но в городах рынки будут хуже снабжены. Я нередко бывал свидетелем того, как деревенские жители делали упреки мэру и муниципальным служащим своей коммуны за то, что те не отрезали достаточного количества земли от фермы, которую предстояло продать; они обвиняли экспертов в том, что они подкуплены крупными землепашцами». Он им возражал, что земли представляют большое разнообразие, одни требуют пары лошадей, другие четырех или шести; если отрезать от фермы

всю хорошую землю, никто не купит остального, что «упразднение нескольких ферм в одной и той же коммуне делает невозможной обработку их земли, так как трудно будет достать лошадей и земледельческие орудия», что, наконец, если поделить фермы, некому будет продавать зерно. «Время покажет, пригодно ли дробление земли для нации, насчитывающей в своей среде две трети землепашцев».

Pyrenées orientales

61

Записка, на которую указывал Буасси д'Англа и в которой идет речь о Port-Vendres, требует, наряду с другими мероприятиями, раздела крупных ферм и земель духовенства. Рассматривалась в Комитете земледелия 10 мая 1790 г. См. Gerbaux et Shmidt, II, 271. Записка эта нами не найдена.

Rhône et Loire

62

Записка, посланная муниципалитетом Mornand,¹ составленная мэром Франше, 5 сентября 1790 (F¹⁰, 210).

«Существенные соображения, встречающие противодействие со стороны слишком распространенного предрассудка, уничтожить который можно только с помощью положительного закона, который бы освятил естественный и позабытый принцип: никому не дано право располагать своей собственностью во вред обществу; она скорее принадлежит ему, нежели владельцу».

Землевладельцы сетуют на то, что обложены муниципалитетом гораздо больше, нежели арендаторы, обрабатывающие землю исполу. Но он рассматривал этих последних как «домашних слуг, рабочих на пашне (des premiers valets de labour), оплачиваемых гораздо ниже и несущих больший риск, нежели те, кому, вместе с этим званием, дается и более обеспеченное вознаграждение». Говорят, что половник должен был бы уплачивать половину налогов, раз он работает из половины урожая. Однако ж, закон хочет, чтобы человек платил в соответствии со своими возможностями; у него же ничего нет. Урожай, собранный им, «является для него очень скромным и тяжелым заработком: он едва-едва добывает себе самую грубую пищу; самый простой хлеб, загнивающая вода, кое-какие овощи, немного сыру, — вот что ему остается от этих так называемых доходов; да еще и из этих последних двух вещей, столь необходимых для него, у него отнимают сколько могут; если у него их недостаточно, чтобы внести столько, как требуется в контракте, ему приходится покупать их, также и яйца, и дичь, которые для него являются чем-то вроде запретного плода».

¹ Округ и кантон Montbrison (Луара).

Половник один работает столько, что в пору было бы шестерым; обременить его чрезмерно налогами, значило бы сделать для него обработку земли еще тяжелей; только при условии, что он расходует половину полученной им от урожая доли, удается ему добиваться среднего урожая. Ему приходится «нести все издержки огромного хозяйства, весь риск». Если его станут чрезмерно обременять, все в Форезе придет в упадок «к общему неблагополучию».

Те половники, которые преуспевают, обязаны этим наличию сбережений, по крайней мере ливров в 800, полученных от отца или составленных лично и вложенных в хозяйство. Землевладельцу от этого выгоды не меньше, нежели им.

Записка требует, чтобы «впредь землевладельцы не имели права, иначе как по постановлению мирового судьи, ни сгонять половника, ни лишать его, помимо звания гражданина, землепашца, мэра, муниципального чиновника, еще и возможности исполнять заповедь, повелевающую возделывать землю на полях, которые богатые владельцы не желают возделывать сами».

«Арендатора зовут хозяином, и, правда, ему приходится из своей доли в 50, 100 и 120 ливров кормить и оплачивать рабочих. Если при съезде с земли скот стоит меньше той суммы, за которую он его купил, у него отбирают часть последнего урожая. Недавно придумали новое разорительное условие: он должен платить десятины. Говорят, но ведь существуют же условия. Что значат эти условия? Нужно, чтобы они были заключены в присутствии генерального совета коммуны и с его одобрения».

Кроме муниципалитета в Mornand подписались один житель Champdiel,¹ сборщик податей в Sainte-Foy-en-Bussy,² мэр, прокурор и муниципальный служащий в Hôpital le Grand,¹ один житель в Uzore,³ мэр из Saint-André-le-Puy.⁴

Saône-et-Loire

63

Записка, представленная королю кюрэ Карионом из Issy-l'Évêque,⁵ печатная; Autun, 1789 г.; 8 мая 1790 г. поступила в Комитет земледелия (F¹⁰, 284).

«Со дня на день условия существования земледельцев становятся все тяжелее... Почти все они принуждены возделывать земли, им не принадлежащие; им навязывают несправедливые условия, соглашаться на которые им, однако же, приходится

¹ Округ и кантон Montbrison (Луара).

² По всей вероятности, Sainte-Foy-Saint-Sulpice, округ Montbrison, кантон Воён, соседняя с Bussy коммуна.

³ По всей вероятности, Mont d'Uzore, кантон Montbrison: две другие коммуны по соседству носят название Chalain d'Uzore и Saint-Paul d'Uzore.

⁴ Округ Montbrison, кантон Saint-Galmier.

⁵ Главный город кантона в округе Autun.

вследствие великой нищеты, до которой они доведены». В прежнее время земледелец получал по крайней мере половину урожая и приплода скота в соответствии с условиями называемыми половничеством; нынче землевладельцы или фермеры сверх всего требуют себе еще по 100 и 200 ливров в год.

Условия, навязываемые земледельцам, сводятся к трем видам: «первый с денежным авансом (à prix d'argent), — это значит, что земледелец или фермер дает землепашцу некоторую сумму денег, на которую тот должен обработать землю, не получая доли в продукте; чтобы эти условия не были несправедливы, надобно, чтобы заработная плата землепашца, добросовестно ведшего работы, не зависела от хорошего или плохого урожая».

«Другой вид условия — это так называемое пользование из трети; в таких случаях земледелец получает одну треть дохода, земледелец — две остальные доли. Такие условия строго выполняются только на хороших землях; земледелец не представляет ничего, кроме поля», а землепашец дает семена и несет все издержки по возделыванию земли; там, где почва плохая, третья часть не взимается в точности; земледелец или фермер получают пятую, седьмую или девятую часть. «На опыте доказано, что земля, возделываемая из трети, в состоянии вознаградить труды землепашца, расходы на семена, на посев и сбор урожая лишь двумя третями приносимых ею плодов; так что справедливо было бы издать закон, предоставляющий землепашцу, снимающему землю из третьей доли, две трети плодов, а землевладельцу или фермеру предоставить возможность сдавать земли с денежным авансом (à prix d'argent), если это им больше нравится, или же из половины урожая и из половины приплода или убыли скота». Третий вид условия договора, наиболее выгодный для землевладельца и для землепашца, представляет собой подлинное товарищество на равных началах; это и есть «договор половника». Земледелец предоставляет скот и постройку, земледелец несет все расходы по обработке земли и посеву (за исключением половины семян), по ремонту строений, поставляет солому, повозки при крупных и мелких работах по исправлению дорог, мостов и т. под., также сельскохозяйственные орудия; на его счет производится раздел урожая пополам. «На что тут могут пожаловаться землевладелец или фермер? Разве не достаточно для них, что они получают половину плодов, не неся ни трудов, ни издержек? А если притязания их еще не удовлетворены, пусть себе сдают земли с денежным авансом (à prix d'argent), тогда они получают весь доход, зато землепашец ни при каких случайностях не будет лишен условленной оплаты за свой труд». Он требует, чтобы доля половника была установлена законом в половину. «Такова мольба, с которой обращаются к вам, государь, все ваши бедные землепашцы, особенно же землепашцы Отэна... первой просьбой, высказанной ими, была просьба о том, чтобы их освободили от переложенных на них землевладельцами или фермерами денежных поборов; они делят

с ними все плоды земли, и те не совершая несправедливости, не могут ничего требовать сверх этого. И вот, государь, сможет ли ваше величество поверить, что это требование землепашцев не было принято третьим сословием, и что, возможно, им так и не удастся добиться, чтобы оно было внесено в наказ этого сословия.¹ Вы видите, государь, как трудно вашему величеству узнать истинные нужды бедных землепашцев; те люди, которые должны были бы просветить вас относительно их, заинтересованы в том, чтобы их от вас скрыть».

«Во всех сочинениях только и говорится, что о праве собственности; ни одно не занимается вопросом о вознаграждении, которого заслуживают труды землепашца; можно подумать, что во Франции только и существуют одни собственники, между тем как, наоборот, больше трех четвертей подданных вашего величества не владеют ничем. Неужели же владения богачей заслуживают большего уважения, нежели труд бедняка; неужели государство должно меньше заботиться об обеспечении наемному рабочему справедливого вознаграждения, нежели о предоставлении богачу плодов его собственности? Справедливо ли, чтобы землепашец был всецело поставлен в зависимость от произвола землевладельцев? Справедливо ли, чтобы они подчиняли его своему усмотрению и что ни день сбавляли бы вознаграждение, полагающееся за его труды?.. Землепашцы составляют главную массу нации, землевладельцы и фермеры — лишь небольшая часть ее. Справедливо ли, чтобы в Национальном собрании интересы небольшого количества людей помешали целой нации добиться должной ей справедливости? Таковы справедливые и главные жалобы землепашцев разных провинций бальяжа Отэн; если они, вопреки своим усилиям, не смогли сами довести их до подножия трона в заседании генеральных штатов, обязанностью юре было сообщить о них вашему величеству».

64

Петиция первичного собрания кантона Charbonnaux² 11 апреля 1790 г. (F¹⁰, 210).

Она послана Национальному собранию председателем первичного собрания Галло, юре-мэром в Charbonnaux.

После назначения выборщиков, первичное собрание постановило требовать, чтобы половник получал половину чистого дохода с усадьбы в зерне и скотом, без всяких резерваций. Землевладелец или фермер будет ежегодно давать отчет, при чтении которого землепашец может потребовать присутствия муниципального чиновника, может он требовать и скрепления отчета его подписью, а также присутствия его при заключении договора и, наконец, требовать проверки, не внес ли в него но-

¹ Оно и, действительно, не было включено в него. См. выше стр. 108.

² Charbonnaux, округ Autun, кантон Mesvres; то же Saint-Nizier и Thil.

тариус чего-либо, противоречащего договоренности. И договор и отчет будут считаться действительными лишь в том случае, если скреплены подписью доверенного лица со стороны земледельца.

Землевладелец обязан предоставлять дрова для хозяйственных надобностей и для отопления; если при уходе половника будет установлено, что землевладелец имеет право на возмещение убытков, оно должно быть отнесено на счет заместителя.

Петиция подписана Матильоном, мэром Saint Nizier, и Поле, юре и муниципальным чиновником в Thil.¹

Галло прибавляет: «Ходатайства эти больше чем основательны, несмотря на то, что подписи нескольких фермеров и производят впечатление вынужденных. Им было тяжело так просто, без оговорок, подписаться под тем, что в их интересах было бы запретить. Так как записка составлялась при многочисленном стечении народа, где невозможно было сохранить присутствие духа, нужное для редакции всех статей», национальное собрание может сличить с ней записки, посланные в Комитет земледелия. Он лично около двух месяцев тому назад послал таковую Талейрану.²

«Необходимость удовлетворить эти требования тем более настоятельна, что в деревнях наших царит общее возбуждение, последствия которого могут быть весьма роковыми. Уж во всех приходах, граничащих с моим, церкви опустошены... Открыто грозят покушением на жизнь и имущество фермеров». Нет другого средства помочь беде, кроме временного постановления, которое бы подавало надежду на скорое разрешение вопроса.³

65

Записка муниципалитета Thil-sur-Argoux,⁴ 12 апреля 1790 г. (F¹⁰, 284).

Благодаря злоупотреблениям со стороны фермеров спокойствие в Ниверне и Отюнуа нарушено. Они ежегодно требуют от половников значительных подношений на рождество, которые они называют «бель-мэн» (belles-mains), приношений маслом и т. под., они заставляют их совершать бесплатно перевозки, отбывать вместе с женами дни барщины, обязывают обрабатывать известное количество земли в их пользу и платить за нее талью. Осмотр фермы производится с большими издержками для земледельца. Фермеры не находят нужным давать ежегодно отчет половнику, который, не умея писать, позабывает о том или ином случае продажи скота и лишается своей доли. Случается также, он считает, что договор заключен на несколько лет, между тем

¹ См. прим. предыдущее.

² Епископ Отенский.

³ По поводу этих волнений см. выше на стр. 65. Под опустошением церквей надо понимать уничтожение сеньериальных документов. См. № 65.

⁴ Округ Autun, кантон Saint-Leger-sous-Beuvray.

как он заключен всего на год. И наконец, фермеры прибирают к рукам общинные земли и захватывают края дорог.

«Все эти злоупотребления до того раздражили земледельцев, что они переносят ответственность за все на церковные права. Чтобы установить спокойствие, надобно, чтобы земледельец получал целиком половину продуктов с земли, и чтобы муниципальный чиновник просматривал договоры между фермерами и полонниками, прежде чем они будут подписаны».

(Комитет земледелия постановил перейти к очередным делам).

Записка муниципалитета в Saint-Léger-Sous-Beuvray,¹ 5 мая 1790 (F¹⁰, 284).

В ней перечисляются злоупотребления, в которых обвиняется фермер: он заставляет полонников оплачивать работы кровельщика, представлять известное количество пряжи, масла, каплунов и цыплят; заключая договор на шесть или девять лет, он удерживает за собой два или три журно (journaux) пахоты, которую полонник должен обрабатывать для него, он же предоставляет только семена; сверх того, фермер требует еще от четырех до пяти возов сена; хотя бы его и не было, надо его поставить; он заставляет уплачивать себе от 100 до 250 ливров якобы в обмен на небольшой сбор каштанов, яблок, груш или орехов; он держит птичники, для которых фермер должен отдавать ему свой выводок; когда подходит срок договора, фермер является с нотариусом и предписывает свои условия; обследования фермы, поручаемые посторонним буржуа, обходятся очень дорого; их должен был бы производить сам фермер, притом за три дня до того, как съезжать полоннику. Кроме того, сгонять земледельца надлежит только в силу основательных причин. Муниципалитет требует упразднения фермеров, а также и торговцев зерном. И те и другие способствуют увеличению цен. Кто сеет, тот и должен доставлять зерно прямо на рынок. «Без этого народ всегда будет несчастным».

4 мая произошло столкновение между простым народом, с одной стороны, а с другой — буржуа и фермерами, которые вооружились пистолетами, ружьями, саблями; один из них выпустил по народу пять зарядов из пистолета, причем один человек был ранен; другой, вооруженный саблей, «врубился в середину народа», который отомстил за себя, сломав ему саблю. «Один из этих господ грозит народу голодом, другие избиением».

Муниципалитет состоит исключительно из земледельцев и рабочих.

Адрес Национальному конвенту земледельцев Laizu.¹ Brion,¹ Étang,² Mesures,³ Saint-Didier,² Saint-Léger-Sous-Beuvray,³ La Comelle,² Broye.¹ Прочитан на заседании 11 ноября 1792 г. (F¹⁰, 320).

Тридцать лет тому назад землевладелец делил продукт земли с земледельцем; теперь он сдает землю в аренду фермеру. Фермер ведет книги, которые пользуются доверием в суде; к концу аренды земледельец всегда оказывается должен от 1200 до 1500 ливров. С тех пор, как отменили десятину и феодальные права, положение скорее ухудшилось: фермер увеличивает белль-мэн (belles mains) и повинности. Многие приходы находятся в зависимости от какого-нибудь фермера: человек сорок-пятьдесят фермеров являются господами в дистрикте. Найти работу в соседнем приходе нет возможности. Надобно постановить, чтобы фермеры, которые не обрабатывают землю сами, делали бы это при посредстве наемных рабочих; если же сдают земледельцу, то сдавали бы из половины продукта и чтобы они не могли требовать повинностей, кроме ремонта и перевозки на ближайший рынок; чтобы каждые полгода давали отчет перед муниципалитетом.

Петиция многочисленных граждан Saint-Julien de-Civry,⁴ 22 июля 1793 г. (F¹⁰, 320).

Человек двадцать крупных торговцев, которых зовут «откармливатели быков», приобретают фермы, не обрабатывая даже своих собственных имений; землю они пускают под луга.

Полонники принуждены платить десятину, даже с молочных поросят, уступать лучшие плоды с фруктовых деревьев, уплачивать ежегодно от 400 до 500 ливров со своей доли, поставлять подводы для всех перевозок, которых от них требуют. Предоставлять от двенадцати до пятнадцати пар каплунов, масло, яйца, пряжу и пр.

Они требуют, чтобы тот, кто владеет пахотной землей в достаточном размере для того, чтобы образовать одно имение (une exploitation), не мог сверх этого арендовать земли; чтобы ни один фермер не мог арендовать земли больше, чем в состоянии сам лично обработать; чтобы не взималось ни десятины, никаких повинностей, невзирая на договор. «Фермеры — это злокачественный нарост на земледелии».

¹ Округ Отэн, кантон Mesures.

² Округ Отэн, кантон Saint-Léger-sous-Beuvray.

³ Главный город кантона в округе Отэн.

⁴ Округ и кантон Charolles.

¹ Главный город кантона в округе Отэн.

Петиция народного общества в Charolles, 3 фримэра II г. — 23 ноября 1793 г. (F¹⁰, 285).

Ее составители высказываются против стягиванья ферм в одни руки, которое ведет к спекуляции товарами и к эксплуатации половника (*colon partiaire*). «Из скопления ферм в руках одного человека вытекают еще более роковые злоупотребления, так как он приобретает деспотическую власть над землепашцами на первичных собраниях, где их голоса являются лишь отражением его личной воли».

Следует, конечно, разрешать землевладельцу не вести самому хозяйства, но лишь при условии, что он станет прибегать непосредственно к мелкому землепашцу (*colon*) или фермеру; кроме того «следует признать, что вообще говоря не всегда половники (*colons partiaires*) являются лучшими землепашцами». Поэтому требуют: 1) чтобы было запрещено сдавать и брать в аренду по несколько метерий; 2) чтобы берущий землю в аренду обязан был лично сам ее обрабатывать, либо же сдавать одному фермеру, который станет ее лично сам обрабатывать; 3) чтобы договоры, нарушающие эти условия, были расторгнуты к 1 флореаля этого года.

70

Петиция народного общества в Belvedere, бывшем Mont-Saint Vincent,¹ 20 нивоа II г. — 9 января 1794 (F¹⁰, 285).

1) Один фермер не может арендовать свыше одной фермы, максимальный размер которой будет установлен Конвентом.

2) Землевладелец или фермер, требующий от землепашца больше половины урожая и поземельного налога, «будет рассматриваться как подозрительный и караться в качестве такового».

71

Петиция народного общества в Creusot 10 вантоза II г. — 28 февраля 1794 г. (F¹⁰, 285).

Крупные земледельцы (*les grands cultivateurs*) перестали снабжать продовольствием большие города; рынков больше не существует. «Те, кто испытывают действительную нужду, принуждены отправляться в деревни и платить за продукты цену, какую назначит жадный крестьянин!»

Общество требует: 1) чтобы землевладелец был обязан сдавать каждое из своих имений отдельно фермеру; за собой он может оставить не больше одного; 2) чтобы сдавать он мог лишь за деньги и без всяких резерваций; 3) чтобы фермеру было запрещено вывозить со своей фермы скот; при каждой смене

¹ Главный город кантона в округе Шалон-на-Соне.

фермера будет составляться опись, полюбовная, или же при помощи экспертов, назначенных дистриктом; когда новый фермер будет в состоянии, он возместит с 5% расходы своему предшественнику, либо же землевладельцу, если тот давал ему ссуду; 4) чтобы было запрещено арендованную землю пересдавать от себя другим съемщикам, под угрозой штрафа в размере одной трети аренды как со сдающего, так и с арендатора.

72

Петиция революционного комитета в Bellevue-Ies-Bains,¹ 26 вантоза II г. — 16 марта 1794 г. (F¹⁰, 285).

Дороговизну скота и мяса следует отнести за счет алчности фермеров, «этих гусениц республики».

«Принимая кроме того во внимание, что фермеры — себялюбивы, что они — народные пиявки, что этот класс людей — враг своей родины, и что необходимо измыслить способы, как лишить его возможности прижимать человеческий род; принимая, наконец, во внимание, что фермеры держат в своих руках все предметы первой необходимости; что их приходится опасаться гораздо больше, нежели других недругов общего блага и разума; что в своей области они причиняют больше злодеяний, чем поверженные в прах гордецы и честолюбцы, что настоятельно необходимо водворить справедливый порядок», правительство приглашается рассмотреть «поведение фермеров в республике; поднять вопрос, не будет ли в ее интересах уничтожение всех арендных договоров, дабы затем изъять из рук у фермеров три четверти продуктов земли и избавить землепашцев от гнета».

73

Письмо народного общества в Autun, 9 жерминаля II г. — 29 марта 1794. Парижским обществом якобинцев 29-го передано Национальному Конвенту (F¹⁰, 285).

В нем требование о том, чтобы нельзя было арендовать больше одной фермы, и чтобы арендатор был обязан лично вести на ней хозяйство.

74

Петиция народного общества в Mâcon, 30 флореаля II г. — 19 мая 1794 г. (F¹⁰, 210).

Некоторые дурные граждане захватывают в деревнях много ферм, а в городах снимают в аренду по несколько домов, помимо тех, в которых живут сами... Многих землепашцев они лишают возможности арендовать ферму, которой было бы достаточно для того, чтобы могла просуществовать целая семья. В го-

¹ Bourbon-Lancy — главный город кантона в округе Charolles.

родах они лишают рабочих и малосостоятельных ремесленников возможности заключать договоры непосредственно с владельцами. Общество требует, чтобы лица, которые пересдают от себя арендованные ими землю или дома и назначают чрезмерные цены, были объявлены дурными гражданами, и с ними было бы поступлено, как с таковыми.

75

Письмо гражданина Пи, из кантона Cuisery,¹ дистрикт Louhans, б. д. (III г.) (F¹⁰, 212 B).

В нем прославление мелкого хозяйства. В коммунах Ratenelle, Préty и других, в кантоне Tourgnus, земля, хотя и среднего качества, обработана отлично; нет ни одного поля, которое бы не приносило урожая по крайней мере три раза в два года. Его отец и брат, вместо того чтобы сдавать все свои земли в наем одному лицу, сдают их исполу поденщикам и батракам, снабжая их скотом.

Sarthe

76

Петиция сорока пяти граждан из Tuffé, в 10-й день второго месяца II г. — 31 октября 1793 г. (F¹⁰, 284).

Надобно упразднить генерального фермера, «жадную пиявку». Авторы нападают главным образом на пунктуальность, с которой он требует уплаты аренды, а также пени, которых он добивается в случае запоздания. Имеется в виду гражданин Флери, управляющий генерального фермера, арендатора земли Боннетабль, владения гражданки Монтеклер, проживающей в Париже, на улице Шерш-Миди. Ему удалось заключить частное соглашение, по которому ему обещаны в генеральную аренду сорок пять наследственных ферм в коммунах Tuffé, Beillé, Saint-Nilaire-le-Lierru, Prevelles² и т. д. в дистрикте la Ferté-Bernard, занятые сорока пятью семьями, которым они были сданы генеральным фермером примерно лет двадцать назад, и договоры на которые истекают в 1794 г., к празднику всех святых. Для возобновления их он требует огромных pots de vin и удваивает арендную плату. Отцы семейств, хозяйничающие в течение тридцати лет, будут согнаны с земли.

Петиционеры требуют, чтобы был издан декрет об упразднении генеральных фермеров.

¹ Главный город кантона в округе Louhans.

² Все коммуны относятся к кантону Tuffé, округа Mamers.

Размышления о различных злоупотреблениях и разных полезных для нации учреждениях, представленные Национальному собранию гражданином Тонаром, торговцем цветами и растениями, предпринимателем, проживающем по улице Лурсин, у бывшей заставы того же наименования, предместье Сен-Марсель. Б. д. Пометка о передаче в Комитет земледелия 7 июня 1790 г. (F¹⁰, 284).

Он высказывается против объединения ферм в одних руках, о чем была речь во второй его «тетради» наблюдений. Он надеется, что Собрание воспретит обрабатывать свыше 50 арпанов на сезонный посев.¹

При продаже 400 миллионов национальных имуществ надо будет поделить строения, так же как и фермы; если же строения делить будет нельзя, их следует приспособить таким образом, чтобы они годились для двух фермеров; каждому из них надо будет оставить по 150 арпанов; остальное распродать по кускам, половину за наличные, половину в рассрочку или из ренты. Каждый кантон должен будет назначить двух комиссаров, которым будет поручено составить опись предназначенных к продаже имений и произвести безубыточный раздел их.

Следует предоставить при этом особые льготы мелкому люду: самое простое было бы продавать ему землю в обмен на ренту, с правом выкупа ее. Такую возможность следует предоставить земледельцам (aux laboureurs) и сыновьям их.

«Подобный проект обеспечит к тому же ренту духовенству. Можно было бы разрешить каждому муниципалитету продавать и получать деньги для внесения их в кассу, а также получать плату за каждый участок земли и за части строений, с обязательством израсходовать их в течение недели, покупая и перепродавая крупные фермы с соблюдением тех же формальностей, как и в отношении земель духовенства, и все это в пользу нации». Если покупка невозможна в данном департаменте, ее можно произвести в другом.

Всякий покупатель — с рассрочкой ли, или за ренту, — должен под угрозой отнятия земли засеять ее ко дню святого Мартина.

78

Вторая записка Гонара, 6 сентября 1790 г. (F¹⁰, 207).

Мясной голод проистекает от того, что пастбища расчищены для посевов хлеба. С другой стороны, крупные фермы держат мало скота и не откармливают его; не разводят птицы.

«Прискорбно, что нужда в деньгах, испытываемая государ-

¹ Здесь возможен выбор между тремя арпанами: королевский арпан (51,07 ара) общий арпан (42,21 ара) и арпан парижский (34,19 ара).

ством, является помехой тому, чтобы продавать земли за ренту (vendre à rente) мелким землепашцам, что привело бы Францию к общему благополучию.

79

Записка гражданина Лажирардьера; Париж, Университетская ул., 44, 12 октября 1729 г. (F¹⁰, 284).

Говорится о необходимости поделить имения (les exploitations) на массу мелких усадеб (en une foule de petits domaines), предварительно аннулировав все арендные договоры. Слуги, не имеющие места, всякий безработный люд должны в течение месяца явиться по месту своего рождения, чтобы принять участие в новой организации.

80

Размышление о продовольствии гражданина Монэ, в Париже, по улице Захари, № 72; б. д. (1793). (F¹⁰, 284).

Имения размером свыше 300 арпанов надо разделить пополам; те, в которых по 600 арпанов, — на три части. Максимум должен быть в 300 арпанов. Это преобразование должно осуществиться немедленно же, до наступления ближайшего посевного сезона. Если землевладелец не сдает в аренду излишков, превышающих максимум, этим должен от имени республики заняться муниципалитет.

81

Петиция Ивара, фермера в Maisons-Alfort 24 плювиоза II г. — 12 февраля 1794 г. (F¹⁰, 285).

По его мнению, надо ограничить земледельца таким количеством земли, которое он может возделывать одной сохой, подобный максимум можно исчислять в 50 арпанов.²

82

Петиция народного общества в Choisy-sur-Sine¹, II г. (F¹⁰, 264).

«Есть еще один класс врагов республики, с самого начала революции объединившихся с контрреволюционерами, у которых они арендуют землю; это крупные фермеры, ставшие ныне

¹ Кантон Charenton.

² По всей вероятности, парижский арпан (34,19 ара).

³ Choisy-le-Roi, кантон Ivry.

мелкими тиранами и, кажется, поклявшиеся довести нас при помощи всех ужасов голода до того, что мы вернемся под иго тиранов».

Они забирают в свои руки земли, нередко оставляя их невозделанными, и продают продукты на вес золота. Средство против всего этого состоит в том, чтобы разделить фермы. «Доказано, что путем такой мудрой меры вы разрушите козни богатых фермеров, сделаете счастливыми тысячи бедных санкюлотов, являющихся их рабами, несущими на себе все бремя труда на землях, доходом от которых пользуется один фермер».

83

Петиция Бодье и Лана Комиссии продовольствия. Париж, 3 вантоза III г. — 21 февраля 1795 г. (F¹⁰, 235).

«Так как для общественной пользы очень важно вернуть фермера в то первоначальное состояние, которого ему не нужно было никогда и покидать, ему, который по своему положению должен являться по отношению к своим братьям только хранителем и незапятнанным сберегателем благ, натурой данных ему в руки для их продовольствия... Граждане народные представители, вы возвыситесь до этой великой меры, ныне ставшей столь необходимой для общественного спокойствия; постановите, чтобы крупные фермы были ограничены в размере; чтобы каждый земледелец был ограничен в своем праве обрабатывать большее количество пахотной земли, чем требуется при употреблении двух, либо, самое большее, трех сох». Надобно обязать разводить молодняк скота в соответствии с обрабатываемым пространством земли, и назначить от муниципалитетов и народных обществ комиссаров для регламентации посевов, в зависимости от природы почвы.

84

Записка мраморщика, Дюбуа, Париж, ул. Каде, № 50, б. д. (F¹⁰, 284).

Многие богатые фермеры держат фермы по 20 000, 30 000, 40 000, 50 000 ливров; некоторые имеют их по 5 штук на 60 000 ливров. Отсюда проистекает спекуляция хлебом. Надобно расторгнуть договоры и акты, по которым имения сданы в аренду, начиная с 1780 г., разбить фермы и фьефы на участки по 1000 ливров, 1500, 2000, 2500, 3000, 3500 и так далее, вплоть до 8000 ливров арендной платы. Никто не сможет снимать имение свыше чем в 8000 ливров аренды, под угрозой штрафа в 4000 ливров.

Мандат, данный гражданами кантона Longueville² гражданину Дегрежу, уполномоченному сообщить в Париже об их присоединении к конституции, б. д. Поступило 15 августа 1793 г. (F¹⁰, 320).

«Довести до сведения славных наших представителей о том, что является настоятельной необходимостью запретить земледельцам (aux cultivateurs) засеивать больше двух акров сурепицей и полевой репой; держать по нескольку ферм; запахивать свыше 50 акров». ³ Третье требование вычеркнуто. Заметка написана рукой Морле, мэра в Лонгевилле.

Копия письма гражданина Малляра, муниципального служащего в Roncherolles, ⁴ пересланного в Комитет земледелия обществом — матерью Якобинцев 19 брюмера II г. — 9 ноября 1793 г. (F¹⁰, 285).

В дистрикте Gournay встречаются богатые землевладельцы и фермеры под названием herbagers. Не довольствуясь присоединением к своим землям многочисленных взятых в аренду метерий, они гонятся и за мелкой арендой и вздувают цены до того, что другие крестьяне не в состоянии выдержать конкуренции; они сносят жилые постройки и изгороди и превращают пашни в луга. В письме описываются экономические и социальные последствия действий «этой разновидности аристократии» и требуется:

1) чтобы ни одному владельцу, фермеру или herbager не разрешалось эксплуатировать одновременно по нескольку ферм или метерий; 2) чтобы в каждой коммуне в области Bray муниципалитетом были составлены описи ферм и locations, в настоящее время находящихся в их руках; 3) чтобы они были обязаны к концу настоящего года отказаться от излишков, так как договоры на них расторгаются по закону.

Помимо Малляра, письмо подписали граждане четырех коммун.

¹ Brinton. The Jacobins (1930), на стр. 169 указывает на неопубликованный документ, сохранившийся в архиве нижней Сены, L, 5645, от 26 фримера II г.: клуб в Gonneville (округ Дьеппа, кантон Тот) пересылает клубу в Гавре постановление, заключающее в себе требование, чтобы каждый отец семейства владел одним арпаном земли.

² Округ Dieppe, кантон Longueville.

³ Речь идет об акре, принятом в Arques и равняющемся 68,61 ара (Le Parquier. Cahiers de doléances du Baillage d'Arques, t. II, 588).

⁴ Округ Neufchâtel, кантон Forges-les-Eaux.

Петиция санкюлотов коммуны Haussez¹, 21 плювиоза II г. — 9 февраля 1794 г. (F¹⁰, 285).

«Вы установили равенство состояний и положений. Дайте нам также и возможность обойтись без богачей, которые по сие время пьют наш пот и кровь. Аграрный закон был бы несправедливым и неблагодарным, но закон, воспевающий земледельцу занимать больше двух ферм, был бы законом благодетельным».

Крупный земледelec прибирает к своим рукам все мелкие хозяйства поблизости, — расходы его от этого не возрастают. Скоро уже бедняку не найти будет для себя и хижин.

«Пусть же Конвент, во имя блага значительнейшего большинства, не посягая притом ни на справедливость, ни на право собственности, постановит, что всякому землевладельцу или фермеру, обрабатывающему землю с ежегодным доходом свыше чем в 500 ливров, запрещается занимать больше одной фермы. Благодаря этому множество граждан будет избавлено от необходимости сохранять безбрачие из-за того, что им не найти себе пристанища; множеству других не придется закабалить своей свободы и рук ради того, чтобы прокормиться; благодаря этому трудолюбивый человек найдет способ поднять семью, которую теперь принужден посылать с протянутой рукой к порогу богача, где сплошь и рядом вместо всякой помощи дети слышат: бог подаст, много вас тут ходит...»

Среди подписавших петицию член комитета надзора, мэра Грозуаньон, двое муниципальных служащих, трое нотариусов, национальный агент.

Записка о земледелии и торговле народного общества в Lintot, ² 20 термидора II г. — 7 августа 1794 (F¹⁰, 320).

Неудобства концентрации их в одних руках и вытекающие отсюда предложения.

Земледelec должен знать только свою пашню и присущие его состоянию занятия; должен отвозить свой продукт на рынок, с определенным запретом отдавать его «в дома и магазины богатых людей и городских торговцев, дабы народ мог из первых рук покупать необходимые для жизни предметы, и за свою пищу ему бы не приходилось уплачивать позорного выкупа четырьмя или пяти спекулянтам и себялюбцам».

Земледelec не должен арендовать больше одной фермы; если он эксплуатирует еще несколько их, обязать его отказаться от них в вандемьере. «Надо установить максимум на земли, в зави-

¹ Округ Neufchâtel, кантон Forges-les-Eaux.

² Главный город кантона в округе Дьепп.

симости от их качества». Пусть самые крупные фермы будет разрешено снимать только одному фермеру с одним рабочим; благодаря этому размеры их сведутся к 70—80 акрам;¹ их число надобно довести до возможно большего предела, чтобы увеличить количество скота. Пусть ни один городской житель, имеющий в городе дом, не сможет арендовать ферму. И, наконец, крупного земледельца надобно обязать вспахивать землю у мелкого за нормированную плату.

Дале следуют предложения, относящиеся к промышленности и торговле.

Выписка из протокола заседания народного общества в Dampierre-la-Source, б. Martin-du-Bec, 25 фруктидора II г.—11 сентября 1794 г. (F¹⁰, 210).

Один из членов доказывает, что в настоящее время значительное количество земледельцев эксплуатируют в дистрикте по две, три, четыре фермы, между тем как множество других не держат ни одной. Многие лица из молодежи не могут устроиться, что идет в ущерб народонаселению. Закон облагает налогом с недвижимости только главное жилье, а крупный фермер перекладывает его на мелких землепашцев.

Общество единодушно одобряет речь и требует, чтобы не разрешалось эксплуатировать больше одной фермы.

Петиция народного общества в Hellette, 3 II г. (F¹⁰, 285).

Крупные земледельцы не довольствуются одной фермой в 60, 80 и даже в 100 акров.⁴ Они забирают в свои руки и мелкие. «Это новая аристократия». Петиция требует запрещения эксплуатировать больше одной фермы, каких бы размеров она ни была.

Письмо национального агентства в Brutus-Villers, 8 вандемьера III г.—29 сентября 1794 (F¹⁰, 331).

«Крупные фермеры забирают в свои руки мелкие фермы и сгоняют мелких фермеров». Один фермер не должен снимать больше одной фермы.

¹ См. № 85.

² Saint-Martin-du-Bec, округ Гавра, кантон Criquetot-d'Esneval.

³ Или Eslettes, округ Руан, кантон Clères.

⁴ По всей вероятности, акр равный 54,67 ара (см. Le Parquier, Cahiers du baillage d'Arques II, 588).

⁵ Montvilliers, главный город кантона в округе Гавра.

Петиция, переданная в Комитет земледелия депутатами коммун кантона Châtelet, 13 декабря 1792 г. (Gerbaux et Schmidt, Procès-Verbaux des Comités d'agriculture et de commerce, III, 39).

Она направлена к тому, чтобы принудить фермеров поставлять хлеб по 2 соль за фунт и ограничить крупные фермы размером в две сохи. Петиции этой мы не нашли.

Соображения гражданина Себастьяна Калльо, прокурора коммуны Vert-Saint-Denis, подле Melun, представленные парижскому муниципалитету, б. д. (F¹⁰, 284).

Многие фермеры держат по несколько ферм. У одного их три и плюс еще три-четыре участка другой земли. Следует постановить, чтобы никто не имел права эксплуатировать больше одной фермы.

Доклад Центрального комитета народного общества в Lizy-sur-Ouise² о способах поднять земледелие, 6 жерминаля II г.—26 марта 1794 г. (F¹⁰, 331).

Наряду с другими мерами, предлагается уничтожить слишком крупные хозяйства (exploitations), среди которых он различает: 1) крупные фермы, простирающиеся от 300 и 400 арпанов,³ до 900 и свыше, созданные путем поднятия нови или путем укрупнения; 2) соединение нескольких ферм в руках одного земледельца, живущего лишь в одной из них; разделить их можно без всяких затруднений; 3) присоединение земледельцем к своей ферме участков, арендованных разными владельцами; отделить их должно «без потрясений», чтобы не пострадали работы; с другой стороны, надо предупредить чрезмерное дробление.

От фермеров следует потребовать, чтобы они в двадцать четыре часа представили декларацию относительно обрабатываемых ими земель. Будет воспрещено арендовать или эксплуатировать по несколько ферм. Если эксплуатируемая земля (l'exploitation) состоит из частей, принадлежащих к разным имениям, она не должна превышать 300 арпанов; если она принадлежит одному землевладельцу, ему разрешается сохранить 400 арпанов; но если он в настоящее время не ведет сам хозяйства, он не

¹ Округ Melun.

² Главный город кантона в округе Meaux.

³ В Lizy арпан равнялся 100 перш, сторона перш равна 18 футам 4 дюймам, или же 35,46 ара; 300 арпанов составляют 106,38 гектара; 400 арпанов—141,84 гектара, 900 арпанов—319,14 гектара.

имеет права расторгнуть договор с целью заменить собой фермера, для избежания раздела фермы. Если обязательный максимум превышен, землевладелец должен будет приобрести или построить одно или несколько строений, так чтобы можно было создать хозяйственные единицы самое большее по 300 арпанов. Всякий владелец незастроенного, сданного по договору участка, границы которого находятся друг от друга на расстоянии, не превышающем 900 сажен, и доход с которого, установленный на основании реестров, достигает 300 ливров или свыше того, обязан построить на нем ферму. Однако ж, вместо того, чтобы застраивать, он в каждом из вышеприведенных случаев может сдать земли участками в аренду землепашцам, не имеющим в эксплуатации предусмотренного максимума, при условии, чтобы они располагали необходимыми строениями, и чтобы те были удалены от полей, которые предстояло присоединить к их первоначальному хозяйству, не больше чем на тысячу сажен. Если бы интерес земледелия того потребовали, эти земледельцы имеют право даже арендовать подобные незастроенные парцеллы с тем расчетом, чтобы все вместе не превышало 400 арпанов. Разделы эти и разрешения должны подтверждаться Комитетом земледелия дистрикта, в который должно входить по два члена от каждого кантона, назначаемых дистриктом из числа кандидатов, намеченных коммунами, имеющими по крайней мере по сто граждан, располагающих совещательным голосом. Утверждать решения комитета будет дистрикт. Ослушники будут караться штрафом в размере годового дохода с упомянутых имений, а незаконные договоры будут аннулированы. Подставное лицо подвергнется штрафу в двойном размере и полугодовому заключению в тюрьме. Далее следует проект декрета.

Seine-et-Oise

95

Важный для французов обзор или же существенные истины о соединении ферм в королевстве в связи с вопросом о хлебе, относящиеся лишь к 1788 и 1789 гг., высказанные Фротье, бывшим церковным старостой и бывшим фермером в Lau,¹ подле Парижа, ныне гражданином солдатом в Версале, б. д. (Должено Комитету земледелия 9 апреля 1790 г.). (F¹⁰, 284).

«При стоимости ржи 18 ливров за сетье, чистый доход с фермы в 400 арпанов должен равняться 25 512 ливрам (при цене 22 л. за сетье доход составлял бы 29 068 л.; такова была цена в октябре 1788 г.; при цене 32 л. за сетье, доход увеличивается до 38 053 л.). Сколько же должен получать Годфруа из Вилльжюифа, у которого четыре фермы, приблизительно в 1400 арпанов²; Ковилль из Антони, у которого их пять, и плюс еще два почтовых двора; Буланже из Сен-Сира, у которого три фермы,

¹ L'Hay, кантон Villejuif.

² Парижский арпан равнялся 35,19 ара.

который продал больше 200 мюи¹ сидра и грушевого напитка по 38 ливров за каждый; Ревиран из Вуазэна, у которого семь подвод, 7 молотильщиков для ржи, два для овса и один для жита, другими словами, работают каждую неделю десять человек, которые обмолят приблизительно 90 сетье² зерна, а он при этом ничего не везет на рынок («Он имеет дерзость говорить, что ко дню св. Ивана зерно будет стоить по 5 соль за фунт»). Вот где затаились денюжки в королевстве!

«Во многих деревнях фермеры имеют наглость считать себя выше дворян; у нас — деньги, — говорят они, — а деньги — это все; даже в те годы, когда урожай был наполовину меньше, чем нынче, они всюду понакупили земель, ферм, харчевен. Сколько же купят они всего этого нынче? У них хватает жестокости лишать владения бедных отцов семейств, имеющих по два-три арпана земли, которая переходила от отца к сыну, и о продаже которой за долги теперь кричат у церковной паперти. Сколько нахватают они со всех сторон земель, которые поступят в продажу? Они уже нацелились на многие усадьбы. Они и так уже распоряжаются хлебом, а когда у них в руках будут все земли, что станется с народом, ожидающим желанной конституции, чтобы, подобно фермерам, воспользоваться своей долей земли? Лучше уж пусть она останется у монаха, чем попадет фермеру, так как во многих местах монахи дают возможность существовать населению не одной деревни, фермеры же, захватывая всю землю, разоряют его и порабощают. Француз добр и миролюбив, но в его груди сидит большой честолюбец.

«Я вот говорю, что хлеб в руках у фермера; больше того: в его распоряжении еще и голоса населения приходов; только что происходили выборы муниципалитетов; это он их назначал — и мэра и членов муниципалитета; если в деревне налицо четверо или пятеро фермеров, они все вершат; он распоряжается своими несчастными рабами и помимо его воли ничего не делается».

Конечно, они то уж не станут доказывать Национальному собранию, что было бы выгодно «поделить земли королевства, сдавая их в аренду всем подданным для того, чтобы дать занятие как всем нищенствующим монахам, которые бы пожелали вернуться в деревни, так и сторожам, приказчикам и прислуге, оказавшимся без места». А между тем таким образом отцы семейств могли бы найти занятие для детей, прекратились бы разбои, продукция бы возросла.

«Фермеры говорят, что их заставили слишком рано вывезти зерно на рынок; они лгут, так как в этом году они молотили не раньше 15 сентября, а мы часто видали новый хлеб к 12 июля, так что нынче было на два месяца позже, чем обыкновенно». Следует предписать домашние обыски, перепись муниципалитетами зерна и, — для снабжения рынка — реквизиции с выдачей квитанций.

¹ Мюи вина в Париже равнялся, примерно, 268 литрам.

² Парижский сетье равнялся, примерно, 156 литрам.

Установлен налог на привилегированных, который во многих приходах приводит к уменьшению тали по 9 соль на ливр. Бедняк, у которого нет земли, не получает от этого почти никакой выгоды. Например, если он платит 6 ливров, он выгадывает 54 соль; фермер же, который должен вносить 1800 ливров тали, выгадывает 1800 раз по 9 соль. Поступления от этой тали следовало бы выделить для возмещения тем, кто потерпел убытки, закупая хлеб для пропитания Парижа и Версаля.

Фермер имеет возможность продавать лучшую рожь по 22 л. за сетье, яровой хлеб по 18 л.; булочник — лучший хлеб по 27 соль за 12 фунтов. «Надобно пресечь это, ибо, если, как говорили в Версале, нужно было, чтобы хлеб был дорог, для того чтобы население захотело конституции, так это было в те времена; теперь же для того, чтобы ее поддерживали и притом с прежней энергией, очень важно, чтобы цена на хлеб была установлена в 22 л. сетье. Если у населения достало мужества ожидать этой прекрасной конституции, так потому лишь, что у него были еще кое-какие источники существования...

«Городские и кабинетные люди и наполовину не понимают необходимости того, чтобы цена на хлеб была нормирована, а земли поделены для сдачи в наем населению; надо жить в деревне, чтобы понимать значение всего этого; желательно было бы, чтобы все мэры, городские и сельские, знали это дело, как его знают фермеры; все было бы вскоре же решено; но фермеры, у которых свои интересы, всегда найдут что сказать против; между тем, если бы все города и деревни сказали свое слово, из 24 миллионов населения Франции по крайней мере 20 были бы за. На что нам обещанная свобода, если у меня нет земли, чтобы для моей большой семьи была работа, и я вижу, что ей остается идти разбойничать в города, — говорит отец семейства. На что мне свобода, если я умираю с голоду и должен идти в неволю к другим людям, и мои дети должны погибать по вине правительства? А между тем сеньеры, поделив свои земли между теми, кто на них живет, нажили бы себе друзей и из своих ферм сделали бы жильё, которое пойдет по хорошей цене, и всегда смогли бы сдать и землю выгодней. Это не значит, что я хочу, чтобы земля сдавалась дороже, чем теперь. Я знаю, что есть фермы очень дорогие, но я хочу только сказать, что если ферму поделить между 60 и 90 лицами, землю можно сдать дороже, чем одному человеку». Значит, надо расторгнуть все договоры.

96

Петиция жителей и землевладельцев в *Noisy-le-Roi* и *Bailly*,¹ б. д. (зарегистрирована 15 июля 1790 г.) (D. XXIX, 82).

Высказав просьбу, чтобы их восстановили в пользовании разными обычными правами (*droits d'usage*) в большом версальском

¹ Округ Версаля, кантон Марли.

парке, они сообщают, что «в указанных приходах есть две большие фермы с пашней и многие другие строения и прилегающий к ним огород, недавно приобретенные принадлежащим королю доменом в Версале».

«Просим вас, господа, будьте добры, поделите их и отдайте под ренту или в наем. Это увеличит доход государства по крайней мере на треть, и не надо будет производить крупного ремонта, которого требуют от домена фермеры. Это даст занятие отцу семейства, который будет держать детей при себе, не будучи вынужден рассылать их во все стороны, чтобы они заработали себе на пропитание, причем он не знает даже подчас, что с ним станется».

97

Петиция Фротье, председателя тринадцатой секции Версаля «Постоянному собранию»,¹ 29 августа 1792 г. (печатная). (F¹⁰, 284).

Она начинается с изложения пожеланий политического характера: «Потребуйте низложения Людовика XVI». Народ должен сохранить за собой право в любое время отзываться государственных должностных лиц. Пусть в каждом департаменте будет избран трибун, который бы уравнивал влияние властей; народ может сменять трибуна; первичные собрания должны быть постоянными.

Затем Фротье переходит к аграрному вопросу: ни один земледелец (*cultivateur*) не может иметь больше одной фермы; по возможности она не должна превышать 150 арпанов, если только ее не эксплуатирует сам землевладелец. Разве нельзя поделить остальное, сдав в аренду? За внесение аренды поручится коммуна. «Если в Национальном Конвенте мы не обеспечим себе законом раздела и сдачи в наем этих земель, лесов и лугов, мы навсегда останемся в неволе и в последней нищете. Подумай о себе, бедный класс сел и деревень. Настал момент твоего благополучия или неволи. Француз, подумай над выбором своих представителей в Национальный Конвент».

Следует также просить Конвент отменить продажу земель духовенства, взять обратно, с возмещением уплоченных денег, проданные земли и затем поделить национальную вотчину в долгосрочную аренду с правом ипотеки (*en bail emphytéotique*).

«Потребуем и аграрного закона, т. е., когда победим государства, желавшие нас поработить, сделаем их своими данниками, и пусть дань эта будет предназначена нашим солдатам; у нас в таком случае не станет дело за победителями».

Кроме того он требует, чтобы в каждой коммуне муниципалитет обязал земледельцев наполнять после жатвы его амбары. В заключение он протестует против предложения аббата Фоше в пользу развода.

¹ Избирательное собрание для назначения депутатов в Конвент.

Петиция гражданина Симона. Corbeil, 20 апреля 1790 г. (F¹⁰, 210).

Хлеб не должен бы стоить больше 24 ливров за сетье; если он дороже, так потому, что фермеры стали слишком богаты; мы видим, как в кантоне весь продукт земли собран в руках пяти — шести фермеров, располагающих существованием народа; они входят в стачку и устанавливают на него ту цену, которая может удовлетворить их ненасытную алчность... Так надо же определить цену на этот необходимейший товар. Надо сделать больше! Надо поделить земли; надо не разрешать впредь одному человеку обрабатывать свыше ста арпанов».

Петиция республиканского общества в Mantes, б. д. (май июнь 1793 г.). Gerbaux et Schmidt. Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce, III, 756.

В ней требование фиксации цен на зерно, раздела крупных состояний и крупных ферм; петиции этой мы не нашли.

Петиция Пуарье, земледельца в Morigny,¹ ныне проживающего в Париже, по улице Сен-Доминик, № 946, б. д. (1792 или 1793 г.). (F¹⁰, 285).

Чтобы «поднять» земледелие, «я предлагаю разделить имения на возможно меньшие части». Можно предоставлять фермеру до 200 арпанов, но только в равнинах, где нет другого жилья, кроме его. От этого выиграет главным образом культура овощей; фермер о ней не заботится; он всегда оставляет под паром третью часть своих земель, меж тем как мелкий землепашец производит все, что только может.

Фротье, бывший председатель тринадцатой секции Версаля, лейтенант национальной гвардии, — Конвенту, б. д. (пометка о передаче в комитет земледелия 2 флореаля II г. — 21 апреля 1794 г.). (F¹⁰, 284).

Национальные имущества следовало бы поделить между сельским населением; чтобы каждый отец семейства получил под ренту или в долгосрочную аренду с правом ипотеки (à bail emphytéotique) «долю по его силам».

Не следует разрешать фермеру сохранять за собой свыше 50 арпанов; остальное должно быть уступлено народу по цене, указанной в арендном договоре.

¹ Morigny-Champigny, округ и кантон Этампа.

Если нормировали цены на товары, надобно бы нормировать и арендную плату; цена за арпан не должна превышать 20 ливров с условием, чтобы съемщики уплачивали свои налоги.

«Если у каждого из жителей будет свой участок земли, он будет лучше возделан и, следовательно, будет больше приносить; все рабочие руки будут заняты; воровство и разбой, источники всех пороков, будут уничтожены, и, раз народ будет обеспечен, задачей граждан станет соревнование в нравственности и добродетелях; тогда-то и настанут столь желанные счастливые дни, когда не будет больше мошенников; граждане смогут спокойно спать при незапертых дверях! О, прекрасная заря!»

У многих из держателей земли не будет сельскохозяйственных орудий, ни семян: нация должна их предоставить.

Следовательно, «раз наш Народный Конвент дает право всем несостоятельным гражданам поделить на счастье возвращенные в распоряжение нации земли, которые были отняты у наших братьев монахами, щедро расточавшими им молитвы... почему бы и нам не прибегнуть к репрессиям и не обложить налогом излишнее имущество богачей, чтобы помочь устройству бедных отцов семей, санкюлотов, у которых братья и сыновья ушли на защиту родины, многие из которых и сами там же?» В противном случае не пришлось бы опасаться праздности солдат после их возвращения?

«К тому же, если поступить иначе, что скажут наши правнуки, когда прочтут в наших летописях, что французы, их отцы, ниспровергли троны, изгнали с земли свободы всех тиранов и нечистую касту попов, но не сохранили им вотчин, похищенных у наших братьев этой кастой монахов? Разве не в праве они будут поставить нам в упрек, что мы пренебрегли самым важным делом, оставив все эти вотчины в руках миллионеров, ростовщиков, в руках тех, кто конспирирует против республики, кто с помощью изменников-генералов посылал и посылает на убой наших братьев и детей, находящихся на границе?»

У землевладельца, сдававшего прежде арпан за 15—18 ливров, больше оставалось, чем теперь, когда он его сдает за 50 ливров. «Как же вы хотите, чтобы неимущий класс сопротивлялся угнетению и поддерживал свое существование, если отнимаете у него все средства к тому? Поэтому необходимо, чтобы Национальный Конвент приостановил продажу национальных имуществ до тех пор, пока он в мудрости своей не примет на этот счет нужных мер. Мне кажется, что было бы преступлением против нации не запросить мнения народа по этому благодетельному делу. Откладывать еще на один день значило бы поставить в опасность нашу свободу. Зато день, когда Конвент принесет эту великую жертву, станет днем воскресения Европы».

«Граждане! Вся наша судьба зависит от этого благодетельного акта: для уничтожения всех тиранов на земле он более имеет

значения, чем все наши армии; таков-то, граждане, один и единственный способ сделать нацию счастливой».

В Масси¹ уж по крайней мере лет тридцать тому назад фермы были поделены для сдачи в наем народу; там вы не встретите бедных. В Гометце² у прихода было 40 арпанов; он его сдавал 10 жителям. Крупные фермеры купили их по тысяче экю за арпан и присоединили к своим фермам; а земли эти стоили всего от 400 до 500 ливров. «Только фермеры, ростовщики и те, кто расхитил национальные средства, и выиграли от революции».

102

Петиция Гюда, национального агента в Presles,³ 2 флореаля II г. — 21 апреля 1794 г. (F¹⁰, 285).

Он указывает на то обстоятельство, что крупный земледелец, занимающий несколько ферм, составляющих около 300 арпанов, хочет еще «захватить» две других и мельницу, т. е. еще 200 или больше арпанов. Правда, он хочет пересдать их от себя, но вдвое дороже, чем платит сам.

«Этот себялюбвец хочет следовать обычаям старого порядка обогатившись за счет пота добрых санкюлотов, он еще желает захватить эти земли, говоря, что пересдаст их от себя... Это ли называется быть добрым гражданином? Нет, ибо если эти господа и представляются патриотами, так с тех лишь пор, как террор поставлен в порядок дня. Никогда они не забудут про старый порядок».

А кроме того, они еще разводят люцерну, вместо того чтобы сеять хлеб.

103

Петиция Коммуны Villepinte⁴, б. д. Пометка о передаче в комиссию земледелия и ремесл 27 прериаля II г. — 15 июня 1794 г. (F¹⁰, 284).

Если ощущается недостаток многих продуктов, так это главным образом потому, что большая часть земледельцев держит по несколько ферм; в результате меньше стало скота и удобрений.

«Святая Гора! Прими во внимание нашу записку; сделай так, чтобы эти землепашцы, разъезжающие в кабриолетах, не держали больше таких крупных хозяйств (emplois); пусть у них будет по одной ферме, дабы те, кому почти нечего делать, также могли работать у себя, и предпиши им всем разводить молодняк».

¹ Округ Corbeil, кантон Longjumeau.

² Округ Rambouillet, кантон Limours.

³ Округ Pontoise, кантон Isle-Adam.

⁴ Округ Pontoise, кантон Gonesse.

104

Письмо гражданина Шарпантье парижским якобинцам. Pontoise, 23 фруктидора II г. — 9 сентября 1794 г. (F¹⁰, 331).

«Если вы хотите сделать народ счастливым, самое действительное средство привести его к этому состоит в том, чтобы впредь национальные имущества продавались только мелкими долями, и, если бы с самого начала так поступали, несомненно, что нам не пришлось бы так мучиться из-за продуктов, как мы мучимся теперь». Надо также поделить и крупные фермы. «Некий Ландри, фермер в Mesnil-Amelot¹, один держит двадцать две сохи земли, а между тем у него всего сорок коров». Если бы эту аренду поделить между двадцатью двумя гражданами, у каждого из них было бы по крайней мере по четыре коровы. Следовало бы, чтобы богатые буржуа (les riches particuliers) не могли обрабатывать больше ста тысяч сажень земли.²

105

Петиции Дюфура, мэра в Рамбулье, 3 фримера и 2 нивоа III г. — 23 ноября и 22 декабря 1794 г. (F¹⁰, 212B и 233).

В соседней коммуне есть участок в 57 арпанов, под названием участок Лага, с превосходной почвой, который он хотел купить. Комиссары по оценке национальных имуществ в дистрикте Дурдана, «вследствие плохо понятой системы дробления, системы в одном отношении недурной, которая, однако ж, если ее плохо применять и плохо исполнять, может принести вред общему благу, намерены предложить дистрикту продать его мелкими частями». Если этот участок поделить, он не будет стоить столько, как теперь. Он готов дать за него по 100 пистолей и даже по 1 200 ливров за арпан в целом; но не даст и 300 или 400 ливров за три либо четыре арпана.³

Есть другой участок в 80 арпанов, бывший заповедник домена, который Людовик XVI велел обнести стеной. После отмены гражданского листа заповедник был уничтожен; земля — новь, но весьма пригодна для разведения скота. Дистрикт и ее хочет разбить на мелкие участки. Недавно он хотел сдать ее по частям; за нее не давали больше, чем по 400—500 ливров, между тем «я слышал», как граждане говорили, что за все целиком дали бы 3000 ливров. Дистрикт отказался от мысли сдать в наем и будет продавать.

«Мне хочется думать, что уже прошло то время, когда нацию вводили в заблуждение, развивая перед ней идеи об улучшении

¹ Департамент Сены и Марны, округ Меау, кантон Dammartin.

² Квадратная сажень равнялась 3,798743 квадратного метра; 100000 кв. сажень составляют 37 гектаров 98,74 ара.

³ В Дурдане был принят королевский арпан (51,07 ара). Пистоль — счетная монета, равнявшаяся десяти ливрам.

ее участи, не желая при этом облегчить ей возможности обратиться к себе на пользу».

Somme

106

Петиция Депари, земледельца в Ligescourt (Дистрикт Abbeville, кантон Crécy), б. д. (F¹⁰, 285).

Он купил участок национальных имуществ в Watteglise,¹ который занят одним гражданином, обрабатывающим ферму Watteglise, и имеющим другие контракты. Этот гражданин арендовал ферму, в которой живет Депари, и собирается его выгнать. Депари требует, чтобы ни одному гражданину не разрешалось возделывать больше одной фермы.

Tarn

107

Петиция Н. Амильо-сына, в Saint-Sever в Lacaune.² 21 мессидора III г. — 9 июля 1795 г. (F¹⁰, 285).

В сентябре 1793 г. он сдал в наем небольшую усадьбу (un petit domaine), обусловив, чтобы половник уплачивал десятину и сеньориальные права. Ссылаясь на декрет от 1-го числа второго месяца второго года,³ половник отказывается платить. Этим декретом не аннулировались договоры, заключенные до его издания.

Vaucluse

108

Письмо гражданина Шуазити к якобинцам Парижа. Авиньон. 5 вантоза II г. — 23 февраля 1794 г. (F¹⁰, 285).

Он советует разделить крупные имения, одновременно озаботившись постройкой жилищ, чтобы землепашцу не приходилось жить слишком далеко от своих полей. Земля Арль имеет от шести до семи лье с севера на юг и от трех до четырех в ширину. Встречаются имения (domaines) по 1500 salmées, составляющих от 200 до 3000 арпанов.⁴ Если уже не обращать их в общинные земли, во всяком случае можно было бы поделить их на шесть либо восемь имений (domaines).

¹ Поселок в коммуне Damprierre, кантон Crécy.

² Главный город кантона в округе Castres.

³ См. стр. 116.

⁴ Авиньонское сальме равнялось 1600 квадратным сажням, или I королевскому арпану, 255 сажням 20 футам (60,78 ара); сальме в Saint-Paul-Trois-Châteaux — 2500 сажням или 1 арпану, 1055 сажням 20 футам.

Письмо гражданина Тортилла из Malaucène.¹ II г. (F¹⁰, 212 B).

Его предшественник собирал по 40 charges;² ему же удалось получить 50; но такой результат не удовлетворил его, он сдал лучшие земли брассье (à des brassiers) или поденщикам (journaliers) под условием возделывать их только лопатой или заступом и ежегодно засеивать пол-сальме хлебом, другую же половину — овощами; вместо 50 charges он получил 74. Поэтому он предлагает следующие меры: чтобы каждый гражданин имел право требовать в аренду от всякого землевладельца одно сальме, которое он будет возделывать лопатой и засеивать половину хлебом и половину овощами. Если у этого батрака есть дети, он сверх того получит еще по пол-сальме на каждого десятилетнего ребенка, по сальме на ребенка одиннадцати лет и так далее в той же прогрессии. Колос будет отвозиться землевладельцу, и урожай будет делиться после молотбы пополам; солома остается арендатору.

Каждый фермер должен будет сдавать в наем по сальме на тех же условиях всякому брассье, который того потребует, и предоставлять ему ссуду в шесть ливров на пол-сальме, не считая семян.

Если бы фермер или землевладелец сдал таким образом даже всю свою землю в аренду поденщикам (journaliers), они тем не менее должны будут сохранить прежнее количество рабочего скота, «дабы быть полезными своим согражданам.»

Vendée

110

Петиция жителей La Flocellière,³ направленная против Диллона, фермера графа де Сюржера, их сеньора, б. д. (Поступила 21 июля 1790 г.) (D XXIX, 43).

«Если вы расспросите непосредственных половников замка, особенно тех, кто работает из половины урожая, разве они вам не скажут со слезами на глазах, что скоро их постигнет та же участь, что и тех, которые теперь разоренными уходят с земель г-на де Сюржера; что по отношению к ним совершается тысяча жестокостей, вроде того, что их заставляют давать семена из своей половины зерна, оплачивать луга, предназначенные для корма скоту, в прибыли от которого они имеют лишь половину; что им не наткать самого тонкого льна, не нараводить птицы достаточно для удовлетворения их алчности; что под страхом немедленного сгона с земли им запрещается перевезти хоть одну

¹ Главный город кантона в округе Orange.

² Charge в разных местностях была разная. В Марсели в ней считали 154,79 литра.

³ Округ Fontenay-le-Comte, кантон Pouzauges.

подводу для приятеля, что даже присутствовать на приходских сходах им запрещают под самыми страшными угрозами от лица г-на де Сюржера, именем которого они все время злоупотребляют, и половники должны слушаться:» Граф ежегодно дает по 400 ливров на бедных. Фермеры присваивают эту сумму, так как «в течение многих лет они довольствуются тем, что дают возможность нескольким поденщикам поработать в самые суровые зимние дни по 8—9 соль за день и без пищи, и потом сеют там лен для своей личной выгоды». Бедняку не достается ни одного су.

Yonne¹

111

Постановление генерального совета в Rogny², 9 мая 1790 г. (F¹⁰, 332).

Мелкие землевладельцы, которые в прежнее время могли засеять ежегодно по два, три, четыре и пять арпанов хлебом, и столько же овсом, лишены теперь этой возможности «благодаря поведению... нескольких крупных землевладельцев или арендаторов имений (domaines), которые за последние два-три года, ради собственной выгоды, перевели три домена в своем приходе на положение имений, обрабатываемых с помощью рабочих (manoeuvres), так что это уменьшение числа самостоятельных земледельцев (laboureurs) лишает этих простых землевладельцев возможности засеять свою землю, собственную или арендованную, если только они не станут платить произвольную цену крупному земледельцу-предпринимателю (au cultivateur-laboureur), который, будучи свободным, словно из милости пожелает им вспахать.»

Коммуна требует, чтобы имения, обрабатываемые наемным трудом (les manoeuvres), были возвращены декретом в аренду самостоятельным землепашцам, и чтобы всем землевладельцам было запрещено производить подобные преобразования.

112

Народное общество в Censoir-sur-Yonne,³ б. д. Представлена 29 плювиоза II г. — 17 февраля 1794 г. I (F¹⁰, 285).

Большинство жителей имеет по одной или несколько коров; они не землевладельцы и принуждены снимать луга. В настоящее время землевладельцы сдают в аренду все свои луга одному-двум гражданам, которые не могут использовать их и пересдают

¹ Cf. С. Brinton The Jacobins, стр. 169 обращает внимание на петицию клуба в Ligny-sur-Serain (Ligny le Château, главный город кантона в округе Auxerre) от 22 фруктидора II г., с требованием, чтобы имения эмигрантов были поделены на небольшие участки и таким образом, чтобы не одни только богатые и влиятельные люди могли их приобретать (Архив Ионны, L, 1141).

² Округ Joigny, кантон Bléneau.

³ Революционное название Château-Censoir, в округе Avallon, в кантоне Vézelay.

другим; цена на них становится так велика, что бедняк не в состоянии их получить. Общество требует, чтобы эти арендные договоры были отменены декретом и было бы запрещено снимать в аренду больше лугов, чем нужно арендатору для его скота.

Анонимные петиции и петиции, на которых не указано откуда они

113

Анонимная записка Национальному Собранию, 20 ноября 1789 г. (F¹⁰, 284).

В ней требуется, чтобы цена на зерно была установлена по 10 ливров за кинтал.¹ Земледелец (cultivateur), исчисляя аренду, никогда не оценивает его выше 7 ливров 10 соль самое большее. В течение последних двадцати лет, несмотря на хорошие урожаи, хлеб стоил дорого, вот поэтому сейчас цена и растет все время: разбогатев, земледелец выдерживает цены. Другая причина — укрупнение ферм. «Земледелец (laboureur), занимающий по две-три фермы, иногда и до четырех, пользуется тем, что он в приходе один, и заставляет по низкой цене производить у него работы несчастных, которые, трудясь без передышки, едва зарабатывают на хлеб. Деревня, где я родился, является разительным доказательством того зла, которое это причиняет сельскому рабочему люду. В 1740 г. эта деревня состояла приблизительно из 36 домов в полной исправности и четырех ферм, занятых четырьмя земледельцами (laboureurs), тогда все там жили в достатке, так что не нашлось ни одного человека, который бы нуждался в помощи, в тот несчастный год предоставлявшейся государством беднякам. С тех же пор, как лет 25 назад приход этот попал под власть одного земледельца, в нем осталось не больше двух десятков хижин в плохом состоянии, и живут в них несчастные люди.» В результате потребление понизилось, разводятся меньше скота и особенно птицы.

Следовательно, надо запретить, чтобы в одной ферме было больше четырех сох по 75 арпанов по сто верже, а также воспретить занимать по две фермы, если обе вместе они составляют свыше пяти сох земли. Те лица, у кого одна из ферм состоит больше чем из восьми сох, должны будут возвести строения для жилья второго фермера; тому, кто владеет фермой размером больше чем в две сохи, запрещается давать ей разрушаться.

114

Петиция гражданина Этермана, 15 ноября 1792 г. (F¹⁰, 232).

«Ростки нового мира, как казалось в первое мгновение, должны были уничтожить народную нищету, которая все возрастает

¹ Кинтал — 100 фунтов.

в деревнях». Надобно сдерживать «прожорливость» тех, кто подымает цены на зерно.

Чтобы хорошо обрабатывать землю, не надо занимать больше тридцати журно на полосу (*par couture*¹) при четырех лошадях для областей с глинистой почвой, тридцати под овес и тридцати — под пар², всего 90 журно. Благодаря этому было бы больше земледельцев (*cultivateurs*); они производили бы на треть больше, чем тот, кто одним плугом обрабатывает 60 или 70 журно.

Кроме того надо запретить сажать виноградную лозу на пахотной земле и вырвать насаждения, сделанные за последние двадцать лет.

И, наконец, надо стараться не выполнять декрета о разделе общинных земель,³ ибо, если произвести раздел, будет уничтожен существующий ныне лес, да кроме того куда станут выгонять скот?

115

Граждан Лесаж, от лица многих сограждан, 10 декабря 1792 г. (F¹⁰, 320).

«Вы должны вспомнить о том, что национальное законодательство проектировало издание закона о том, чтобы каждый земледelec, обрабатывающий больше одной фермы, был обязан отказаться от ее эксплуатации в тот момент, когда начинается новый год его аренды.» В 1789 г. это было «пожеланием всех избирателей», чтобы в одной ферме не заключалось больше четырех *muirs*⁴ на посев, чтобы один фермер не возделывал больше одной фермы и не мог бы одновременно иметь ферму и мельницу, за исключением тех случаев, когда он являлся бы их собственником.

116

Петиция Ледэ и Боделэна, б. о. м., б. д. Пометка о передаче в Комитет земледелия 1 марта 1793 г. (F¹⁰, 320).

Это колонны-половники; они платят десятину и талью и кроме того налог с недвижимости. Итак, — Революция улучшила бы вашу участь, если бы освободила вас от тяжкого гнета уплачиваемой вами десятины. Но так как Революция, видимо, вашей участи не улучшила, вы должны вносить землевла-

¹ Или *sole*.

² В подлиннике — *sombre*, выражение, равнозначное понятию *jachères*,

³ Декрет 14 августа 1792 г.

⁴ В Пиккардии *muir* земля состояла из двенадцати *mines*. Мина была разной величины. В Клермонтуа *muir* равнялся 9761 квадратной сажени, или 7 королевским арпанам, 349 сажням 34 футам, или же 3 гектарам 70,79 ара. Земля в 4 мюи на сезонный посев или в общем в 12 мюи равнялась 44 гектарам 49, 48 ара.

дельцу десятину, которую раньше вы должны были платить духовенству. При помощи такого же рассуждения они (землевладельцы) доказывают нам, что мы должны платить землевладельцу талью потому, что платили ее прежде, и что Революция, видимо, нас от нее не освободила; доказывают они нам также, что мы должны им платить и капитацию, и соляной налог, налог на табак, отбывать барщину, вплоть до того, чтобы давать им хлеб, съедавшийся прежде голубями и кроликами сеньора, потому что все это входило в общую массу повинностей, которые мы должны были нести, и отмена которых не должна идти нам на пользу.

«Бедняки согласились, чтобы были богатые, — сказал Жан-Жак-Руссо, — лишь под условием, чтобы богатые заботились о бедняках; мы также скажем, что те, у кого нет земельной собственности, согласились на то, чтобы были землевладельцы лишь под условием, чтобы они обрабатывали свою землю или сдавали ее в обработку, и чтобы все жили ее плодами. Так что землевладельцы — это только арендаторы, держатели своих земель (*les colons de leurs terres*) и являются их законными владельцами лишь до тех пор, пока обрабатывают их или сдают в обработку.»

Требования: 1) каждого землевладельца надо обязать давать колонам аренду на 3, 6, 9 лет; 2) каждый колон, не арендующий землю за деньги или продукт, получит в награду за свой труд половину продукта; 3) сверх половины землевладелец не должен будет ничего требовать, ни десятины, ни тальи, ни *belles-mains*, ни барщины; 4) колон обязан производить ремонт строений, оговоренный в договоре, поддерживать в порядке соломенные крыши, поставлять подводы при ремонте; 5) для землевладельца он должен поставить столько же подвод для перевозки, сколько их использует для себя; 6) землевладелец не сможет обрабатывать при посредстве рабочих больше одного имения (*un fonds*) и то при условии, что сам в нем живет; 7) землевладелец будет обязан поддерживать строения в исправности.

117

Гражданин Женар. Май — июнь 1793 г. (по Schmidt et Gerbaux, III. 757).

Он разоблачает аристократию богатых земледельцев, которые поднимают цену на хлеб; петиция эта нами не найдена.

118

Анонимная записка, б. д. (флореаль III г. — апрель-май 1795 г.). (F¹⁰, 233).

На ряду с другими мерами, направленными к регламентации торговли зерном, она предлагает запретить иметь во владении или эксплуатировать свыше 400—500 арпанов земли, включая сюда и луга, и свыше 50—60 арпанов леса.

Анонимная записка, б. д. (F¹⁰, 212 B).

Следовало бы, чтобы все сельские жители имели возможность взять в аренду по три арпана. Нужно дать муниципалитетам право сдавать по соответствующей цене земли из фонда, предназначенного для бедных, с тем чтобы их обрабатывали соответственно предписанию, так чтобы одна треть отводилась под кормовые растения, другая — под картофель и овощи, последняя — под хлеб или рожь.

Следовало бы в каждом муниципалитете раздать по три-четыре коровы с обязательством для тех, кто их получит, вырастить за год двух первых телок, чтобы потом их передать тем, у кого нет коров, и по свинье, с обязательством вырастить в течение полугода с той же целью в два приплода четыре пары свиней.

Крупные хозяйства следует запретить: один земледелец не должен снимать больше двух сох земли. А в тех коммунах, где у муниципалитета нет земли для сдачи в наем, ему следует даже предоставить право обязать любого земледельца, эксплуатирующего в аренде свыше одной сохи, уступить ему, сколько окажется необходимым, для наделения жителей, а также и для устройства искусственных лугов, предназначенных для общинного пастбища, в случае отсутствия такового.

120

Анонимная записка, б. д. (там же).

Предоставить товариществам право «преимущественно перед всеми другими» покупать земли с доходом, превышающим 10 000 ливров, «если они смежные или одни составляют уголья при других.»

Каждое товарищество обязано будет поделить их на усадьбы (domaines) с доходом ниже 10 000 ливров, даже дохода, примерно, до 1000 ливров, в соответствии с запросами покупателей, не имея при этом права увеличивать цену иначе как в пропорции, определенной Национальным Собранием.

121

«Дополнение к восстановлению деревни», т. е. к размышлениям, представленным первому собранию нотаблей

*г-ном де Монвером, генерал-майором. Париж, 9 марта 1790 г.
(F¹⁰, 224).*

Он имеет в виду продажу земель духовенства. «В случае, если эта продажа состоится, было бы очень важно разделить эти земли на участки разной величины, так, чтобы одни размером своим были пригодны для землевладельца, администратора или

крупного земледельца (cultivateur), пользующегося приличным достатком; другие — чтобы дать занятие семье земледельца; и, наконец, примерно, одну седьмую часть общего количества этих земель поделить еще мельче, на участки от одного и до десяти и двенадцати арпанов, чтобы и наименее состоятельные люди могли принять участие в торгах.»

«Отдавать эти земли можно было бы с рассрочкой на девяти-летний срок с уплатой первого взноса сразу, остальных — из года в год, с процентом 4 на сто; с тех же, кто бы вносил вперед, скинуть двадцатину.»

Тематически связанные материалы

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг.

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории

А.Собуль. Французская сельская община (XVIII-XIX века)

А.Адо. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г.

А.Коробочко. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.

В.Малов. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII—XIX веках (Опыт корреляционного анализа)

А.Адо, З.Чеканцева. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII века)

А.Адо. К истории борьбы за проведение в жизнь аграрного законодательства якобинцев

А.Адо. Муниципальные выборы, первичные собрания и социальная борьба во французской деревне (1790 г.).

А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм (конец старого порядка — середина XIX в.)

К истории петиции, представленной Пьером Доливье Законодательному собранию 1 мая 1792 г. Публикация А.Адо

К.Женден. Земельная рента во Франции от конца Старого порядка до Первой империи

Ф.Потемкин. Аграрная практика и политические позиции пропагандистов «нового земледелия» во Франции во второй половине XVIII — начале XIX в.

А.Адо. Научное наследие Н.М.Лукина и некоторые проблемы истории крестьянства во время Великой французской революции

В.Лавровский. Экспроприация английского крестьянства в XVIII в.

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты

Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», том 3)

Подборки документов

Аграрное законодательство Учредительного Собрания

Аграрное законодательство Законодательного Собрания

Аграрное законодательство монтаньяров